VISIT…

Г. Оберлендер

«Дрессировка и натаска охотничьих собак (поле, лес, водоем)»

Серия: Советы бывалых охотников
Формат: 84x108 1/32
Переплет: Мягкий
Страниц: 158

Издательство: ИЗД-ВО «АКВАРИУМ»
ISBN: 5-98435-083-1

Подготовка охотничьей собаки к действиям в поле, в лесу, на открытых и закрытых водоемах — большое и тонкое искусство. Этому искусству и посвящена книга выдающегося практика ружейной охоты. Приемы, способы, системы воспитания собаки, рекомендуемые им, есть результат более чем тридцатилетнего опыта известного дрессировщика, принципы которого вошли в уставы многих охотничьих обществ и клубов.

Применяя советы Г. Оберлендера с учетом характера и нрава вашей собаки, вы быстро и квалифицированно подготовите ее к активной работе под ружьем в различных природных и климатических условиях.

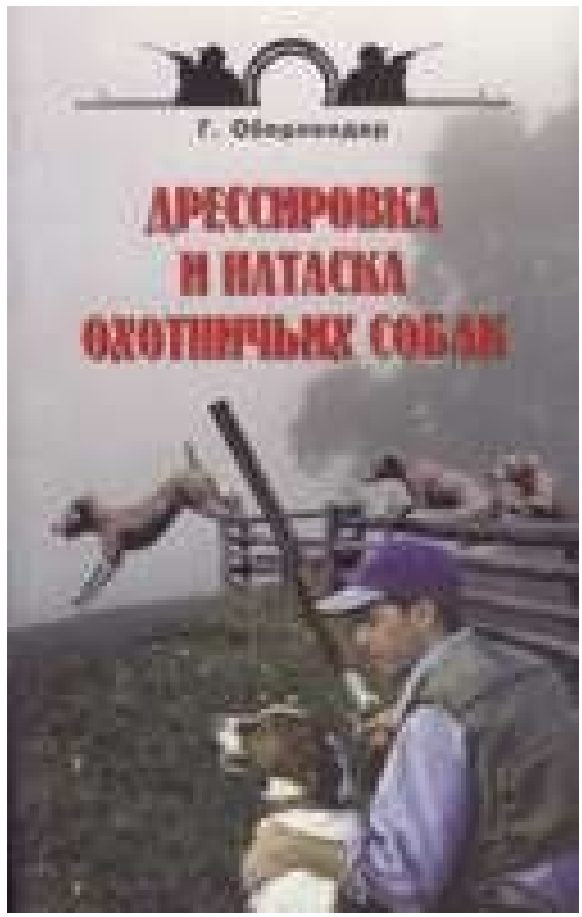
Содержание:

Начальное воспитание собаки
Испытание и развитие охотничьих задатков
Испытание к призыву на мертвую дичь
Парферсная дрессировка

Г. Оберлендер

«Дрессировка и натаска охотничьих собак

(поле, лес, водоем)»



Серия: Советы бывалых охотников

Формат: 84x108 1/32

Переплет: Мягкий

Страниц: 158

Издательство: ИЗД-ВО «АКВАРИУМ»

ISBN: 5-98435-083-1

Подготовка охотничьей собаки к действиям в поле, в лесу, на открытых и закрытых водоемах — большое и тонкое искусство. Этому искусству и посвящена книга выдающегося практика ружейной охоты. Приемы, способы, системы воспитания собаки, рекомендуемые

им, есть результат более чем тридцатилетнего опыта известного дрессировщика, принципы которого вошли в уставы многих охотничьих обществ и клубов.

Применяя советы Г. Оберлендера с учетом характера и нрава вашей собаки, вы быстро и квалифицированно подготовите ее к активной работе под ружьем в различных природных и климатических условиях.

Содержание:

Начальное воспитание собаки
Испытание и развитие

охотничьих задатков

Испытание к призыву на мертвую дичь

Парфорсная дрессировка

Испытание и развитие охотничьих задатков

Комнатная дрессировка

Первый повторительный курс на воле

Второй повторительный курс на воле

Третий повторительный курс на воле

Четвертый повторительный курс на воле

Подготовительные упражнения для ходьбы в воде

Принудительная дрессировка призыва на мертвую дичь

Натаска собаки в первом поле

Работа в лесу

Охота по водяной дичи

Натаска собаки во втором поле

Работа обыкновенной собаки на облаве

Начальное воспитание собаки

Все спортивные писатели, составлявшие руководство к дрессировке, сходятся в положении,

что молодая собака должна быть телесно и духовно развита, прежде чем ее подвергнут дрессировке. Если это положение правильно по отношению к односторонней собаке, то тем более наличность этих качеств необходима в отношении разнообразной подружейной собаки, дрессировка которой ставит учителю из ряда вон выходящие задачи. Поэтому большинство авторов придерживаются совершенно правильного мнения, что собака достигает зрелости – возраста, пригодного для дрессировки – средним числом по достижении 12 месяцев от роду.

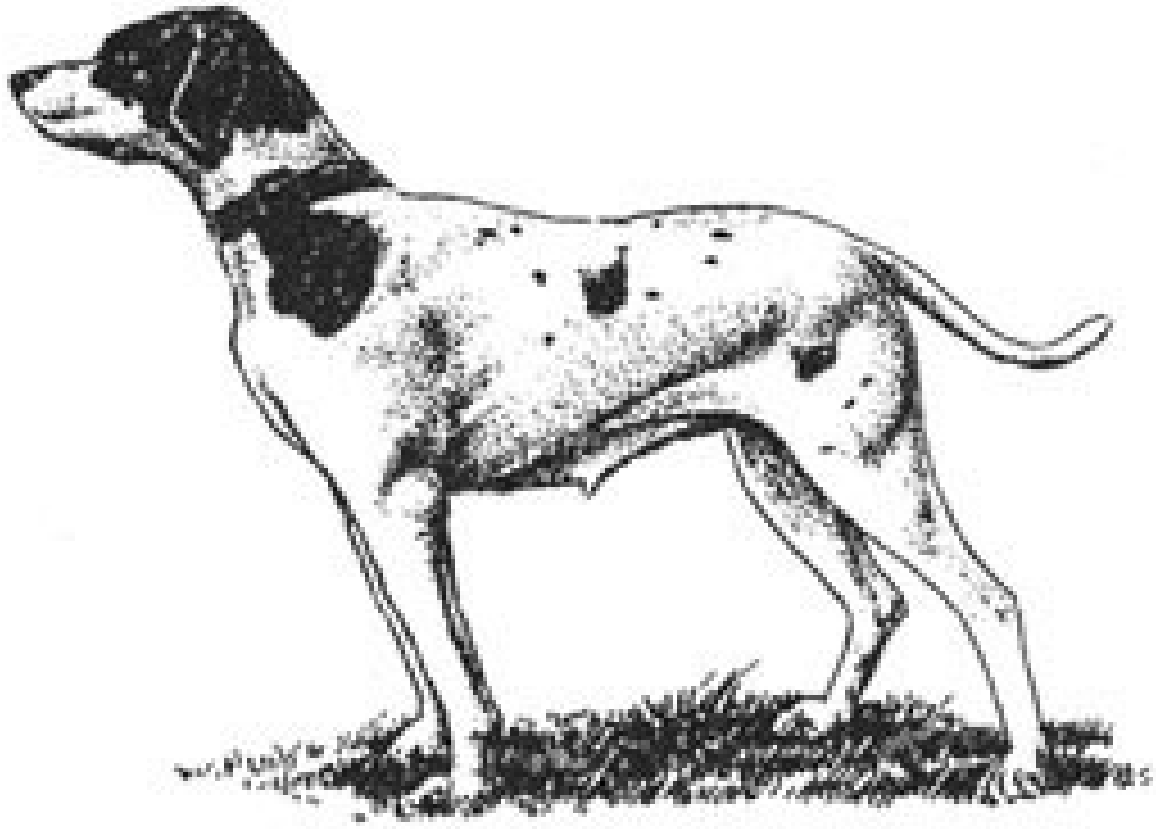
При наличии этого правильного взгляда в высшей степени странным является то обстоятельство, что большинство сочинений по дрессировке и натаске трактует, тот период жизни молодой собаки, который предшествует вступлению ее в пору зрелости, пригодной для дрессировки, с краткостью, достойной маловажности или незначительности данного периода.

В противоположность своим предшественникам, я полон убеждения, что первый год жизни собаки и обстоятельства, в которых он протекает, имеют не только «большое значение, но даже

значительно важнее для формирования положительных качеств животного, чем все остальные периоды. Достаточно припомнить для выяснения этого вопроса, что в первый год жизни заканчивается развитие костного скелета, и собака достигает своего полного роста. Стало быть, важнейшая доля телесного развития принадлежит первому году жизни.

Одним из элементарных требований для естественного здорового развития молодого тела животного является достаточное движение на воле. Природа никогда не знает покоя, даже внутри живого

организма никогда не бывает застоя; нет, там постоянно царит живое движение, форменная эволюция, пожалуй, все там движется, шумит и пульсирует. И сильнее всего двигается и пульсирует организм животного в период подрастания; его сердце производит сокращений на одну треть больше, чем сердце зрелого животного; его легкие в равной мере развивают большую деятельность.



Этих поверхностных наблюдений достаточно, чтобы прийти к убеждению, что, если недостаток движения сам по себе уже является грехом по отношению к деятельности, происходящей внутри организма, то грех является вопиющим и еще более опасным по своим последствиям, когда дело идет

о молодом организме в период его роста.. Тело молодой собаки, прирожденной впоследствии выказывать быстроту и выдержку в беге, нуждается в совершенно особенной заботе о доставлении ей достаточного, сильного и правильного движения. Всякий час, когда собаке дана возможность свободно, как птице небесной, бегать по полю, есть уже выигрыш, плюс в ее будущей работоспособности.

Не одна забота о телесном развитии рекомендует брать подрастающую собаку в поле. Одинаковой важности заслуживает вопрос: одарена ли собака также

задатками, которые необходимы для собаки, подготовляемой к разносторонней работе. Разносторонняя подружейная собака должна обладать понятливостью, страстью, выдержкой, быстротой, равно как и задатками к поиску по следу; прежде всего собака должна быть одарена хорошим чутьем, с помощью которого должна воспринимать не только запах дичи на возможно далеком расстоянии, но и быть в состоянии преследовать с уверенностью по холодным следам, будь они сделаны даже несколько часов тому назад.

Если чутье можно испытывать

лишь в поле, т.е. над дичью, то еще более необходимо это для испытания страсти, выдержки и быстроты. Правильное безукоризненное строение может доставлять известную уверенность при суждении о телесной работоспособности, но суждение это будет не безусловным. Уверенность в работоспособности возможна только в том случае, если собаку наблюдали в течение продолжительного быстрого бега в поле и видели при этом, как функционируют вместе конечности, плечо, спина и зад. Тот, кто думает, что может судить о работоспособности стоящей или

идущей на привязи собаки, рискует ошибиться, так как целый ряд пороков совершенно так же, как у лошадей, у собаки заметен лишь во время работы.

Относительно того, как практику-охотнику вернее всего определить, обладает ли его молодая собака чутьем, понятливостью, страстью, выдержкой и быстротой, а также задатками к поиску по следу, словом, обладает ли она задатками разносторонней подружейной собаки, я попытаюсь дать правила в следующих главах, которые представят не только руководство к испытанию, но главным образом, к

систематическому развитию и поднятию этих элементарных свойств.

Обращение с молодой собакой и руководство ею перед дрессировкой имеет значение также и с другой точки зрения. Именно: вследствие многочисленных наблюдений я пришел к убеждению, что большинство собак портится не неправильной дрессировкой и натаской на охоте, а еще до дрессировки и как раз наиболее неисправимыми, важными пороками, – такие собаки обязаны неправильному обращению человека с недрессированной собакой.

Одним из наиважнейших и обыкновеннейших пороков является боязнь побоев, которая может выродиться в настоящее удирание домой, непослушание зову, лишь бы только избежать ожидаемого наказания. Порок этот в большинстве случаев развивается из того, что молодая, недрессированная собака, которая не признает авторитета хозяина и не имеет никакого представления о послушании и вообще об обязанностях, наказывается за совершенный проступок. Собака преследует кур, уток и т.д., при случае одну из них придушила; она рвет ковры, сапоги;

она гадит в комнатах, как это бывает со всеми молодыми собаками.

Теперь достаточно неудачной попытки поймать собаку и порочная собака налицо! Собака узнала, что ей нечего быть такой глупой – подставлять свою спину под удары хозяина. Впоследствии это стратегическое положение она будет вечно применять и, таким образом, попадет в класс неисправимых, прежде чем достигнет возраста, пригодного для дрессировки.

А как много собак окончательно портится одним этим преследованием нечистоты в комнатах! Один великий кинолог

однажды рассказывал мне, каким безошибочным методом добивается он от своих молодых собак уважения к чистоте комнат: преступника хватают за ошейник, влекут его к следам преступления и здесь буквально тыкают носом в эти иногда довольно значительные следы; затем при постоянных ударах арапником преступника выгоняют за дверь.

Много собак портится также благодаря попытке приготовить их в незрелом возрасте к столь модному теперь «дерби» и показывать их в возможно более выгодном свете полной полевой дрессировки.

Дрессировщик естественно стремится в первую голову подавить страсть собаки к зайцу силой, так как она мешает в этого рода охоте; обыкновенно возбужденный, в нервном настроении, в виду все ближе подходящего испытания, он налагает на собаку, которую подчинил себе, да и не может подчинить за отсутствием должной дрессировки, наказание за наказанием . Следствием этого бывает, что большинство собак, подвергнутые этой дрессировке, или боятся побоев или совсем забиты.

Дрессировщик, который не хочет сделать невозможным разрешение

своей и без того тяжелой задачи, должен исходить из положения, что его власть над сырой собакой не имеет ничего общего с теми обстоятельствами, при которых он будет впоследствии распоряжаться и управлять по своему желанию дрессированной собакой. Ведь парфорсная дрессировка именно и направлена к тому, чтобы воспитать собаку в убеждении, что у ее господина имеется в распоряжении целый ряд средств принудить ее к абсолютному повиновению. Но прежде чем созреет это сознание, нужно не только, чтобы воспитанник научился знать и бояться этих

средств путем опыта, но также, чтобы в нем окрепло убеждение, как бесполезна всякая попытка уклониться от исполнения воли своего хозяина. В течение комнатной дрессировки, которая, как кажется, предъявляет требования только к физическим способностям, собака в действительности переживает целый мыслительный процесс, – процесс, результатом которого должно быть безусловное признание авторитета дрессировщика. Обо всем этом неопытной собаке ничего неизвестно; она не умеет оценить ни значения, ни правильности всякого наказания. Потому для этого

необходима целая система комнатной дрессировки, нужны месяцы ежедневного воздействия. Сырую собаку привязывает к ее господину не что иное как связь склонности, дружбы, как это обыкновенно и бывает между всякой систематически недрессированной собакой и ее хозяином.

Ввиду этого дрессировщик поступит правильно, придерживаясь положения, что сырую собаку вообще не следует бить. Если собака нашалит, например, начнет гонять в деревне кур, уток, гусей, то ее следует взять на поводок и, несколько раз дернув, строго сказать:

«Это что такое?» В виде наказания не следует собаку спускать в этот день с поводка. Но самым первым из всех правил должно быть то, что собака должна идти на зов сама и ни при каких обстоятельствах дрессировщику не следует идти ей навстречу, хотя бы прошел даже целый час. Прежде чем собака подвергнется наказанию или только выговору, ее нужно взять на поводок, чтобы заранее отвратить всякую мысль о бегстве.

Если собака настолько не выдержана, что при каждом новом случае снова бросается на домашнюю птицу, – страсть, которая

только возрастает от каждой удачной попытки – я не могу дать дрессировщику другого совета, как брать собаку на поводок каждый раз, когда ей представляется возможность, при проходе, например, деревни проделывать свои шалости. Если он вздумает ее наказывать ударами, в девяти случаях из десяти он сделает ее пугливой, но все-таки пугливость не помешает собаке преследовать и душить птицу. В остальном такие собаки бывают далеко не худшими, и я лично предпочитаю видеть, что полугодовалая собака схватит и задушит шипящего гуся, чем если она

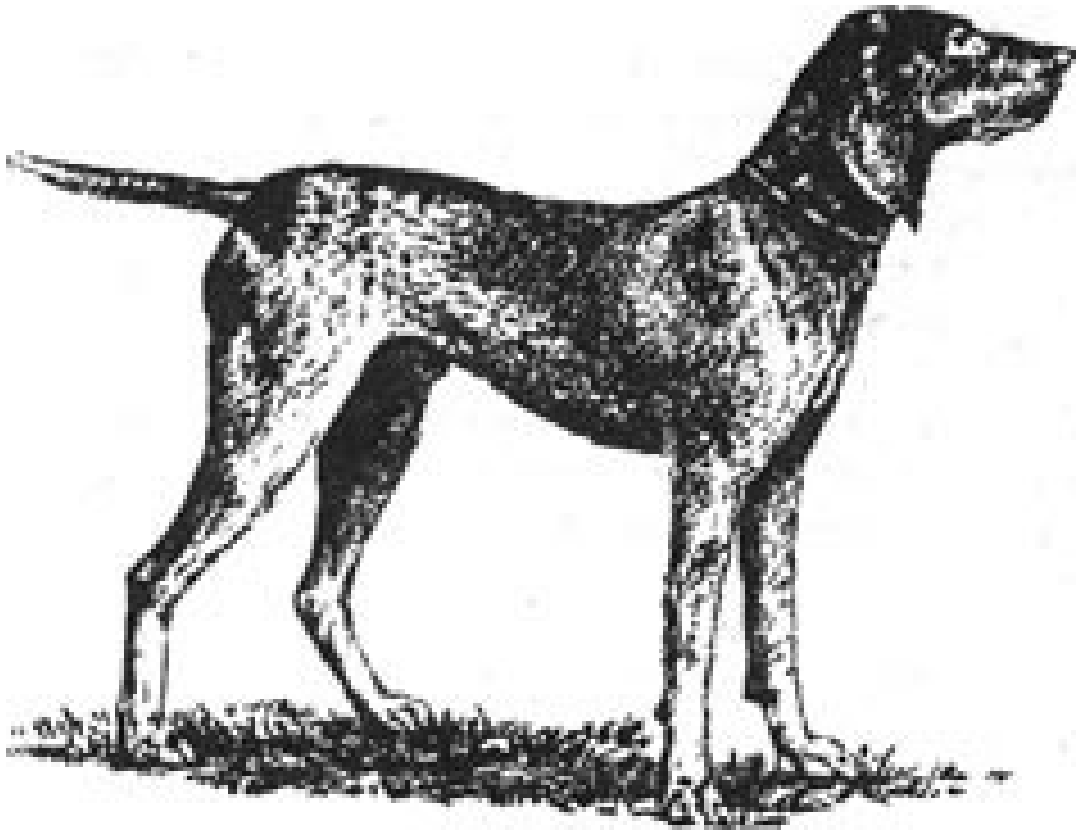
при виде его подожмет хвост и бросится удирать.

Большинство собак портится на прогулках, предпринятых хозяином с палкой в руках в сопровождении своего полузрелого воспитанника. Собака начинает вышеописанным образом шалить; она не слышит ни зова, ни свиста, хозяин начинает чрезмерно сердиться, хватает ее за шиворот и начинает угощать негодную собаку ударами палки. Обыкновенно достаточно одного такого наказания, чтобы сделать собаку недоверчивой на продолжительное время и вызвать в ней склонность к пугливости.

Многие дрессировщики ожидают, что сырая собака будет слушать зова и свиста, словом, выкажет понятливость, и в высшей степени бывают огорчены, когда собака вместо этого, точно глухая, бежит своей дорогой. Обыкновенно хозяин пытается сделать для собаки понятным путем наказания, что требуется от нее зовом или свистом. Но эта дрессировка незрелого животного совершенно бесцельна и вызывает вместо понимания приказания хозяина тупость, тугой позыв, недоверие и в заключение пугливость. Да будет раз навсегда сказано, что путем принуждения и

наказания с сырой собакой ничего нельзя добиться, и что дрессировщик, дипломатически пользуясь обстоятельствами и дружелюбным обращением, может достигнуть гораздо большего, чем наказанием и криками. Многие молодые собаки выказывают хорошую понятливость и слушаются приказания; чаще всего это бывает с суками. Их нужно приласкать, похвалить за их послушание и постараться укрепить его мягким обращением. Другие собаки не выказывают никаких следов понятливости и внимают призывам подойти с гордым презрением, в

особенности, если они убедились, что их зовут только затем, чтобы посадить на поводок. Вопрос, послушна ли сырая собака или нет, гораздо менее важен, чем это многие думают. Наоборот, мне лично гораздо были симпатичнее суровые, склонные к непослушанию чем те, что постоянно виляют задом и ежеминутно ползают на брюхе.



Дружеским обращением, частым без привязывания на поводок подзываньем к себе, а главным образом ежедневным обращением с нею достигается известная степень послушания, которой совершенно достаточно для целей предварительной дрессировки. Не нужно только требовать, чтобы

молодая собака, подобно дрессированной, отвечала на всякий знак и свист, так как это было бы уже высокой степенью дрессировки. Перед глазами дрессировщика должна быть всегда одна цель; сырая собака должна быть проведена между подводными камнями периода до дрессировки так, чтобы вступить в сферу парфорсной дрессировки неиспорченной.

Последнее обстоятельство требует прежде всего, чтобы молодая собака не попадала на волю, на улицу без надзора, предоставленная сама себе. На поле собака должна находиться постоянно в

сопровождении своего хозяина. Собаки, которые без призора бегают по улицам, в течение короткого времени окончательно портятся, и это бывает не только с молодыми, но и с более взрослыми, дрессировка которых вполне закончена. Поэтому безусловно необходимо держать собак, не только молодых, но вообще всех, которые предназначены для служения целям охоты, требующей понятливости и моральной чистоты, – держать этих собак таким образом, чтобы они не сделались бродягами, беспризорными животными.

Подрастающую подружейную собаку нужно держать вдали от

подобных влияний. Ее нужно воспитывать с известной долей суровости с молодых лет. Пока она здорова, она не должна знать натопленной комнаты, но летом и зимой, днем и ночью, жить на вольном воздухе. Общение со своим хозяином, который, как впоследствии будет указано, будет брать ее с собой на волю, на охоту , – этого общения вполне довольно для собаки. Тем теснее будет привязываться молодая собака к своему хозяину, общению с которым она единственно предоставлена и появление которого каждый раз предвещает ей освобождение из

заключения. Тем недоверчивее она будет встречать каждого чужого и этим стоять на высоте дальнейшего требования, которое мы предъявляем к подружейной собаке. Она не должна быть другом человечества, который встречает всякого виляниeм хвоста; у нее может быть только один друг среди всех людей – это ее хозяин; всякого другого она впоследствии должна по приказу хватать за шиворот, так как этого требуют обстоятельства, в которых стоит подружейная собака. Что такого характера нельзя воспитать в детской, я думаю, не подлежит никакому сомнению.

Здесь я должен упомянуть об одном простом инструменте, оказывающем важные услуги, когда требуется привести в себя собаку, запертую в питомнике и бесконечно жалующуюся на свою судьбу. Это самая обыкновенная рогатка.

Как все наказания, которые, подобно выстрелу дробью, действуют на расстоянии, так и рогатка внушает собаке несказанное почтение. Этот род наказания имеет то громадное преимущество, что никогда не приведет собаки к пугливости, что бывает необходимым следствием при ударах. Поэтому пращу можно с успехом применять не только дома,

но и на воде, именно в тех случаях, когда удастся поймать собаку в самый момент совершения шалости: тут-то ее и нужно угостить хорошим выстрелом. Этот простой инструмент имеет большое преимущество, потому что его можно носить в кармане верхней одежды и он всегда готов к выстрелу. Само собой разумеется, что выстрел из рогатки, как и все другие наказания, должен быть применяем только в случае крайней нужды, и не следует собаку осыпать выстрелами при каждой представившейся возможности. Чем реже применяется известная мера наказания, тем она

действеннее. Если собака делается тугой на позыв от постоянного зова и свиста, то она с полным стоицизмом принимает всякое наказание, и тут уже дрессировщику приходится развести руками.

Мне остается сказать только несколько слов относительно питания подрастающей собаки. Питание вместе с достаточным движением, заботливым уходом за кожей и спартанским образом жизни на свободе оказывает значительное влияние на развитие подрастающего организма. Введение пищи в подрастающее тело – это поставка материала для строения последнего.

Оно имеет задачей не только восстановить потребленное, благодаря обмену веществ, но и доставит материал для новообразований – для роста. Подрастающему телу приходится считаться с все увеличивающимся потреблением в своем хозяйстве, и поэтому оно нуждается для восстановления равновесия в увеличенном введении питания. Этим ясно устанавливается положение, что недостаточное питание в течение первого года жизни, и именно в течение первых шести месяцев, может вредно отозваться на организме животного,

и впоследствии этого вред нельзя будет ничем изгладить.

Относительно того, какой должен быть корм, лучше всего сообразоваться с естественными условиями. Собака принадлежит к разряду хищных животных, а потому лучшей пищей ее, по крайней мере в течение первых десяти месяцев, является мясо, лучше всего свежая сырая говядина. Всякий недостаток в качестве или количестве пищи – следствие дурно примененной бережливости – горьким образом отзовется за первый год жизни на дурном развитии организма, который лучше всего сравнить с дурно

выложенным фундаментом дома.

Молодая собака должна получать обильное питание из мяса, молока, хлеба и другой растительной пищи (горох, бобы, чечевица); до четвертого месяца молодая собака получает пищу три раза в день, с четвертого до восьмого – два раза, начиная с восьмого месяца ее нужно кормить раз в день, лучше всего в обеденное время. Надо строго запретить, чтобы собаке попали всякие коренья, которые всегда бывают в кухонных остатках; взамен этого можно рекомендовать прибавлять небольшое количество соли к пище.

Испытание и развитие охотничьих задатков

1. Предварительные упражнения в помещении для дрессировки .

Как только молодая собака достигнет шести– или семимесячного возраста, наступает время испытать, обладает ли она теми охотничьими задатками, которые, как мы видели, безусловно необходимы для будущей разносторонней подружейной собаки. Прежде чем взять молодую собаку в поле, безусловно

необходимо приучить ее к порядочной ходьбе на поводке. Этот урок принадлежит к области комнатной дрессировки и поэтому мы начинаем наши занятия с упражнений в помещении для дрессировки.

Помещение должно быть светлое и достаточных размеров, так, чтобы было возможно делать в прямом направлении от девяти до двенадцати шагов. Вблизи не должно быть слышно никакого шума, который мог бы отвлекать внимание собаки. Равно необходимо удалить из помещения все предметы, которые могли бы предоставлять подобную

же привлекательность для чутья и глаза собаки.

Единственные аппараты, которые необходимы для предварительной дрессировки, – это дрессировочный ошейник и поводок. Обыкновенно употребляемый корольковый парфорс с шариками имеет большие недостатки: 1) он скользит по направлению к голове при натягивании; 2) ранит уши; 3) является поводом поранения пальцем, если дрессировщик неосторожно за него ухватится. Такой ошейник, скользящий по направлению к ушам, бывает часто причиной продолжительных

болезней внутреннего слухового прохода, когда при упражнении в поноске или при дрессировке призыва на мертвую дичь бывают необходимы частые и сильные подергивания за дрессировальный поводок. Поэтому я изобрел дрессировальный ошейник, который сидит безусловно крепко и не может соскальзывать. Равным образом собака не может поранить себе ушей при поиске или если она трясет головой при употреблении этого ошейника. Далее, мой ошейник имеет то преимущество, что колючки касаются не мягкой кожи под горлом, но при правильном положении

только грубых частей затылка. Мой ошейник не вызывает рваных, трудно излечимых ран, как так называемый корольковый, он только колет. При первом взгляде на этот ошейник он производит впечатление орудия пытки, но дрессировщик быстро убедится, что острые концы колючек доставляют гораздо меньше мучения, чем тупые кораллы, которыми нужно дергать туда и сюда для получения какого-нибудь эффекта. Этим путем собаки приучаются к грубым средствам и становятся тупыми, при моем ошейнике достаточно слегка потянуть, чтоб получить желаемый результат. Парфорсный ошейник

изобретения автора состоит из широкого ремня, снабженного полукруглой петлей, к которой прикрепляется парфорсный шнурок. Как это видно на рисунке (рис. помещен дальше), от внутренней стороны ошейника прикреплено 10–12 остриев плотно укрепленных в коже. Притягиванием поводка к себе ошейник стягивается и начинают колоть укрепленные в нем шипы.

Надевать ошейник надо всегда так, чтобы колючки сидели на затылке и петля стягивала ошейник, если потянуть в правую сторону собаки. Дрессировальный шнур должен быть толщиною 5–6 мм и два

метра длинною; его нужно укрепить на петле дрессировального ошейника. Затем начинают в дрессировальном помещении ходьбу.

Собака стоит с левой стороны от дрессировщика у стены. Левой рукой берут за поводок и прижимают руку плотно к бедру, где рука должна оставаться в продолжение этого упражнения при всяких условиях, какими бы они ни были. Правой рукой забирают конец поводка, снабженный плотным узлом, настолько, что шнурок натягивается. Теперь собаку зовут: «Сюда, собачка!» и медленно идут вдоль стены. Собака будет следовать сперва

добровольно, пока, наконец, при повороте в углу она не заметит, что ошейник колется. Как только она это заметила, она упрется всеми четырьмя лапами, не желая идти дальше; вот тут-то ошейник начнет ее колоть как следует, что, конечно, усилит ее непослушание и доведет до того, что она с воем бросится на землю. Дрессировщику нужно стоять спокойно и ласково уговаривать непослушную. Ни при каких условиях не следует обращаться с собакой сурово или наказывать ее дерганием поводка. Как только собака успокоилась и встала, нужно опять начать ходьбу.

Упорство будет продолжаться не менее 2–3 дней, пока собака не поймет, что она должна слушаться и ошейник колет только тогда, когда она не слушается. Первые уроки должны иметь продолжительность около 10 минут, их нужно тотчас же заканчивать, как только собака обойдет от 3 до 4 раз добровольно все помещение, после чего ее нужно похвалить, приласкать и отпустить.

Если собака через несколько дней добровольно пойдет вдоль стены, то необходимо сделать неожиданный поворот кругом и начать ходьбу влево. Теперь дрессировщик идет у стены, и собаке

предоставлен более короткий путь внутри круга. Собака тотчас же заспешит: нос ее вместо того, чтобы быть спрятанным сзади левой ноги дрессировщика, будет виден. Дрессировщик не должен тянуть ее за поводок, так как левая рука не должна никогда покидать своего места на левом бедре. Вместо этого ему нужно сделать поворот влево и начать пересекать помещение. Как только нос собаки снова виден, снова следует поворот влево. В высшей степени вероятно, что при этих поворотах наступят на мозоли собаки; тогда с громким воем она сделает движение назад.

Дрессировщик должен идти хладнокровно вперед, даже если собака начала снова упрямиться, а колючки начала ее снова колоть. Не теряя ни одного слова, нужно тянуть собаку за собой, равномерным темпом идя по помещению. В заключение она встает и идет послушной, как прежде. Ни при каких условиях не допускается наказание и выговор, потому что молодая собака должна познать только, что она наказывает сама себя за всякое непослушание. Основное положение всякой дрессировки: всякое противоречие воли хозяина бесполезно и тотчас же ведет за

собой наказание – впервые опытом внушается животному.

Если собака, сообразно требования, остается сзади левой ноги дрессировщика, повинуется всем коротким поворотам без противодействия, то первый урок комнатной дрессировки закончен.

2. Натаска недрессированной собаки на воле

Надевши дрессировальный ошейник, молодую собаку ведут на поводке на волю, лучше всего на луг. Здесь начинается та же работа, что и

в помещении для дрессировки.

Левую руку, как в помещении для дрессировки, нужно крепко держать у бедра, свободно пропустив между ее пальцами поводок, а правой рукой, по мере надобности, укорачивать и отпускать его длину. Идти нужно прямо вперед; как только нос собаки стал виден, следует сделать полоборота налево, подобно тому, как это проделывают солдаты по команде. Как раньше говорено, при этом вероятно, наступишь на пальцы ног собаки, что на мягкой грунтовой или луговой почве абсолютно не принесет никакого вреда, – но все-таки она

будет скулить по этому поводу. К полобороту налево нужно теперь присоединять короткое: «На-зад!», ударяя на последний слог и произнося его одновременно с поворотом. После небольшого числа упражнений, при слове: «На-зад», собака, забежавшая вперед, стрелой кинется на свое место и не покажет носу из-за вашей ноги. Все удары арапником, все дерганья за дрессировальный ошейник – бесполезны и только портят собак. Короткое: «На-зад» и полоборота, налево в короткое время научат собаку ходить на поводке, не прибегая ни к каким другим мерам.

Мы подходим понемногу к испытанию охотничьих задатков, т.е. мы попытаемся установить, удалив дрессировальный ошейник и спустив собаку с поводка, – словом, предоставив ее самой себе, – обладает ли она качествами, которые, как мы раньше говорили, необходимы; для разносторонней подружейной собаки. Эти качества суть: чутье, страсть, понятливость, выдержка, быстрота и признаки умения держаться следа.

Поэтому мы должны прежде всего попытаться ознакомить собаку с полем, только на прежних прогулках она не ознакомилась с

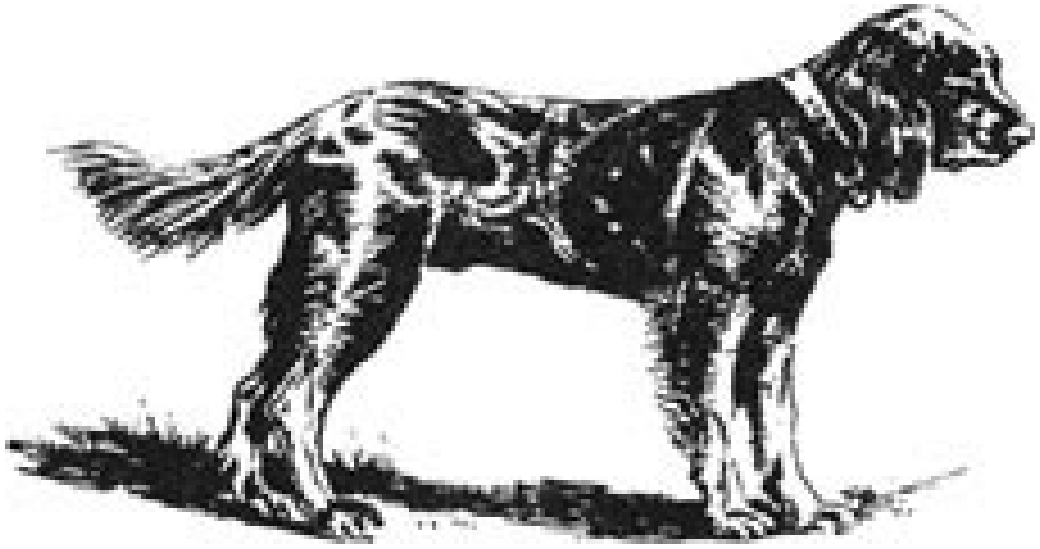
ним. Если у нас имеется более взрослая собака под руками, то дело сделается само собой. Молодой пес нерешительно последует за своим более пожилым товарищем шагов на 100, самое большее, и затем вернется к своему хозяину. Тут на подмогу является заяц, старая собака кидает ему вслед взгляд, вы вскрикиваете: «Аппорт», – начинается гоньба, сопровождаемая лаем. Ничего подобного молодая собака еще не видала. В недоумении она садится. Но при третьем или четвертом зайце дело пойдет иначе, – ученик присоединится к учителю, сначала боязливо, 200, 300, затем на 400

шагов, все боясь, что он потеряет своего хозяина. В заключение, через несколько дней он схватит смысл урока, страсть в нем проснется, и широкими прыжками он будет преследовать зайца. Этим исходом закончится испытание, если собака одарена хорошими задатками, т.е. если она обладает страстью.

6 или 7-месячную собаку, которая даже после многонедельного испытания ее на воле не последует примеру пожилой собаки, – не станет искать зайца и не будет его преследовать на 500–600 шагов, – такую собаку я счел бы негодной для дрессировки. Если охотник убедился,

что его молодая собака одарена страстью, что через несколько дней, спущенная со шнурка, она неизменно бросается на поиск зайцев и ревностно преследует их, испытание может принять свое дальнейшее течение. В дальнейшем следует обратить внимание, бросается ли спущенная собака в быстрый галоп или выказывает склонность к медленному поиску рысью. Я вовсе не хочу утверждать, что собаки последнего рода никуда не годны; но, во всяком случае, когда представляется необходимость в продолжительной травле или поиске, такая собака не стоит и половины

бойкой от природы.



При подобной натаске молодой, недрессированной собаки дрессировщику нужно строго держаться правила: никогда не натравливать собаку на зайца, при возвращении ее с травли не выказывать ей ни малейших знаков одобрения или порицания. Собака должна оставаться в полном убеждении, что дрессировщик

ничего не знает и не ведает о травле и что зайцы вообще не представляют для него ни малейшего интереса.

Вообще надо оставить попытки призвать молодую собаку в поле зовом или свистом. Это будет в полном смысле слова глас вопиющего в пустыне, потому что большинству молодых собак и в голову не придет, что кто-нибудь может лишить их удовольствия. Поэтому лучше всего оставить молодую собаку безнаказанно прыгать по полю и остается только радоваться, если она быстро начинает искать и связывает быстроту с неутомимостью.

Дрессировщик, исходящий из положения, что собака с юности должна быть воспитана в безразличном отношении к зайцу, пытается подавить в своей собаке врожденную страсть, необходимую для подружейной собаки, и делает это тогда, когда у него еще нет власти над ней, когда собака еще ничего о послушании или понятливости не слыхала, когда она не признает авторитета своего дрессировщика. Этим путем он делает собаку негодной к охоте и в большинстве случаев пугливой.

Но та гуманная цель, которой впоследствии предназначено

служить собакам, должна стоять выше всех соображений, которые могут быть высказаны против этого воспитательного метода.

Подружейная собака, которой будущей задачей станет нагнать, задушить и на большое расстояние принести легко пораненного зайца или лисицу, должна быть воспитана иначе, чем собака, единственная задача которой поиск птицы. Если собака должна выказывать неутомимость, быстроту, страсть, энергию при гоне, ее уже с юности нужно воспитывать именно таким образом. Что пользы в старательном поиске нижним чутьем по крови,

какое значение имеет вся дрессировка подружейной собаки, на что нужны все испытания, если в собаке, поставленной на кровавый след, не пылает того огня, который может ее побудить преследовать пораженное животное, пока хватит дыхания у нее в легких?

Собака, травящая в ранней юности зайцев, гораздо скорее приходит этим путем к пониманию различия между здоровой и больной дичью, между здоровым и кровавым следом. Эта разница охватывает в полном смысле понятия о подружейной собаке, которая не должна преследовать зайца только

здорового, если же ей случится напасть на кровавый след, даже и без того, чтобы об этом знал охотник, она должна держаться этого следа, пока ее несут ноги.

Собаку, воспитанную, дрессированную и натасканную согласно с этими положениями и опытом, приобретшую знание, что зайца можно настигнуть только тогда, когда на следу лежит кровь, – такую собаку легче и скорее отучить от преследования здоровых зайцев, чем с юности не знавшую травли.

Такая собака, то есть не знающая травли, должна же научиться когда-нибудь гонять

подстреленных зайцев; это занятие имеет для нее прелесть новизны и после того как она поймала нескольких зайцев, ее чистота после этого делается весьма проблематичной. Ведь такая собака не имела случая, подобно нашей, сотни раз травя здоровых зайцев, научиться разнице между здоровым и раненым зайцем.

Опасение, что собака, достигшая годовалого возраста на полной воле, без всякого принуждения, представит особенные трудности для позднейшей натаски, не имеет никаких оснований или приводится людьми, которые либо не воспитали

ни одной собаки по указанным положениям, либо не умеют воспитывать собак вообще. Главная задача в том, чтобы молодая собака до достижения годовалого или 15-месячного возраста основательно прошла парфорсную дрессировку и приучалась к абсолютному послушанию. Парфорсная дрессировка прежде всего должна помешать молодой собаке сделаться пугливой и ее попыткам избежать наказания. Этот момент нужно иметь в виду, когда по окончании дрессировки мы подходим к тому, чтобы сделать собаке понятной запрещение травить без приказа

какого бы то ни было зайца.

Еще одно преимущество подружейной собаки стоит в тесной связи с систематическим упражнением в травле зайца – это свойство такой собаки гнать голосом дичь по горячим кровавым следам или по крайней мере по зрячему.

Но большинство охотников не испытывали, как часто можно слышать гон голосом и наоборот, как скоро обладающая этой способностью собака начинает гнать безмолвно, если ее пытаются отучить от гоньбы силой. Молодая собака, которая в первое время гоньбы издает только слабые

повизгивающие звуки, очень часто, в особенности если она часто работает с собакой, которая сама гонит голосом, начинает тоже гнать в полный голос. Гон охотничьей собаки есть выражение ее страсти. Предоставим нашим собакам в молодости травить зайцев, будем премировать на полевых испытаниях голосистых собак и брать от них породу: через несколько поколений мы будем иметь то, в чем мы нуждается – собак с громким гоном.

Как ни ясно все, сказанное мною, оно вызовет несомненно немало возражений. Спросят: где найдете охотников, имеющих

возможность доставить целые недели напролет травлю своим собакам? Где найдутся отъемные места, в которых, без ущерба для них, можно производить такую травлю? Где найдутся дрессировщики, которые возьмут на себя тяжелую задачу привести в надлежащий вид такую собаку, – савраса без узды.

Прежде всего на эти вопросы могут возразить, что всякий, дрессирующий молодых собак, должен считаться с тем что они травят зайцев. Вся разница в том только, что господа Field-trialer'ы после каждой травли угощают своих собак корольками и арапником, а мы

предоставляем развиваться их прирожденной страсти и делаем вид, что ничего не видали, не слыхали. Дрессировщик на Derby возится с своей сырой, недрессированной собакой, не знающей послушания и не ведающей понятливости. А мы отучаем уже вполне развитую собаку от привычки травить зайца без приказания после того как она прошла основательный курс парфорсно-немецкой дрессировки, познала авторитет своего хозяина и поняла, что наказывают ее не столько за то, что она травит зайца, сколько за то, что она не слушается зова и свиста.

Всякий, кто знает привычки зайца, не испугается возможности взбудоражить отъемное место. Он знает, что заяц особенно зайчиха или зайченок, как только заметят собаку занятую поиском, глубоко прижимаются к месту лежки и сидят тихо, точно заколдованные. Самец заяц, который обыкновенно лежит выше, имеет в большинстве случае склонность при приближении собаки удрать. Какой вред может принести старому травля собаки 6–12 месяцев от роду! Через 500 шагов неопытная собака его потеряла, и вислоухий храбрец благополучно удирает в чащу леса. В большинстве случаев перед

собакой выскакивают сразу 2–3 зайца одновременно (если дело идет весной), обыкновенно одни самцы, залегшие поблизости зайчихи. Подойдя поближе, часто можно заметить ее, смирненько улегшуюся под бугром. Ведь, если один из господ самцов и не вернется после более энергичной травли на это место, то, право, это не будет особенно большой потерей.

В отъемных местах, где охотятся с толком, охотник может заметить, что молодая собака, несмотря на все обилие зайцев, имеет чрезвычайно мало случаев для травли и что часто ей приходится искать беглым

поиском больше четверти часа, не подняв ни одного зайца. Объяснение этому странному событию лежит в том, что в таких местах число самцов сильно уменьшено, а зайчиху, лежащую на лежке, собака причуивает только за несколько шагов под ветром.

Само собой разумеется, что отъемное место должно быть достаточно велико, чтобы не было надобности натаскивать молодую собаку на одном и том же месте. Таким непрестанным посещением конечно можно было бы нанести ущерб отъемному месту, так как дичь стала бы искать более спокойных

мест. Так же не надо водить собаку в поле в более позднее время года, когда оно уже покрыто растительностью. Настоящее время это месяцы; январь, февраль, до конца марта, в это время года не может быть и речи об ущербе.

Равным образом необходимо внимательно следить за тем, чтобы собака не приходила в отъемные места, где она во время травли могла бы попасть в лес, а там на следы коз или фазанов. Как ни полезно было бы начать натаску собаки в лесу и в самом начале испытать ее чутье на следах, надо все-таки иметь в виду, что чрезвычайно опасно, даже

гибельно может быть для собаки ее раннее знакомство с травлей коз. На козу можно натаскивать собаку только тогда, когда она прошла вполне курс натаски по полевой дичи. Все собаки отличаются какой-то особенной страстью к теплым следам коз, и всякий, кто испытал сомнительное удовольствие заниматься натаской собаки, испорченной еще в ранней юности поиском коз, не раз осенит себя крестом, находясь в соседстве стоянки коз в сообществе молодой собаки.

Этими основаниями руководятся, когда берут молодую

собаку в открытое поле, далеко от леса, где она постоянно перед глазами.

Понемногу можно начать брать молодого пса с собою в одиночку: он будет преследовать зайца без руководства старой собаки и мало-помалу, смотря по способностям, все дальше и дальше, держась чутьем следа. В один прекрасный день его хозяин пропал – дрессировщику нужно спрятаться в яме. Если нет ямы, надо просто лечь на землю и наблюдать за поведением молодой собаки. До сих пор, оглянувшись, она всегда находила своего хозяина, Но теперь самый внимательный осмотр

не ведет ни к нему, ни к кому-либо, но вот мгновенно собака бросается к первой человеческой фигуре, которую замечает в отдалении. Ужасное разочарование! Страх ее возрастает и выражается в бесцельном движении и взглядах, бросаемых по сторонам. Глупые собаки в этом случае обыкновенно садятся на задние лапы и начинают жалобно выть, раз прошло полчаса и больше, а они не нашли хозяина. Другие в страхе бегают туда-сюда, пока либо случайно не попадут под ветер, либо упадут в изнеможении на землю. Еще иные в таком случае удирают домой или на место, где

несколько раз отдыхали с хозяином. Может доставить немало удовольствия картина, как собака предоставляет спокойно бежать зайцу, поднятому на поисках хозяина, между тем, как четверть часа тому назад начался бы настоящий steeple-chase.

Совсем иначе ведет себя интеллигентная, хорошо одаренная собака. И она оглянется кругом, и она бросится к чужому, не разобрав его издалека. Но уже скоро она вспомнит, что видела в последний раз своего хозяина на определенном месте. Благодаря своей удивительной памяти мест, она немедленно

находит его. Хозяина, разумеется, она там не встречает, но зато находит его след, и по этому следу ищет, пока не найдет его в укромном месте. Если собака уже с первого раза будет вести себя таким образом, то хозяин ее может себя поздравить: потому что только интеллигентная собака, одаренная к тому же задатками держаться следа, способна найтись в таком затруднительном положении. Мой опыт показал, что пудель-пойнтера стоят выше всех других собак при испытании подобного рода: я залезал, для того чтобы ввести в заблуждение такую собаку, на верхушки ив, но все было

напрасно – они добросовестно преследовали мой путь до самого дерева, обегали его, пока приходили к заключению – здесь он!

Почти всякую собаку во всяком случае можно привести к сознанию, что добросовестно держась чутьем следа, всегда безошибочно достигнешь цели. Лучшего предварительного испытания для собаки, которой впоследствии предстоит разыскивать и приносить дичь, нельзя и придумать. Собаку, которая после многонедельной натаски не научится пользоваться чутьем при отыскании по следу – такую собаку я считаю никуда не

годной в деле охотничьей практики.

Этот урок разыскания спрятавшегося хозяина после каждой травли зайца имеет громадное значение для подрастающей подружейной собаки. Впоследствии ей придется разыскивать путь на одну-две версты с зайцем или лисицей в зубах в лесу или горах, нередко через большую чащу и в незнаком месте путь к своему господину, несмотря на сотни препятствий. Собака рано достигает самостоятельности и законченности в отношении уменья не потеряться в чужом отъемном месте и найти путь к своему господину. А этого она не

сумеет, если это упражнение проделано не часто или совсем не проделано. Самостоятельность и самоуверенность – необходимые качества подружейной собаки, которая, предоставленная сама себе, травит дичь на громадное расстояние. Поэтому надо пользоваться всяким представляющим случаем утвердить молодую собаку в этом умении.

С этого времени спрятаться или просто прислониться к дереву будет лучшим средством призвать недрессированную собаку и взять ее на поводок, тогда как всякий свист и зов не только бесполезен, но прямо

вреден, делая собаку тугой на ухо и в полной мере выказывая перед ней бессилие ее господина. Я снова повторяю, что недрессированная собака представляет из себя нечто самостоятельное, и дрессировщик, имея в виду будущие результаты, должен быть дипломатом. Как только он захочет разыграть перед недрессированной собакой властелина, он сейчас же осознает свое бессилие.

С молодой собакой, которая с 6 до 10 или 12 месячного возраста основательно травит зайцев два-три раза в неделю, происходят в телесном отношении замечательные

перемены. Вследствие обильного сильного движения укрепляется слабая сетка, расширяется грудная коробка и увеличивается в глубину; преобразуется лопатка, соответственно страстному стремлению собаки поступательного движения быстрыми прыжками. Она начинает занимать совершенно иное положение по отношению к плечевой кости, так как все строение мягко, изменчиво, может переформироваться и легко применяться к жизненным требованиям. Усиленное потребление кислорода вследствие повышенного дыхания заставляет

отступить на задний план проявления рахита и скрофелеза, поднимает аппетит и действует сильнее на организм, чем полдюжины ветеринаров с таким же количеством микстур. Собака, 3–4 месяца травившая зайцев, представляет из себя совершенно, нечто другое, чем жалкий выродок, который, в пору телесного и духовного развития должен был киснуть в питомнике.

Разумеется, само собой, что охотнику не следует пропускать возможности познакомить молодую собаку с пернатой дичью. Многие молодые собаки при встрече с

пернатой дичью потянут и замрут в картинной стойке, подобно наилучшей дрессированной собаке. Для владельца это картина, которой нет подобных. Другие, потянув, как и первые, и ползя чуть не на животе, делают короткую стойку и вспугивают дичь. Третьи тянут также осторожно, но без всякой стойки вспугивают дичь. Четвертые бросаются, как только запах дичи достигнет их чутья, на дичь и гонятся за ней, пока не потеряют из вида. Но тот, кто вздумает отдать предпочтение в отношении тонкости чутья собаке с твердой стойкой, тот в известном случае может глубоко

ошибиться, так как все описанные манеры, как глубоко они друг от друга ни отличаются, ровно ничего не доказывают по отношению тонкости чутья. Начать с того, что собака, выказавшая сегодня осторожную потяжку, завтра может наткнуться, не выказав ни малейших признаков чутья, на целый выводок дичи; далее собака только потому далеко потянула, что случайно наткнулась на теплый след дичи. Это бывает обыкновенным делом, потому что никогда или уже очень редко дичь залегает смирно и не делает никаких движений в стороны при приближении охотника с собакой.

Обыкновенно птица прежде пробежит, а потом уже заляжет. Вот, если собака придет на такой теплый след и потянет или сделает стойку, то очень многие охотники думают, что собака зачуяла дичь по ветру до того самого места, где она взлетела. Это мнение является основанием такой массы фальшивых представлений относительно способности собаки причуять по ветру. Мне часто приходилось слышать уверения, что та или иная собака причуивает птицу на 100 или 200 шагов. Подобное уверение основывается на грубой ошибке, так как собака с самым тонким чутьем

может причуять целый выводок дичи, например, в картофельном поле лишь на 60–70 шагов, если же дело идет об одной птице, то расстояние это сводится к 20 метрам. Собака, которая причуивает свежеподстреленную и упавшую в траву дичь на расстоянии 20 шагов, по моим наблюдениям, может считаться весьма удовлетворительной. То обстоятельство, что немногие собаки причуивают отдельную дичину на этом расстоянии, повело к фальшивому мнению, что свежераненная птица теряет свойственный ей запах. Путем

многих опытов я установил, что это неправильно, так как птицы легко раненые, которые падали на 100 или 200 шагов от собаки и приносились ею еще живыми, не выказывают более сильного запаха, чем свежеубитые. Главное, нельзя себе представить, чтобы теплое, покрытое кровью тело птицы могло потерять свойственный ему запах уже спустя несколько моментов после прекращения жизненного процесса. Я, наоборот, убедился, что убитая, упавшая на спину дичь сильнее притягивает обоняние собаки, чем живая, которая залегла, сложивши крылья и перья на землю.

Все эти обстоятельства нужно отнести на счет того, что когда дело идет о подстреленных влет или при вспугивании, или о сидящих на яйцах птицах, на земле следов их нету, и собака, которая предоставлена тут исключительно своей способности причуивать запах дичи, именно в этих обстоятельствах не выкажет столь необыкновенного чутья, как это нам кажется при перемещении дичи по земле.

Собачье чутье есть столь изменчивая и загадочная вещь, что испытание его у недрессированной собаки на следах дичи является следствием бездны ошибок и

разочарований. Достоинство чутья можно с точностью установить лишь тогда, когда дичь, служащая испытательным материалом, имеет твердо определенное место лежки. Если только дичь обладает способностью бегать, то она на земле и на траве оставит следы своего запаха, которые тотчас будут замечены собакой. Этим кончается всякая возможность служения, и охотник остается, в особенности если дело идет о молодой дрессированной собаке, постоянно неизвестности: причуяла она дичь по ветру или идет чутьем по следу.

Если собака еще не приучена к

звуку выстрела, то спутнику поручают убить какую-нибудь дичину. Если полевой дичи достать нельзя, то довольствуются уткой, чибисом, голубем, а за их отсутствием ореховкой. Хищные птицы не годятся для этой цели вследствие свойственного им запаха, неприятного для собак. Непосредственно после того, как дичь будет убита, провожатый бросает ее на месте, заросшем низкой травой, камышом и т.д. таким способом, чтобы дичь лежала животом кверху.

Перед этим собаку берут на дрессировальный шнурок, но при

этом так, чтобы ошейник не был чересчур тесен. Теперь нужно идти, коротко подобрав поводок под ветром в отдаления от 4–5 шагов от убитой дичи. Собака во всяком случае почует дичь и захочет к ней приблизиться. Тут нужно укоротить еще поводок, остановиться дать собаке ознакомиться с запахом данной дичи; при этом следует возбудить любопытство собаки: она может видеть птицу, но должна находиться в таком удалении от нее, чтобы любопытство ее достигло высшей степени. Через несколько мгновений собаку силой отводят за какое-нибудь прикрытие, между тем

провожатый относит дичь на расстояние около 30 шагов, перерезая направление ветра и бросает ее шагов за десять в траву, а затем возвращается тем же путем. Можно посоветовать заранее установить пункты, куда положат дичину, избрать для этой цели легко заметный камень или куст. Но собака всех этих действий замечать не должна.

Дрессировщик идет теперь под ветром дугою к птице и зигзагами приближается на 30 шагов к месту, где она положена. Тут отпускают собаке весь шнурок, конец которого крепко замотан на руке, и наблюдают

за ее поведением. Собака, разумеется, не забыла недавнюю интересную встречу и стремится, благодаря своей памяти мест, к месту, где прежде лежала птица, но при этом она пользуется и своим носом. Как только запах уже знакомой дичины делается заметным ее чутью, она быстро поворачивает влево или вправо и стремится к месту, куда ведет ее безошибочный орган, указывая на присутствие предмета ее любопытства. Охотник может заметить кусочком бумажки или палкой, где собака потянула и шагами измерить впоследствии расстояние, чтобы судить по этому о

качестве чутья. Если собака потянула за 20–25 шагов, что возможно только при очень тонком чутье, следует повторить испытание раз 5–6, чтобы быть уверенным, что не произошло ошибки, вызванной случайностью – другой дичью, лежкой зайца, летучей мышью и т.д.

Если собака на 5-ти или 6-ти испытаниях причуивает дичь на 30 шагов в разные дни, то дрессировщик имеет право считать такую собаку одаренной хорошим чутьем. Разумеется, при этих испытаниях принимается в соображение погода, т.е. температура, влажность воздуха, почвы и т.д. Названного результата

можно достигнуть только в прохладную погоду. Само собой разумеется, что собаку берут в нормальном состоянии, т.е. здоровую и неутомленную.

Если даже на более короткое расстояние данная собака не причуивает дичи, то охотнику нечего предаваться отчаянию: этим он пошел бы против выводов опыта. Чутье собаки – нечто изменчивое и загадочное, и есть сотни влияний, которым оно подчиняется: легкий катар носа, обыкновенное недомогание низводят собаку с тончайшим чутьем на степень последнего ублюдка. Именно потому,

его обонятельный аппарат так удивительно тонко организован, именно потому что он подчиняется самым незаметным воздействиям. Затем собака может отнестись равнодушно к данной дичи и ее запаху, может быть и то, что внимание ее чем-нибудь занято. Поэтому можно пробудить ее внимание тем, что птицу привязывают к нитке и помощник начинает приводить ее в движение. Разумеется собака будет чрезвычайно заинтересована странным предметом, волочащимся по траве. При второй встрече, как только она почует знакомый запах, она тотчас

же поспешит в сторону его. Следует дать собаке ознакомиться запахом дичи и отвести ее назад. Этим можно поддерживать ее любопытство в состоянии напряжения. Само собой разумеется, что все испытание должно быть закончено скоро и от момента, когда убита птица, до начала испытания чутья должно пройти не больше получаса; в противном случае запах, издаваемый дичью, при постепенном похолодании сделался бы чересчур слабым. Если можно достать живую птицу: чибиса и т.д., то можно ее взять для испытания, но при этом ее нужно укрепить таким манером,

чтобы она абсолютно не могла двигаться и движением произвести шум. Необходимости в живой дичи во всяком случае нет, так как свежеубитая, покрытая кровью птица, пока она не похолодела, окажет те же самые услуги.

Если испытание, произведенное раз 20 с соблюдением вышесказанных условий, каждый раз давало одинаково неблагоприятные результаты, т.е. собака не причуивает в хороший ветер и прохладную погоду даже немногих шагах, хотя при виде дичи проявляет желании схватить ее, тогда с большей или меньшей уверенность можно сказать,

что собака обладает плохим чутьем. Если она вообще одарена хорошими задатками, т.е. хорошо сложена, с подходящим окрасом, то я и здесь советовал бы не спешить, а через две недели повторить испытание. Если охотник убедился последовательными испытаниями и не только по описанному образцу, но и в поле на всякой дичи, что собака его одарена недостаточным чутьем, ей не остается больше ничего, как ее убить. Признаком тонкого чутья принято считать верхнее чутье, т.е. манеру собаки искать, держа высоко нос по ветру. Но по этому можно заключить только, что

соответственно индивидуальным задаткам собака умеет пользоваться своим чутьем; но о качестве его можно судить, только испытав их. На своем веку видал я немало собак с верхним чутьем редких качеств. И, наоборот, я натаскивал немало собак, с наклонностью к нижнему чутью, одаренных чутьем прекрасных качеств. Важно то, что собаки с верхним чутьем при охоте в открытом поле гораздо скорее и удобнее находят дичь. В остальном же понятливые собаки быстро научаются, смотря по надобности, держать нос по ветру или идти чутьем по следам, поскольку они

вообще обладают чутьем. Собак же с резко выраженным верхним чутьем, как это бывает у английских пород, я не считаю особенно пригодными для разносторонней охоты. Подобно людям, слишком задирающим нос кверху, – такие люди редко видят выше своего носа, – и между собаками такие типы отличаются односторонностью. Во всяком случае никуда непригодными оказываются и те собаки с нижним чутьем, которые поднимают нос от земли для того только, чтобы оглянуться кругом. Подобные собаки вселяют подозрение, что у них вовсе нет чутья. Однако и в этом случае

необходимо быть осторожным: у меня немало было молодых собак, которые в первые дни, взятые в поле, едва отнимали нос от земли и впоследствии все-таки оказывались одаренными блестящим чутьем.

Собаки с высоким чутьем, которые заболевают катаром носа (симптомы: частые чихания, распухшая слизистая оболочка носа, истечение из него жидкости, светлой как вода), теряют его и начинают искать нижним чутьем. Этими катарами обыкновенно страдают молодые собаки, в особенности если им приходится работать в воде, в более суровое время года. Эта

болезнь встречается у собак гораздо чаще, чем принято думать, и поэтому необходима большая осторожность в суждении о чутье собаки именно по этой причине.

Вообще я держусь мнения, что чутье собаки не является неизменной, раз навсегда установленной величиной, но что оно, как и все другие ее способности, употреблением и упражнением может быть сделано более тонким более острым. Возрастающий опыт собаки играет без сомнения здесь немалую роль. Я думаю, что орган сам по себе может испытать подъем

работоспособности, так как для органа ощущения, который подвергается притуплению, должен обладать более условиями, в которых он способен совершенствовать, делаться более тонким. Многие наблюдения привели меня к заключению, что чутье собаки еще в другом отношении подлежит изменению. Мне приходилось встречать собак, которые в течение годового и выше промежутка времени выказывали среднее, даже дурное чутье, а затем проявляли такое неожиданное изменение этой способности, что их положительно нельзя было узнать. Какой причине

надо приписывать это изменение, судить я не берусь.

Памяти местности, проявляемой подружейной собакой, т.е. остроте ее зрения отводится чересчур подчиненное место и совершенно несправедливо, так как развитое вполне во многих случаях практики это качество имеет громадное значение. Подружейная собака должна пользоваться всеми своими способностями на службу охоты; при водяной работе, при разыскивании убитой дичи, вообще при всякой работе острое зрение оказывает собаке выдающиеся услуги в возможности разобраться в

местности. В отношении остроты зрения между собаками царит большое разнообразие, встречаются собаки, от которых на воле ничего не скроется, которые замечают каждую птицу, каждый кустик даже и на очень большое расстояние. Другие совсем лишены способности замечать предметы и на более короткие расстояния (или делать между ними различие); такие собаки ведут себя часто несказанно глупо, тогда как действительности своею беспомощностью обязаны плохому зрению.

Бывают собаки, которые ночью плохо видят, бывают и такие, которые

становятся слепыми даже в сумерках и наступлением темноты ложатся, не делая ни шагу вперед. Такие собаки для разнообразной охоты не годятся.

Когда дрессировщик убедился, что собака обладает важнейшим качеством – чутьем и в отношении страсти, неутомимости и быстроты отвечает его требованиям, ему остается решить задачу, обладает ли она соответствующим бесстрашием и бойкостью характера. Подружейная собака должна быть бойкого характера, т.е. храбра, – не думая о ранах она должна бросаться на всякого хищника и душить его; она должна защищать своего господина

до последнего издыхания и бросаться по приказу на всякого чужого. Стало быть она должна быть от натуры одарена способностью самозащиты и нечувствительности.

Обещает ли собака выказать подобные качества, можно видеть уже в ранней юности на дворе и в доме. Хорошим знаком можно считать, если собака при случае бросается на кошек и преследует их бешеным лаем, хватает за ноги дразнящих мальчишек или нищих, бросается на чужих собак и со вздыбившимся волосом становится против более крупных, а когда ее поранят, вместо того, чтобы жалобно

выть или визжать, становится злою и готова кусаться. Подобные собаки всегда очень бдительны и о приходе чужих извещают продолжительным лаем; как это ни неприятно, что собака при каждом таком случае лает полчаса и больше, я все-таки не могу посоветовать препятствовать ей в этом мерами строгости, так как это свойство, как мы увидим позже, имеет чрезвычайно важное значение при дрессировке призыва на мертвую дичь. По моим наблюдениям, собаки, выказывающие бесстрашие перед хищниками, обыкновенно выказывают хорошие задатки к водяной работе и наоборот. Кто

имеет в виду значительную водяную охоту, тот, разумеется, должен обратить внимание, обладает ли данная собака склонностью к воде и в какой степени. Это бывает видно уже в ранней юности и легко может быть установлено с полной определенностью. Как только вода весною достигает достаточной теплоты, ее ведут в сообществе знакомой ей более взрослой собаки к какой-нибудь луже и заставляют последнюю перейти ее.

Молодая собака, у которой прирожденная страсть к воде, не задумываясь последует примеру своей товарки и выкажет явное

удовольствие своим влажным путешествием. Она будет бегать по воде, окунаться с головой и разыскивать при каждом удобном случае симпатичную ей стихию. Такие собаки для водяной работы выказывают, меньше противодействия, так как их расположение к воде идет навстречу всем требованиям.

Иначе обстоит дело, если молодая собака осторожно входит в воду и пример ее товарки не побуждает ее идти в глубину от берега, или если она стоит на берегу, выказывая опасение намочить лапы. Нужно повторить опыт несколько

раз, лучше всего в солнечные дни. Если все опыты останутся безрезультатными, то следует сделать еще, одну попытку. Ручная утка сажается в луже или еще лучше отыскивают стайку уток и приказывают более взрослой собаку аппортировать утку. Утки, конечно пытаются, крякая и хлопая крыльями, уйти; они ныряют, прячутся, подобно диким, под водою, у берега, но собака их снова отыскивает и травит. Если при этом возбуждающем примере молодая собака останется на суше, вместо того, чтобы преследовать вспуганных уток, то тогда дрессировщику нечего

с ней делать.

В какой степени собака одарена задатками к водяной работе можно видеть из ее поведения по выходе из воды: собаки, недостаточно одаренные этими задатками, едва могут дождаться момента стряхнуть ненавистную влажность. Это те неуверенные работники на воде, которые, сложив аппортированную утку на берегу, не пропустят секунды чтобы встряхнуться, достигнув любезной им суши. Такая собака сидит дрожа на берегу под греющими лучами солнца и ревностно облизывает влажную шерсть. Этот знак позволяет с уверенностью

сказать, что с этой собакой можно достигнуть лишь среднего успеха при водяной работе. Каждое принуждение, каждое применение силы – повторяю это здесь снова – никуда не годны, когда дело идет о водяной работе. Это правильно по отношению не только к недрессированным собакам, но вообще ко всем без исключения. Если молодую собаку можно побудить травить ручных уток в воде, то следует повторить этот опыт неоднократно при подходящих условиях в теплое время года. Уже во многих собаках мне удавалось настолько подавить недостаток

прирожденной страсти этим путем, что они бывали пригодны к водяной работе, по крайней мере, летом и ранней осенью. Условия, в которых приходится работать по воде зимой или вообще в более тяжелых условиях, представляют больше трудности дрессировщику: тут легко будет работать собака только с прирожденной склонностью к воде. Как дальше нужно воспитывать собаку, предназначенную для водяной работы, я скажу подробнее в особом отделе.

Испытание к призыву на

мертвую дичь

В то самое время, когда мы берем собаку для испытания ее охотничьих задатков в поле, нам предстоит решить вопрос, предстоит ли ее воспитывать с целью развить в ней призыв на мертвую дичь или сделать из нее собаку, указывающую убитую дичь. Я предполагаю, что читателям известна разница между тем и другим видом дрессировки. Собака, воспитанная с призывом, имеет задачей, если она не может поднять дичи, которую она нашла мертвою по кровавому следу или прикончила сама, лаять так

продолжительно, пока ее не услышит охотник и не придет на ее зов. Ни под каким видом собака не смеет отойти от дичи ни по зову, ни по свисту, которые, наоборот, служат ей новым поводом для усиленного лая. Собака, приводящая на мертвую дичь, наоборот по истечении известного времени, особенно по свистку, должна покинуть найденную дичину, разыскать охотника и привести его на место.

Лично мое мнение таково, что было бы грехом молодую собаку, выказывающую задатки призыва на мертвую дичь, воспитывать с подавлением этих задатков. Кто имел

хоть раз в жизни удовольствие через весь лес подойти на зов своей собаки, подающей призыв на мертвого оленя, козу или кабана, то согласится, что в этом электризующем звуке заложено немало поэзии благородного охотничьего дела.

Прежде всего я могу посоветовать дрессировщику заниматься обучением призыва на мертвую дичь только тех собак, относительно которых можно быть твердо уверенным, что они обладают нижеописанными задатками. Всех остальных собак нужно обучать второму способу, и это будет

специально изложено перед заключением комнатной дрессировки. Первое требование, которое я ставлю собаке, предназначенной к призыву на мертвую дичь, – это то, чтобы, гоняя красную дичь, в особенности зайцев, она отличалась продолжительным и звонким лаем. Собаки, не выказывающие этого свойства, для дрессировки этого рода не годятся.

С собакой , проявившей требуемые свойства, приступают к следующему испытанию: загоняют кошку на невысокое дерево; хорошо одаренная собака с лаем станет на задние лапы у ствола дерева и, уже

не травя, будет лаять продолжительное время. Чем бешенее и неутомимее будет лаять собака, тем лучше. При этом опыте главным образом необходимо установить, не выказывает ли собака, вследствие продолжительного лая, признаки болезни или утомления; именно многие собаки обладают не только недостаточными голосовыми средствами и через короткое время охрипают, лай их ослабевает, но они выказывают и другие признаки утомления, – головную боль и т.д. Очень часто главную роль здесь играет преходящая физическая перемена; очень часто голос молодой

собаки чрезвычайно усиливается в течение второй половины года ее жизни, если ее заставлять гонять зайцев и этим поднимать ее телесное развитие.

Но одно свойство во всяком случае должно быть на лицо – склонность к подаванию голоса.

Для того, чтобы быть еще более уверенным в наличии этого необходимого для собаки с призывом свойства, после того как предыдущие опыты дали благоприятные результаты, мы предпримем новое испытание.

Достают убитую козу (дикую) и кладут ее в саду или в лесу таким

образом, чтобы собака при дурном ветре не подготовленная увидала ее. К голове дичи привязывают тонкий шнурок, а этот последний перекидывают через толстую ветку на высоте трех метров и идут в скрытое место шагов на 20, где конец шнурка держит помощник.

Дрессировщик берет собаку на поводок, но так, чтобы дрессировальный ошейник не стеснял. Собаку возбуждают искать и неожиданно подводят ее к козе, при этом ее направляют и выдерживают так, чтобы она остановилась в 4 или 5 шагах от незнакомого предмета. Если собака одарена хорошими

задатками, т.е. имеет большую склонность подавать голос, то без дальнейших разговоров начнет лаять. Если же она останется безмолвной, то легким свистом дают помощнику знак привести голову козы с помощью шнурка в движение. Если собака и здесь не за лает или будет молчать даже тогда, когда над травой поднимется голова и горло козы, то собаку остается отвести домой и отказаться от мысли сделать из нее собаку с призывом.

В случае если собака бросится с лаем на лежащую или приведенную в легкое движение козу и не переставая будет лаять, то мы с нею

немедленно начнем упражнения, имеющие целью развитие ее ценной способности Здесь мне хотелось бы обратить внимание дрессировщик на то, что это упражнение с козой, двигающей свои головой, не мешает повторять при всяком удобном случае. Эти воспоминания молодости пробудятся в ней вся кий раз, как собака достигнет дичи, над которой должен следовать призыв, и эти воспоминания могут помочь ей в ее задаче.

Будущая собака с призывом должна с юности давать полный простор своей способности лаять. Всякая карабкающаяся на дерево

кошка, всякая чужая собака, всякий бродяга должны подавать повод 6–9 месячной собаке к обширному употреблению стройного и во всяком случае полнозвучного лая. Если мы этим методом опыта установили, что собака обладает задатками к подаче голоса и может быть неутомимой в этом отношении, тогда мы начнем с нею систематическую дрессировку на мертвую дичь по возможности задолго до начала комнатной дрессировки на 6-м или 7-м месяце ее жизни. Необходимо понемногу довести до ее сознания, что подача голоса независимо от ее склонности к этому не может быть делом ее

расположения или желания, но что в известных условиях она является ее священным долгом; точно так же впоследствии мы внушаем ей святость обязанности аппортировать после утомительной травли загнанного зайца.

Но между средствами, которыми мы располагаем для внушения при аппортировании и которыми мы вызываем подачу голоса на мертвую дичь, есть существенная разница: чтобы приучить собаку принять лисицу или хищную птицу и аппортировать ее, достаточно дрессировального ошейника, но чтобы довести ее до

продолжительной подачи голоса над убитой шкурой козы, а оттуда уверенно перейти к подаче голоса над мертвою дичью, употребления дрессировального ошейника будет недостаточно. Я держусь мнения, что применение насилия в этом отделе дрессировки требует величайшей осторожности, если не хотят подавить естественные склонности собаки к подаванию голоса и заменить это естественное чувство чувством страха или отвращения.

Мы приступаем к дрессировке в течение первых месяцев, наполовину играя, но при этом не упуская из виду мер строгости.

В помещении для дрессировки мы укрепляем кожаную цепочку. Цепочка прикреплена к потолку так, что посаженная на нее собака может стоять и сидеть, но ложиться не может. У собаки должно быть столько свободного места, чтобы она могла делать беспрепятственно несколько шагов, но никоим образом не могла бы запутаться в цепочке.

Заказывают из нескольких легких досок переносный щит длиною и шириною в 2 метра и ставят его в 8–10 шагах расстояния от собаки.

Набитое чучело козы кладут при самом начале упражнения перед

собакой так, чтобы она не могла его коснуться: собака должна приучиться смотреть на чучело, как на центр своих упражнений. Ее тогда легче побудить подойти к чучелу и подавать над ним голос. Также не имело бы смысла впоследствии выводить на сцену козу, после того как собака в течение месяцев подавала голос без ее присутствия.

Собаку ведут, ласково уговаривая, в помещение для дрессировки, предварительно запасшись 2–3 кусками свежего, сырого мяса. Собака совершенно голодна, а поэтому запах мяса заставляет ее оживленно бегать

вокруг ее хозяина. Мясо завертывают в в бумагу, кладут в карман, собаку подводят под кожаную цепочку и надевают цепь так, чтобы она ее не давила, затем вынимают из кармана кусочек мяса, подносят его к носу собаки и, вытянув руку с мясом по направлению собаки, идут задом к деревянному щиту, не переставая повторять: «зови!» Прячутся за щит и, не прекращая обращений к собаке, оставляют на виду одну движущуюся руку с привлекательным для собаки куском мяса. Собака, бывшая и без того уже в очень возбужденном состоянии, благодаря необыкновенному способу

привязывания, который дает ей возможность делать широкие прыжки, не приходя в столкновение с цепочкой, расположена подавать голос. Во всяком случае вышеописанный возглас, который вначале можно разнообразить всякими поощрительными вскрикиваниями, должен продолжаться так долго, пока собака от взвизгивания и ворчания не перейдет к полному взрыву лая, тогда следует немедленно выйти из-за щита, дать собаке кусочек мяса и ласково ее похвалить.

Смотря по понятливости и задаткам собаки, ей нужно будет 10–

20 упражнений, чтобы дойти до понимания необходимости по известному приказу залаять и что кусочек мясца, освобождение от цепочки, равно как и последующее кормление, является наградой за этот самый лай. Моя метода имеет также то большое преимущество, что собака с самого начала упражнений приучается к подаче голоса по приказу хозяина, остающегося невидимым. По всем другим методам собаку доводят дрессировкой до того, что она подает голос на дичь, но нет хозяина – и дрессировка потеряла свою силу: собака молчит.

Обычный призыв «зови» или

другой, какой найдут удобным, произносится раз от разу реже и тише, оставляют также и приманивание мясом. Собака начнет часто умолкать и ждать обычных приемов, наконец, ей надоест такое поведение, она начнет слабо визжать и кончит настоящим взрывом лая, тогда дрессировщик тотчас должен выйти из-за щита, похвалить собаку и дать ей кусочек мяса. Вначале еще собаку можно подбадривать вышеописанным восклицанием, произнесенным потихоньку, не после нескольких опытов нужно молчать и, стоя за щитом , терпеливо выжидать, пока собака сама собой подаст голос;

именно это частное представление возможности по собственному желанию, без всякого внешнего побуждения перейти к усиленному лаю, по моим наблюдениям, имеет чрезвычайную важность для будущей практики собаки. Собака приходит к пониманию, что стоит ей только продолжительно залаять, чтобы пришел ее господин, она получила сочный кусок мяса и была спущена с цепочки. Но ведь это именно и есть то требование, которое мы предъявляем к собаке, обученной призыву на мертвую дичь.

В течение первых недель, лучше даже до начала комнатной

дрессировки, эти упражнения являются для дрессировщика и собаки настоящими удовольствиями, не берущими ни времени, ни труда. Как только голодная собака заметит, что путь лежит в интересное помещение, к знакомому козьему чучелу, где так легко можно заработать сочный кусочек мяса, она широкими прыжками спешит вперед и ждет, виляя хвостом у двери. Через несколько недель дрессировщик будет иметь удовольствие слышать, после условной команды, свою собаку в полный голос. Понемногу, неделя за неделей, можно увеличивать периоды лаянья в

течение нескольких минут.

Однако дрессировка идет не всегда так ровно, как мы описываем. Бывают дни, когда собака не расположена к продолжительному призыву. По моим наблюдениям это случается в очень жаркую или наоборот в очень холодную Дождливую погоду, разумеется, важную роль играет также телесное нерасположение и вообще болезненное состояние. Если дрессировщик заметит, что его собака больна, Что легко установить по трем признакам: теплоте носа, исчезновению блеска глаз и одежды, то упражнения следует прервать с

тем чтобы возобновить их по выздоровлении.

При этих предварительных упражнениях никогда не следует наказывать и даже сурово выговаривать собаке, в особенности тогда, когда она по каким-либо причинам выкажет кажущееся тупоумие и дурную волю. Дрессировщик должен оставить помещение и запереть его за собою, после того как употреблено немало времени и притом без результата побудить собаку к призыву. Собака остается в помещении привязанной к цепочке, по прошествии четверти часа опыт надо возобновить, если он

снова останется безрезультатным, то обратно возвращаться через полчаса, позже через 1, 2, 3 часа. Само собой разумеется, что эти дисциплинарные меры могут быть применены только после того, как собака в 2–3 месячный промежуток уз поняла, что должна лаять в присутствии козьего чучела. Дело дрессировщика – устроить этот переход от добровольного лаянья к вынужденному призыву столь постепенным и незаметным, как возможно.

В известных обстоятельствах можно рекомендовать впредь предпринимать упражнения в

призыве не только разновременно, но и в разных местах. Для позднейшего перехода к практике имеет большое значение перемена места упражнения. Эту перемену можно начать как только собака на цепочке станет подавать голос в продолжение нескольких минут. Цепочку нужно вешать в разных местах: в саду то на том, то на другом дереве и класть при этом перед нею чучело козы. Этим путем в голову собаке внедряется представление, что она должна подавать голос всякий раз, как увидит козу, не только в определенном месте, где бы она ее

ни увидала.

Дрессировальный ошейник можно при дрессировке призыва на мертвую дичь употреблять только тогда, когда собака уже научилась основательно аппортировать, в этом случае мы должны руководствоваться указаниям, которые будут приведены в одном из позднейших отделов. До того времени мы занимаемся этим полушутя, не обращаемся с суровой речью к своему ученику и довольствуется тем, что, смотря по способностям, в возрасте от года до 14 месяцев собака подает голос, сидя на цепочке в течение нескольких минут.

Число необходимых положений, которых нужно держаться при дрессировке призыва на мертвую дичь, как видит читатель, довольно значительно. Каждое из них имеет свое значение и поэтому ни одному понимающему человеку не покажется удивительным, что настоящие собаки с призывом на мертвую дичь так же редки, как белая ворона. Тем большая заслуга успешной дрессировки. Поэтому никогда не должно было бы упускать случая развить в собаке задатки призыва на мертвую дичь. Как следует дальше обращаться с собакой для достижения великой цели, будет

мною сказано впоследствии.

Парфорсная дрессировка

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Парфорсная дрессировка, в тесном смысле называемая комнатной дрессировкой, имеет целью с одной стороны приучить собаку к определенным, чисто механическим действиям, с другой – привести к сознанию непоколебимой

высоты и мощи ее господина, а этим путем – к безусловному повиновению.

Поэтому комнатная дрессировка является задачей, решаемой не по раз установленному шаблону, а предъявляет к дрессировщику очень высокие требования в отношении уменья разобраться и рассудительности. Я считаю уместным, посвятив столько места рассмотрению необходимых задатков подружейной собаки, заняться рассмотрением тех способностей, которые необходим для господина дрессировщика.

Тот, кто хочет дрессировать

собак, должен быть прежде всего опытным охотником. Он должен иметь опыт в натаскивании многих собак, потому что от хорошо развитой собаки каждый охотник может чему-нибудь научиться. Этот опыт научит дрессировщика тому, что каждый урок комнатной дрессировки тесно связан с задачами будущей практики и что правила будущей натаски должны иметься в виду уже при парфорсной дрессировке.

В остальном дрессировщик должен отличаться известными способностями уметь действовать сообразно с тем как собака

представляет себе известную задачу, уметь говорить, так сказать, ее умственным языком. Дрессировщик, не обладающий этим исключительным качеством, не имеющий ни малейшего представления о том, как мыслит и чувствует собака, даром бросит труд: работа его не будет иметь успеха и будет только мукой ему и животному.

Вторым важным качеством прирожденного дрессировщика является способность влиять на собаку взглядом, голосом и вообще всей своей внешностью. Как лошадь с первого же мгновения чует, что за ездок сидит на ней, так и собака

очень хорошо отличает хозяина, с которым шутки не к месту.

В дальнейшем для успеха в дрессировке необходимо обладать соответствующим темпераментом. Насколько вредным является вспыльчивый холерический темперамент, настолько же мало с задачами дрессировщика вяжется и флегматический. Флегматик, у которого от природы мало энергии, негоден в дрессировщики горячей собаки. В дрессировщике должно быть соединение энергии решительности с личным мужеством, выдержки с рассудительностью.

Рассудительность и хладнокровие являются обыкновенно в более зрелом возрасте, как следствие нарастающего опыта, когда охотник убедится, что ничего нельзя выдумать нелепее, как приходить в волнение из-за собаки.

Если же дрессировщик обладает требуемыми качествами, ему будет нетрудно подготовить собаку с известными задатками к разносторонней охоте, – нужно будет только следовать нижеизложенным правилам.

При этом обязательно надо учитывать, что собака, сообразно с степенью своего развития, одарена

очень тонким чутьем справедливости в обращении. Если она сознательно нагрешила, она уже знает, за что ее наказывают; но наказание неизвестно за что, без надежды избежать дальнейших наказаний послушанием – может довести до стоического равнодушия к нему, и в заключение она с безмолвным отчаянием будет принимать удары. Одновременно с этим у нее пропадет всякий интерес к продолжению занятий, и дрессировщику предстоит удовольствие начинать снова.

Отсюда вывод, что при применении всяких наказаний необходимо поступать с величайшей

осторожностью. Собаку можно наказывать только тогда, когда совершенно определенно известно, что она знает, что от нее требуется, т.е. когда она сознательно не слушается.

При изменении наказаний нужно сперва испробовать их слабейшую форму – выговор, затем переходят к умеренному употреблению парфорсного ошейника и повышают его действие понемногу, пока не добьются желаемого. Плеть можно употреблять, когда имеешь дело с упрямой собакой, явно склонной к противоречию, и то при стремлении

достигнуть морального эффекта; но и тут нужно начинать с легких ударов.

Относительно занятий остается заметить, что в каждый урок необходимо повторять все пройденное. Таким образом начинают с первого урока (ходьба) и проходят все изученное, чтобы уже затем перейти к новому уроку. Во всяком случае к новому упражнению нельзя переходить, пока собака твердо не знает предыдущих.

В конце урока нужно заняться упражнением, особенно удачным у собаки, похвалить ее, чтобы у нее осталось хорошее впечатление об

уроке. После конца занятий ее следует привязать на полчаса в помещении для дрессировки.

Во время обучения собаки новым, ей неизвестным приемам, строго запрещаются всякие наказания. Только тогда, когда в уме собаки укрепится представление о том, что нужно, можно строже требовать от нее. Всякое наказание, даже строгое слово или резкое беспокойное поведение во время обучения новому приему только смущают собаку и удваивают трудности дрессировки.

Если собака отказывается от исполнения уже известного приема,

то дрессировщик не должен бросать урока, пока не добьется исполнения желаемого, хотя бы и в очень несовершенной форме. Можно вообще посоветовать удлинять до часа урок в тех случаях, когда в ученике замечается дурная воля или нежелание заниматься. Если собака, в течение такого удлиненного урока, после долгого труда схватила наконец нужный прием, то на другой день, при начале занятий нужно с ней обойтись особенно дружелюбно и попытаться, ласково уговаривая, добиться исполнения вчерашнего урока. Если она исполнит требуемое, надо ее похвалить, снять парфорсный

ошейник и закончить урок, хотя бы он продолжался две минуты. Ее тотчас же ведут кормить.

Вообще обращение с собакой не должно быть шаблонным: как сегодня, так и вчера. Если дрессировщик накануне обращался с собакой особенно сурово, то назавтра надо облегчить сколь возможно урок и обращаться с собакой, раз она сколько-нибудь выкажет добрую волю, с особенной лаской. Бывают собаки, и таких немало попадалось мне, которые охотно идут навстречу всяким требованиям, так что комнатная дрессировка обращается в какую-то игру. Многим

дрессировщикам это очень нравится, в особенности потому, что это дает им надежду окончить канитель в несколько недель. Но разочарование недалеко, потому что такие собаки обыкновенно пасуют в позднейшей работе, при сколько-нибудь повышенных требованиях: они незнакомы с принуждением. С такими собаками необходимо повышение требований комнатной дрессировки, пока они не выкажут нежелания слушаться, – тогда их нужно силой заставить сделать требуемое. Потому-то наилучшие результаты дрессировки показывают те собаки, которые во время ее были

наиболее упрямыми.

Искусство индивидуализации, т.е. уменье обращаться с собакой сообразно ее естественным склонностям, ее характеру, – есть качество, от которого в большинстве случаев зависит успех.

Большое влияние на успех отдельных уроков имеют внешние обстоятельства, в которых работает собака. Уже выше сказано, что ее внимания не должно ничто развлекать ни в ближайшей окрестности, ни в отдаленной – шумом. Также и погода оказывает на работу собаки свое влияние, а в особенности заслуживает внимание

время года. Во время летней жары, оказывающей расслабляющее действие на людей и животных, нельзя рекомендовать заниматься комнатной дрессировкой: жара удваивает трудность упражнений. Настоящее время года для комнатной дрессировки – февраль – до начала мая.

Уходу за собакой, подвергающейся дрессировке, нужно посвятить особое внимание. Дрессировка предъявляет к собаке сильные требования, что видно уже из того, что многие собаки в это время сильно худеют, а иные по целым дням отказываются от пищи.

Поэтому качество пищи во время комнатной дрессировки должно быть превосходным: она должна состоять исключительно из мяса и, смотря по надобности, надо давать вторую порцию. Но перед уроком, даже за несколько часов собаку кормить не следует: к работе она должна приступать на тощий желудок.

Пока телесное развитие молодой собаки не закончено, она нуждается в продолжительном, сильном и правильном движении: каждый день, проведенный ею в питомнике или даже на цепи, за это время скажется впоследствии в ее способности к работе. Противоречит всякому

здравому смыслу – запереть собаку 12–15 месяцев от роду на три месяца, на время комнатной дрессировки! Ведь даже допуская, что натаска одновременно с комнатной дрессировкой затруднит последнюю, это составит удлинение периода дрессировки всего на несколько недель. А месяцами длящееся изолированное состояние молодой собаки в ту пору, когда она растет, повлечет за собой потерю в телесном развитии, которую позже ничем не восстановишь.

Вообще же говоря, опасение, что одновременно натаска в поле, по пернатой дичи, окажет помеху

комнатной дрессировке, лишено всяких оснований. Наоборот, собака, в которой движение укрепляет силы и вызывает аппетит, проявляет в дрессировальном помещении гораздо больше оживления и эластичности, чем жалости достойная жертва питомника.

Поэтому со своими собаками я держался как раз противоположного метода: я водил их, насколько возможно чаще, в поле во время комнатной дрессировки. И при этом ни одна из них не оказалась неудачной, мало того, – мои собаки делались гораздо скорее пригодными для охоты, чем те, которые по

требованиям старой школы проходили в комнате парфорсную подготовку, затем, как повторение, упражнение в более широком пространстве, и затем, как заключение, натаску в поле.

Time is money – время – деньги, и. нет никакого смысла в том, чтобы не применять этой пословицы при подготовке подружейной собаки, особенно если это сокращает и облегчает работу.

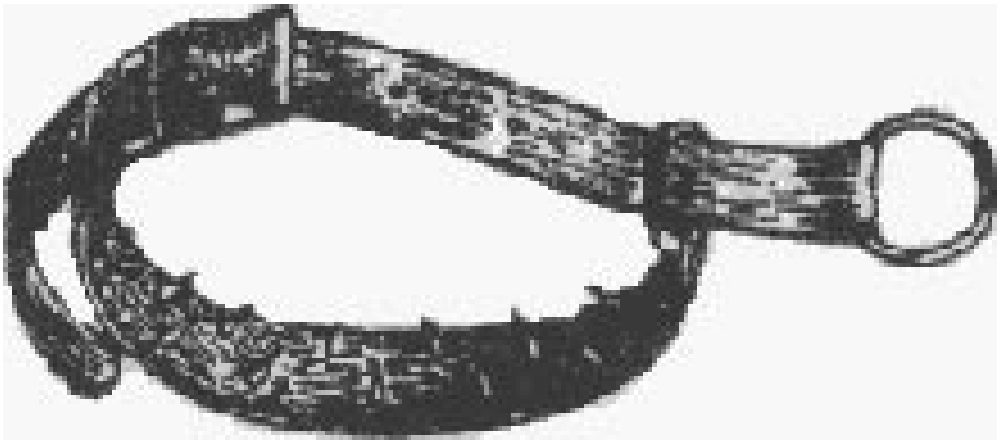
Испытание и развитие охотничьих задатков

II. АППАРАТЫ ДЛЯ ДРЕССИРОВКИ

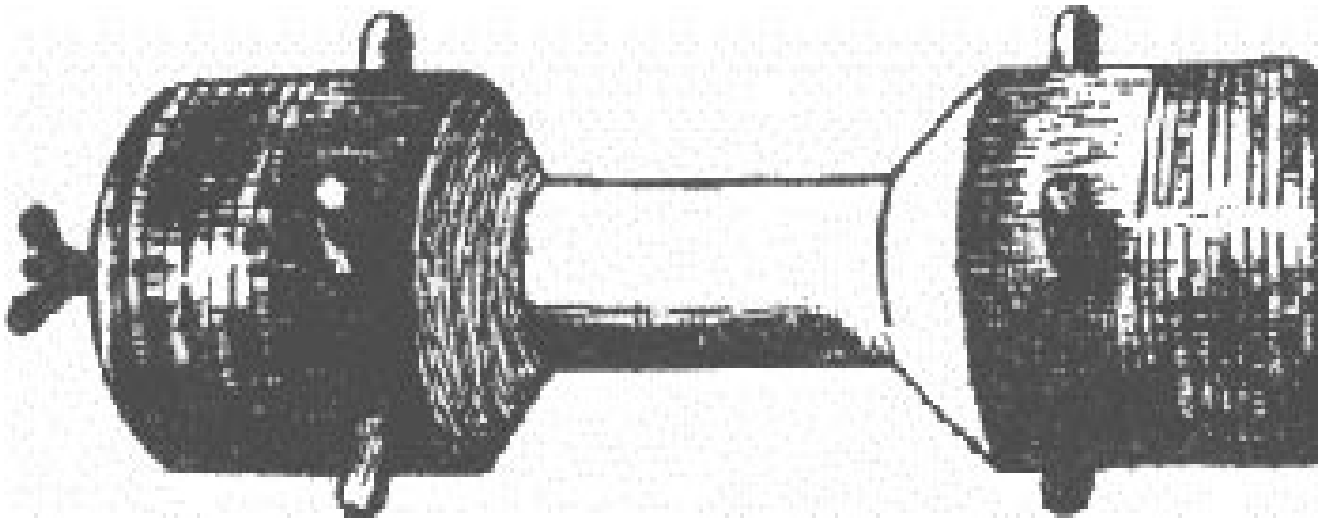
Громадное значение в парфорсной дрессировке имеют применяемые при этом аппараты. С помощью нецелесообразных, дурных аппаратов даже самый ловкий дрессировщик достигнет лишь неполных результатов, он лишь затрудняет себе и своем ученику работу, а зачастую портит его.

Аппараты, нужные отчасти для парфорсной дрессировки, отчасти для позднейшей натаски, следующие.

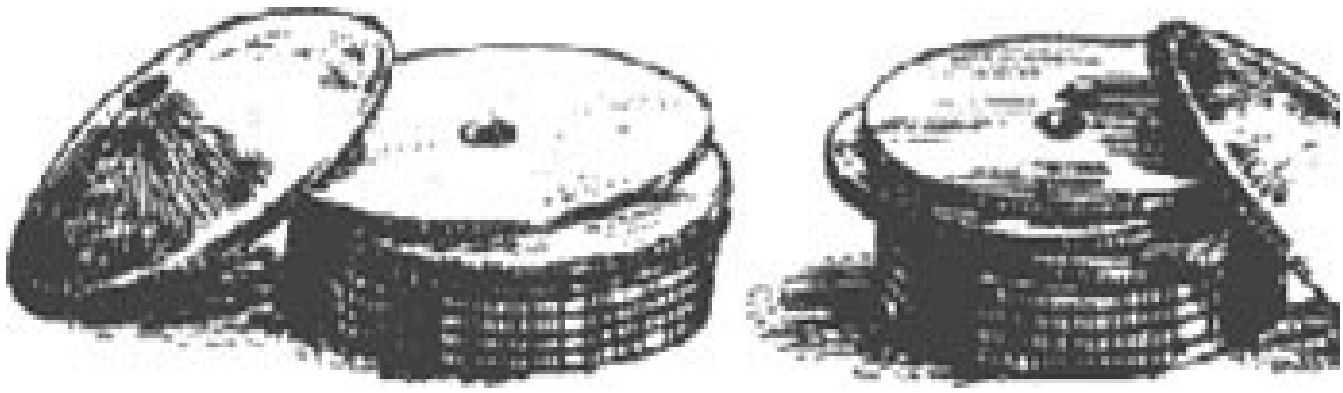
1. Парфорсный ошейник, который не может соскользнуть наперед или поранить края ушей.



2. Аппарат для поноски, благодаря своей форме приучающий собаку все брать за самую середину, соблюдать равновесие, и доводящий вес поноски до 8 килограммов.



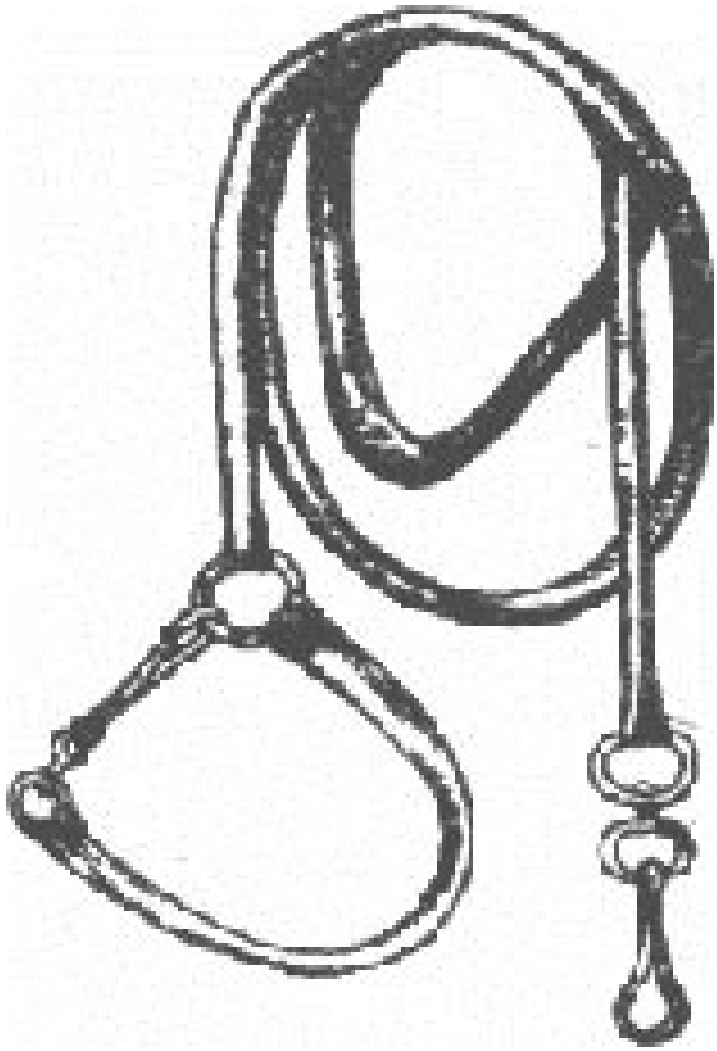
Пластинки, увеличивающие тяжесть аппарата для поноски.



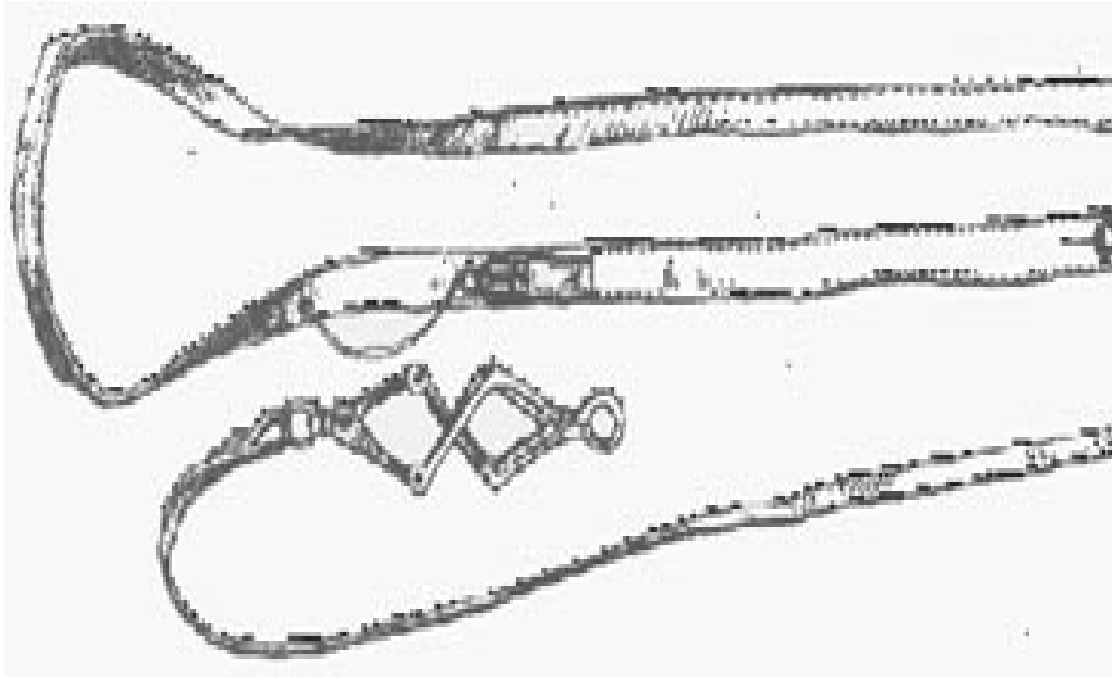
3. Свисток для собаки; устроен таким образом, что на всяком расстоянии, до 300–400 шагов, может быть слышен собаке, чем устраняется наклонность к тупости слуха. На

ее близкие расстояния дает тихий
; для работы в лесу, камышах и
устроено приспособление,
нимающее звук до резкого свиста.

4. Кожаный ремень для
вязывания собаки и для
ажнений в призыве на мертвую
ь, исключающий возможность
самозадушения.

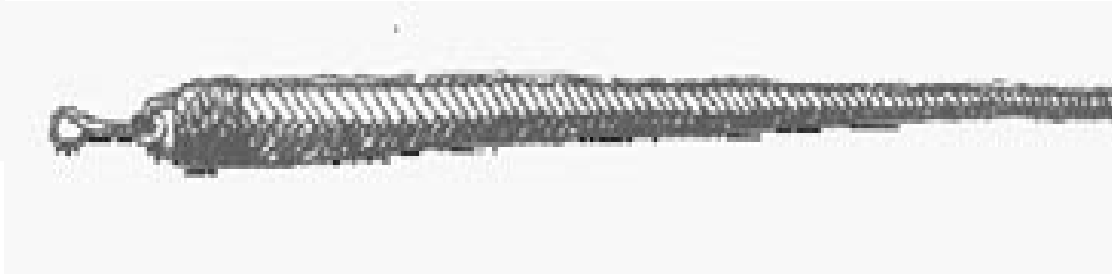


5. Шлейка со шнурком, с помощью которых в одну минуту можно прикрепить собаку к дереву, забору и т.д., она же может быть переделана в свору длиною до 2 метров.

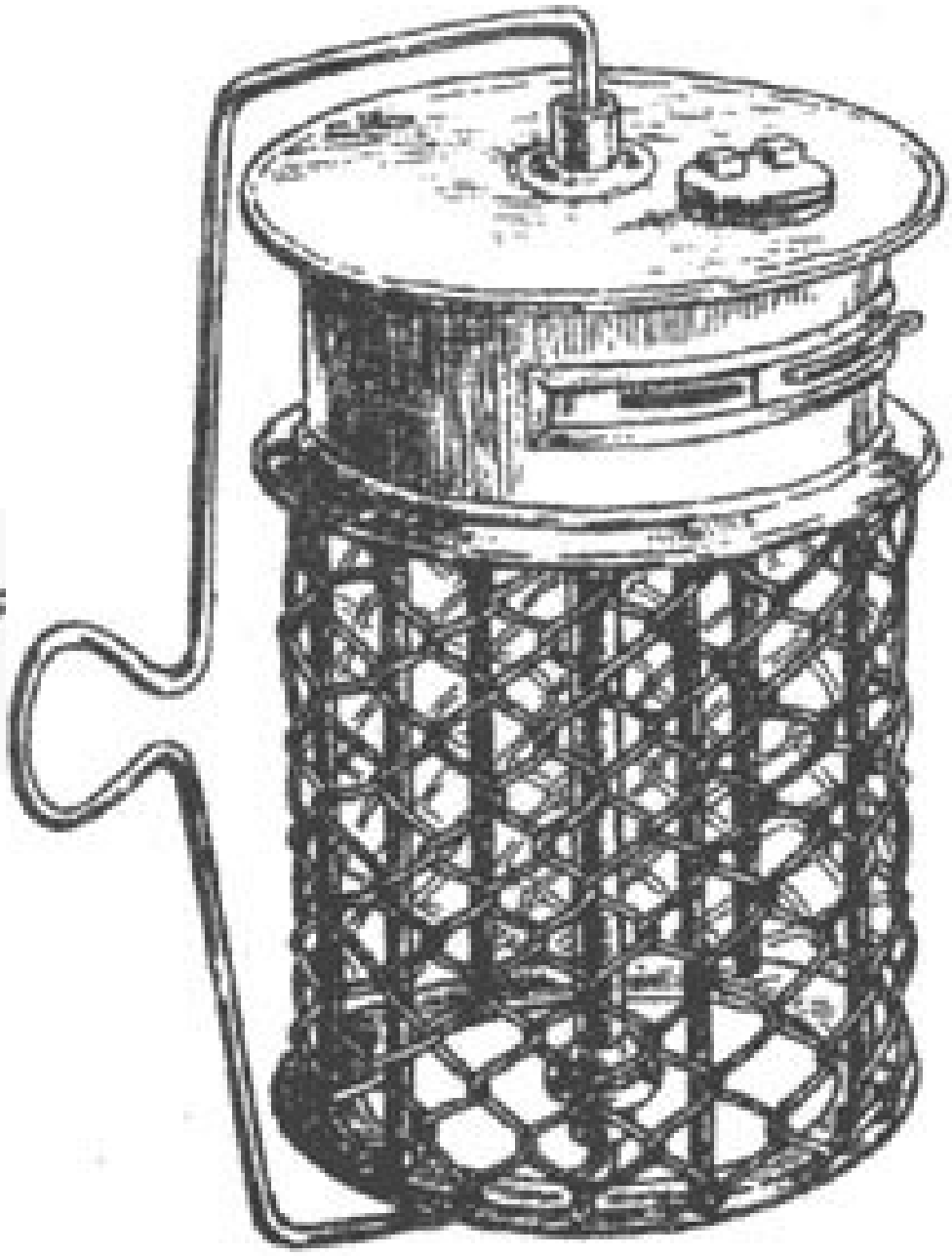


6. Кожаный «прямой « хлыст для парфорсной дрессировки; он позволяет постепенно усиливать наказание, от легчайшего прикосновения до сильнейших ударов, что невозможно при употреблении обыкновенного арапника.

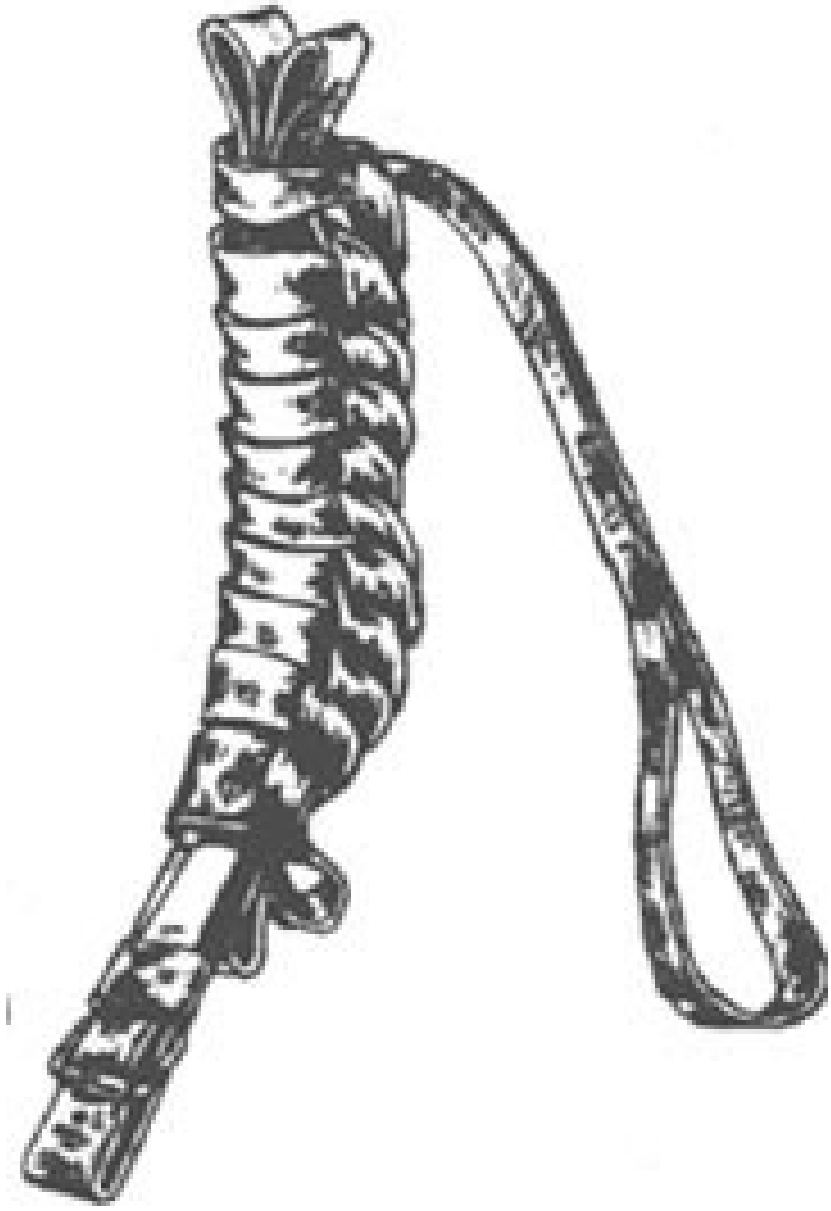
нут из плетеной кожи для
на практике. Он имеет то же
ество, как и №6, но сверх
оницаем для воды.



8. Коробка из проволоки для получения кровяного следа с помощью особо приготовленных внутренностей.

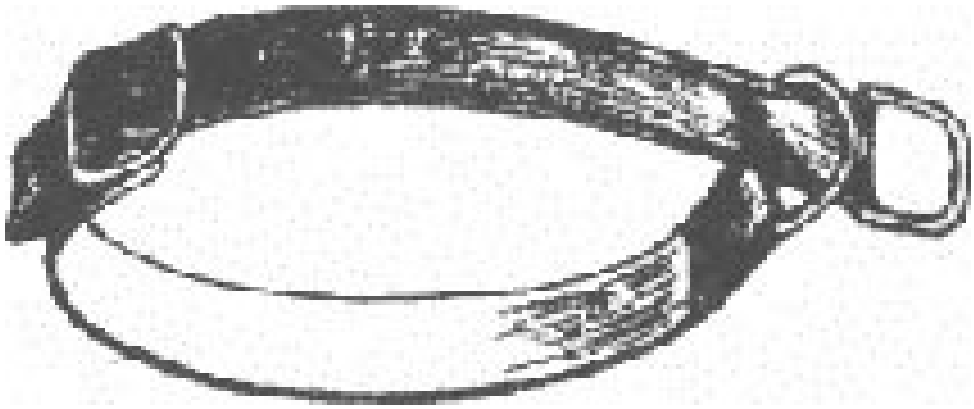


9. Парфорсный ремень для подружейной собаки.



10. Ошейник для подружейной собаки, годный и для обыкновенного употребления и для преследования по крови. Перевернув его, при охоте в мелколесье, гоне или при поиске в

поле, мы, благодаря его ярко-белому цвету, уже не выпустим собаку из глаз.



Исключительно для комнатной дрессировки мы употребляем еще несколько простых аппаратов , которые без труда могут быть приготовлены всяким по следующему описанию: а) короткий шнурок, толщиной в карандаш, длиной 2 метра. б) более длинный шнур, такой же, как предыдущий, но

4-х метров в длину. в) шнурок для поля, такого же качества, как вышеназванные, но 20 метров в длину. Он имеет наконец три узла, каждый на 1 метр удаленный друг от друга. Шнуры эти все укрепляются на парфорсном или обыкновенном ошейнике так, что один большой узел продевается сквозь кольцо и укрепляется в отверстии, образованном отодвиганием и поворачиванием шнурка. г) соломенная поноска. Устраивается так: обрезают хорошую ржаную солому пучком в 40 см длины, середину обматывают бечевкой, плотно, так что получается пучок в 5

см толщины. С обоих концов втыкают вовнутрь пучка длинные, до 15 см длиной пучки соломы, укрепленной на палочках, затем собирают концы соломы и с обоих концов завязывают. Таким образом, та часть, за которую должна хватать собака, остается свободной. д) легкое чучело кошки; берут хорошее чучело, набивают плотно сеном или стружками и обвязывают как раз в середке в 10 см шириной полосами парусины, так что в этом месте чучело обвязано приблизительно на 8 см в диаметре.

Во время дрессировки нужно носить всегда крепкие кожаные

перчатки далеко за кисть, для защиты от поранений.

Дрессировщик должен надевать во время дрессировки охотничий костюм. Знакомый собаке запах будет пробуждать в ней приятные воспоминания о тех часах, когда она, свободная, как птица, могла носиться по полю и отдаваться свой страсти. Собака с гораздо большим доверием войдет в дрессировальное помещение вслед за дрессировщиком, одетым в охотничий костюм, чем если он будет одет в другой костюм. Я же лично придерживаюсь мнения, что при дрессировке имеют значение

мельчайшие детали.

Комнатная дрессировка

1-ое упражнение Повторение ходьбы.

Придя в помещение для дрессировки, на собаку надевают дрессировальный ошейник и прикрепляют короткий поводок. Затем повторяют ходьбу, как это описано выше. Помощник тем временем открывает дверь помещения и собаку выводят на двор. Разумеется, собака в восторженном

настроении, особенно позже, после неприятных уроков, поспешит наружу и потянет за собой поводок. Тогда немедленно, по вышеуказанному, делается пол оборота налево, собаку отводят обратно в помещение, запирают дверь и повторяют ходьбу. Этот выход в дверь нужно повторять чаще в течение комнатной дрессировки, особенно во время трудных работ по аппортированию, каковые таким образом нужно временно прерывать, а затем снова продолжать. Вообще следует прерывать упражнения, утруждающие собаку, сменяя их ходьбой, чтобы животное имело

время прийти в себя и отдохнуть.

2-ое упражнение «Сядь!» и «сюда!»

Делают несколько шагов и выводят собак на середину помещения. Правой рукой собирают поводок, так, что последний непосредственно выходит над корольковым ошейником. Дрессировщик стоит перед правой стороной собаки. Он берет левой рукой собаку мягко в области почек и громко говорит: «сядь», потянув одновременно со словами правой рукой за поводок назад. Под этим двояким воздействием собаке ничего не остается делать, как сесть. Тут ее

надо поощрить ласковым словом, жестом (погладить), затем осторожно выпрямиться, продолжая держать шнурок натянутым, и одновременно грозя указательным пальцем левой руки, повторяя: «сядь».

Если собака вздумает подниматься, то урок надо повторить от восклицания «сядь» до легкого потягивания за поводок по направлению назад до тех пор, пока собака не пролежит без движения 1–2 минуты перед стоящим дрессировщиком. По окончании этого срока ясно и раздельно зовут: «сюда» и возобновляют упражнение

в ходьбе, как выше. Урок надо повторить в течение двух дней 20–25 раз.

3-е упражнение «Сядь!»

Дрессировщик ходит кругом собаки, держа поводок справа.

Собака сидит. Правая рука дрессировщика собирает поводок и отпускает лишь 40 см. Со словами «сядь!» дрессировщик делает шаг влево, останавливается и возвращается на прежнее место. Если собака сделала движение подняться, то начинают при легком подергивании за поводок повторять 2-е упражнение. В заключение дрессировщик заходит назад и

обходит собаку кругом справа налево. Правая рука дрессировщика остается без перемены положения, а каждое движение собаки подавляется грозным окликом: «сядь!» Нужно от 10 до 15 повторений.

4-ое упражнение «Сядь!»

Дрессировщик ходит кругом собаки, держа поводок слева

Собака сидит. Левая рука дрессировщика, как выше, правая держит поводок. Дрессировщик идет вправо, повторяя «сядь!», пока не станет перед собакой . Так как до сих пор это появление впереди всегда требовало, чтобы собака следовала за хозяином, то вне сомнений она

встанет. Тогда дрессировщик отступает назад и вынуждает, повторяя «сядь!», собаку занять сидячее положение. Этот прием – движение вперед, – нужно повторять, пока собака не останется спокойно сидеть на месте. Затем начинают ходить кругом собаки, держа левую руку над ошейником, и повторяют упражнение двадцать раз. После этого надо позвать, став впереди собаки, «сюда!» и слегка тянуть ее за собой. С этим изменением упражнение повторять от 10 до 15 раз, пока собака не усвоит значения: «сюда».

5-ое упражнение «Сядь!»

Дрессировщик удаляется от собаки

Собака сидит. Дрессировщик ходит вокруг все на больших и на больших кругах, затем опускает поводок и уходит назад или заходит за щит из досок. Если собака встанет с места, то дрессировщик подходит к ней, бранит ее и повторяет упражнение, пока собака без движения не просидит на месте несколько минут.

6-ое упражнение *«Сядь!» – «Сюда!» по легкому свистку*

Собака сидит. Дрессировщик отходит от нее на всю длину шнурка и останавливается. При помощи

свиста дается тихий свисток, восклицают: «сюда!» и одновременно с этим тянут слегка за поводок собаку к себе. Затем приказывают собаке сесть и повторяют урок от 30 до 40 раз в различные дни. В конце концов собака не станет ждать свистка, а встанет до него; этого допускать не надо и немедленно повторяют 4-е и 5-е упражнения. В заключение нужно довольствоваться только свистком для призыва собаки, приучая ее непременно к тихому свистку, потому что тупость слуха развивается именно громкими сигналами.

Первый повторительный курс на воле

На собаку надевают парфорсный ошейник и ведут ее на поводке на волю, лучше всего на луг, вблизи которого нельзя рассчитывать встретить людей. Само собой разумеется, что нельзя ожидать на воле, где тысячи предметов привлекают внимание собаки, такой же точно работы, как закрытом помещении. Собаку ведут на более длинном поводке; нужно повторить

все сначала, с ходьбы, и особенно внимательно следить за тем, чтобы она правильно шла на шнурке, не высовывая своего носа вперед. Затем говорят ей: «сядь!» и повторяют весь ряд упражнений в дрессировальном помещении.

Повторение 6-го упражнения производится уже с 20-сантиметровым поводком. Основательно повторяется быстрое послушание тихому свистку, так как это упражнение, в котором дрессировщик стоит сзади собаки, имеет большое сходство с позднейшим отзыванием собаки со стойки. По прошествии 15 или 20

минут упражнений собаку отвязывают, снимают с нее парфорсный ошейник и опускают на волю, как за несколько месяцев перед тем. Станет она травить, гонять зайцев, не следует отзывать ее. Я рекомендую не пытаться отозвать собаку зовом, свистом и приказаньями, а, как и раньше, спрятаться и, когда она сама вернется, взять ее на шнурок, не сказав ей ни слова.

7-ое упражнение (в помещении) «Аппорт!»

Собака держит руку дрессировщика

Верные положению – избегать

всяких лишних, бесцельно обременяющих память животного команд, мы употребляем для всех предварительных упражнений по аппортированию одну команду: «аппорт». Этим самым мы облегчаем переход от одного предварительного упражнения к другому, так как эта команда напоминает собаке обо всех предшествующих, подготовлявших данное, упражнениях.

В одном углу дрессировального помещения нужно укрепить на высоте приблизительно метровую доску, на которой разложить все аппорты для дрессировки.

Это упражнение, как и все

начинается с повторения урока ходьбы; затем собаке приказывают сесть. Поводок бросают. Затем левой рукой берут собаку за верхнюю челюсть так, чтобы большой палец лежал слева, остальные справа.

Правой рукой подымают голову собаки так, чтобы она (голова) стояла прямо. Затем начинают нажимать большими пальцами с одной стороны, а указательным пальцем слегка сзади клыков. Одновременно с этим восклицают «аппорт!» и вдвигают правую руку в перчатке в открывающийся рот собаки.

Последняя, разумеется, будет

стараться освободиться от этой непривычной ей вещи. Нужно попытаться ей в этом помешать, беспрерывно повторяя: «аппорт!» и добиться того, чтобы собака с рукой во рту спокойно просидела некоторое время.

Как только она будет спокойно переносить перчатку, указательные пальцы перестают давить, восклицают «брось!» и убирают руку изо рта.

Этим упражнением наперед укрепляется убеждение, что команда «аппорт» обозначает приказание взять тихой осторожно поноску, отнюдь не сжимая ее зубами и не

тиская.

Нужно будет 20 упражнений для того, чтобы приучить собаку добровольно открывать рот и брать руку дрессировщика.

8-ое упражнение «Аппорт!»

Собака держит соломенную поноску и легкое чучело кошки

Собака сидит перед доской, на которой разложены аппараты для дрессировки. Ее заставляют несколько раз взять руку в рот. Затем вдвигают ей соломенную поноску в рот. Собака будет стараться освободиться от нее, тряся головой и отодвигаясь назад, но в этом намерении ей воспрепятствует левая

рука дрессировщика, держащая ее за верхнюю челюсть, и правая, поддерживающая нижнюю. Когда, после неудачи в желании освободиться она продержит поноску некоторое время, правую руку отпускают, тихо берутся за поноску и говорят: «пусти», осторожно потянув поноску к себе. Собаку нужно приласкать после этого упражнения, повторить, как обыкновенно, ходьбу и возобновить упражнение десять раз. Затем таким же способом вводится легкое чучело кошки, против которого собака изъявит еще больше противодействия. Но и тут, при

первых уроках аппортирования, как во время всей комнатной дрессировки, следует избегать всякого наказания, избегать даже грубой фразы, тона, в случае противодействия со стороны собаки.

Главным образом нельзя позволять себе неосторожного обращения с губами собаки при посредстве левой руки, производящей давление на верхнюю челюсть. Понемногу нужно удлинять время держания собакой соломенной поноски и чучела кошки до 2-х минут. Правую руку надо приближать к собаке тихо и осторожно, взяв за поноску, подождать некоторое время

и затем уже сказать «пусти». Этим путем собаку предотвращают от неприятной привычки преждевременно бросать поноску и дичь к ногам охотника. Собаку нужно приучить к тому, что если охотник берется за аппортируемый предмет, то это не служит еще знаком, приказанием отпустить поноску. Собака должна дожидаться приказания «пусти!» или «брось!» Чтобы сделать значение этого приказания еще яснее, правую руку можно приближать к поноске несколько раз, снова отводить и т.д., прежде чем сказать «пусти». Собака в конце концов должна твердо

усвоить, что только по произнесении вышеприведенного приказания она может бросить поноску. Это упражнение необходимо повторять при всех позднейших уроках аппортирования.

Когда собака после 25 или 30 повторений затвердил урок, начинают 9-е упражнение.

9-ое упражнение «Аппорт!»

Собака носит соломенную поноску и легкое чучело кошки

Собака держит соломенную поноску. Дрессировщик берется левой рукой за дрессировальный шнурок в расстоянии (от ошейника) 30 см. Правую руку подводят под

нижнюю челюсть. Затем говорят: «сюда», осторожно потягивают поводок и идут назад. Разумеется, собака не знает, что ей нужно делать, и во всяком случае, прежде чек последовать за хозяином, бросит поноску. Этому помешает правая рука дрессировщика под нижней челюстью. Если же помешать не удалось, собака поноску бросила, то без всякого волнения надо начать сначала: посадить собаку вложить ей поноску в рот и со словами: «сюда!» – идти назад. Если собака послушается, пройдет все помещение, ее останавливают, приказывают сесть, затем пустить

(бросить) поноску и ласкают. Если после 10 или 15 повторений собака выкажет уверенность в исполнении своей за дачи, то правую руку можно убрать из-под челюсти. Затем производят осторожный поворот вправо, как сказано выше. А уже затем такой же поворот влево, причем левая рука держит поводок отвесно над ошейником и все время следят, как бы не вытолкнуть неосторожным движением поноски. Зачем уже приступают к исполнению этого упражнения с легким чучелом кошки, которое вызовет собаке еще больше противодействия. Если собака выбросит поноску, надо ей

строго сказать: «что это такое? посадить и, нажимая на отвислые края губ, вдвинуть поноску, повторив «аппорт».

10-ое упражнение « Аппорт!»

Собака носит аппарат для поноски

Аппарат для поноски освобождается от металлических пластинок, которые заменяются деревянными, так что он весит не более 1, 5 килограммов. До сих пор собака носила только легкие, никоим образом ей не причинявшие неприятного ощущения предметы. Аппарат для носки, напротив, не только тяжелая, но и твердая,

причиняющая боль губам собаки вещь.

Как в предыдущем упражнении, собаку сажают и вдвигают ей в рот аппарат, сказав: «аппорт!» Собака будет выказывать противодействие тяжелой поноске: опустит голову и уронит аппарат, если ей в этом не помешает правая рука под челюстью, – словом она всеми возможными способами будет симулировать свое бессилие носить тяжелую поноску. Дрессировщику не нужно позволять ввести себя в обман этими фокусами, пускаемыми в ход решительно всеми собаками . Если собака упала, левая рука поднимает ее при помощи

шнурка, привязанного к корольковому ошейнику, причем он все время повторяет: «сядь!», а правой рукой придерживается во рту собаки аппарат. Так как ошейник дает себя знать довольно чувствительно, когда собаку поднимают, то у нее сразу пропадает охота бросаться на пол. Раз собака продержала, как нужно, известное время аппарат, понемногу отнимают правую руку, ласкают собаку, если та не бросила поноски, приказывают «пусти» и на сегодняшний день кончают упражнение.

Если собаке представляются особенные трудности в исполнении

этого упражнения вследствие неправильного строения губ, то аппарат в тонком его месте обворачивают парусиной, чем смягчается давление его на губы. Но, как только она научится держать поноску, парусину надо снять.

Для того, чтобы научить собаку держать, а затем носить поноску по правилам 9-го упражнения, необходимо от 30 до 50 повторений. Соломенная поноска употребляется только для начала упражнения, а затем немедленно заменяется чучелом кошки и аппаратом для поноски.

Второй повторительный курс на воле

По окончании 10-го упражнения начинают упражнения в аппортировании на воле. Захватив три вышепоименнованные аппарата (соломенную поноску, чучело кошки, аппарат для поноски) в какой-нибудь мешок, выходят в поле, производят упражнение в ходьбе и, остановившись перед разложенными на мешке аппаратами , начинают упражнения в аппортировании по правилам комнатной дрессировки, переходя всегда от легкого к более

трудному.

Когда, наконец, добились уверенности в поноске деревянного аппарата, собаку можно взять на полевой (длинный) поводок. Тут сперва повторяют упражнение в возращении по свистку, без аппарата; в заключение от собаки, держащей поноску, надо уйти подальше и заставить ее по свистку и приказанию: «аппорт!» приносить поноску на все большие и большие расстояния. При этом шнурок лежит на земле и придерживается ногой. В начале собака откажется подходить с поноской; как и выше пускают в ход подергивания поводком и запрещают

бросать поноску, вдвигая ей обратно в рот и одновременно слегка нажимая на губы.

11-ое упражнение (в помещении) « Аппорт!»

Собака хватает соломенную поноску

Собака сидит. Поводок бросают на пол, а соломенную поноску кладут на протянутую руку так, чтобы ладонь находилась под выступом поноски. Четыре вытянутых пальца правой руки поддерживают подбородок собаки так, что она держит голову прямо. Левая рука охватывает, как выше сказано, верхнюю челюсть, чтобы

побудить собаку открыть рот. Затем говорят «аппорт!» и правую руку подымают так, чтобы поноска скатилась в открытый рот собаки, после чего поступают по правилам предыдущих уроков. Понемногу поднимают правую руку все меньше и меньше. Поноска уже не будет скатываться прямо в рот собаки, а будет лежать перед ней. Как только поноска останется лежать, говорят: «аппорт!» и сопровождают команду легким нажиманием губ по направлению вперед. Тут собака замечает, что, как только поноска перестала скатываться ей в рот, началось неприятное давление на

губы. После 15 или 20 повторений собака попытается избегнуть этого неприятного ощущения тем, что вытянет голову несколько вперед и вдвинет нижнюю челюсть между ладонью дрессировщика и поноской. Как только дрессировщик заметит у собаки хотя бы след намерения взять соломенную поноску, он должен приласкать собаку и прекратить упражнение, непрерывно ее лаская.

В следующий час занятий повторяют уроки ходьбы, возвращения по свистку и т.д., затем пытаются побудить собаку к хватанию соломенной поноски и, как только собака возьмет поноску, урок

заканчивают, непрерывно ее лаская.

12-ое упражнение «Аппорт!»

Собака берет соломенную поноску в некотором отдалении от рта.

Понемногу следует переходить к тому, чтобы собака привыкала брать поноску на все большем и большем расстоянии от морды. Пока концы пальцев касаются нижней челюсти, поноска лежит на плоской руке. После десяти повторений берут правой рукой поноску за один конец, левой – за шнурок ошейника, потягивают собаку по направлению к поноске и говорят: «аппорт!» Если собака возьмет поноску, ее надо

приласкать и заставить носить. Раз за разом нужно увеличивать расстояние поноски от морды до 1, 5 м, то подымать ее вровень с мордой , то выше, то ниже. В заключение заставляют брать поноску прямо с пола. Если собака заупрямится брать, рекомендуется умеренное употребление кораллов (парфорса), а при продолжающемся упорстве – переход к 11-му упражнению, причем нажим на губы может быть несколько усилен. Всякое нетерпеливое дерганье за поводок, крик, давление (сильное) на губы – совершенно бесполезно и только замедляет правильный ход занятий.

Это упражнение на разных расстояниях нужно повторить от 40 до 50 раз.

13-ое упражнение «Аппорт!»

Собака берет легкое чучело кошки и аппарат для поноски.

Только тогда, когда собака вполне затвердила легкие упражнения с соломенной поноской, когда она знает, что от нее требуется, можно начать такие же упражнения и в таком же порядке сперва с легким чучелом кошки, а затем с аппаратом для поноски. Понятно, собака будет менее охотно брать эти вещи, а во многих случаях прямо откажется брать. Тогда дрессировщик начнет снова с соломенной поноски и затем перейдет к легкому чучелу кошки и аппарату для поноски. Так как

собака теперь определенно знает, что мы от нее хотим, то возможно употребление парфорса с некоторою болью для нее. В течение 4–6 дней все 3 аппарата поноски непременно пускают в ход от 50 до 60 раз, и дрессировщик не пойдет дальше, пока собака не привыкнет брать и носить чучело кошки и поноску, положенные на расстоянии 1–1/2 м от морды собаки, низко над полом и почти касаясь его. Следует обратить внимание, чтобы сидящая собака двигалась по направлению к поноске лишь по команде «аппорт!»

14-ое упражнение «Down!»

На собаку надевают парфорсный

ошейник, как объяснено выше, так что колючки помещены на спине. Собака сидит. Шнурок лежит на полу. Правой рукой берут собаку перед лопатками, левую – кладут на круп. Затем громко произносят «down!» и одновременно с этим правой рукой нажимают на лопатки собаки в направлении назад; в то же время левая рука нажимает на заднюю половину тела. В этом положении собаку ласкают словами и, повторяя «down!», выдерживают с полминуты, не заботясь о том, прямо или криво она лежит. После этого говорят громко: «сюда!», подымаются и делают несколько

шагов. Проделав этот прием с «down» десять раз, обращают внимание на позу собаки: чтобы она лежала прямо на задних лапах, с головой между передними лапами. Упражнение это надо повторить двадцать раз.

15-ое упражнение *«Down!»*– *Дрессировщик удаляется от собаки.*

Дрессировщик берет в левую руку кожаный хлыст. Правая рука кладется на шею, а хлыст на круп. Под команду «down!» правая рука прижимает переднюю часть тела вниз, а хлыст слегка дотрагивается до задней части, так что собака

понемногу съеживается. После нескольких упражнений кладутся пальцы правой руки на голову собаки, а хлыст ей на плечо. После этого дрессировщик должен сделать шаг вправо; как только собака сделает движение подняться, необходимо ее слегка ударить, при этом произносится протяжно «down!» После нескольких повторений дрессировщик кладет на голову собаки вместо пальцев конец хлыста, при этом он делает несколько шагов вправо и влево и каждый раз, как только собака выходит из своего первоначального положения, заставляет ее снова

принять положение «down». Несколько легких ударов заставят животное лежать спокойно. После 20 до 30 упражнений собака понимает, что по команде «down!» она должна лежать спокойно, не поднимая головы до тех пор, пока по команде «сюда!» не получит разрешения встать. Повторяя предварительно возглас «down!» необходимо удаляться от собаки все дальше и дальше, бегать вокруг нее, прыгать через нее и затем вновь, останавливаясь на некоторое время, неподвижно стоять.

Собака при этом не смеет ни шевелить головой, ни оглядываться, в

противном случае немедленно получает удар хлыстом по передней части тела и с возгласом «down!» прижимается к полу. Теперь необходимо перейти к тому, чтобы, спрятавшись, наблюдать, остается ли собака неподвижно лежать; когда это достигнуто, нужно удалиться из помещения, заперев за собой дверь, а через некоторое время убедиться, осталась ли собака лежать спокойно. Постепенно нужно удлинять промежутки отсутствия и наконец приучить собаку к тому, чтобы она каждый раз в конце урока оставалась лежать на полчаса в положении «down!» Чтобы можно было

контролировать собаку, нужно протянуть привязанный к ошейнику шнур по полу и отметить положение его свободного конца соломинкой или кусочком дерева. Когда по возращении замечаешь, по измененному положению шнурка, что собака вставала, то необходимо сурово обратиться к ней со словами: «Это что такое?», «Down!», при этом ударить ее хлыстом и заставить еще лежать некоторое время. От 70 до 80 повторений необходимы, чтобы окончательно обучить собаку. Дрессировщик должен обратить на это упражнение особенное внимание, потому что оно является

предварительной школой для последующих упражнений.

16-ое упражнение *«Down!» на расстоянии от дрессировщика.*

Собака сидит. Дрессировщик становится на три шага впереди собаки, в правой руке хлыст, в левой шнурок. Он должен поднять хлыст на вытянутой руке кверху и одновременно крикнуть: «down!» В то же мгновение необходимо слегка дотронуться до спины собаки хлыстом; если она не ляжет, то удар необходимо повторить и заставить собаку лечь, после чего ее обходят кругом, призывают и повторяют упражнение. Собака должна быть

приучена по команде «down!» и поднятию руки кверху немедленно ложиться.

После приблизительно 30-ти упражнений нужно спрятать хлыст, засунув его за воротник под пиджак, так чтобы торчала только немного его ручка. Собака уже более не видит страшного хлыста и по команде «down!» и поднятию руки она не очень-то спешит лечь. В одно мгновение дрессировщик должен выхватить спрятанный хлыст и с угрожающим «down!» сильно ударить собаку. Тогда она сейчас же, да и впредь, при повторении урока, будет немедленно кидаться на землю.

Понемногу нужно увеличивать расстояние от сидячей собаки, насколько это позволяют размеры помещения, при этом необходимо строго следить за тем, чтобы собака не ложилась до команды, на что очень склонны собаки с мягким характером. В таком случае ее нужно поднять за парфорсный ошейник кверху и с легкой угрозой крикнуть: «садись!» Затем можно заставить собаку во время прогулки проделать «down», а самому идти дальше одному. При этом необходимы от 40–50 повторений. Дальнейшая дрессировка производится на свободе.

17-ое упражнение *«Down!»– по свистку к дрессировщику.*

Необходимо привязать к парфорсному ошейнику поводок в 4 м длиной и заставить собаку сделать «down». После этого дрессировщик, взяв конец веревки, удаляется от собаки на длину шнурка и останавливается впереди собаки. Одновременно давая легкий свисток, он дергает за конец веревки. В то время, как собака встает, должно крикнуть «сюда!» и быстро притянуть ее за веревку к себе, затем дать ей сесть и похвалить словами «так, хорошо!» После этого направление по отношению к собаке

необходимо переменить и наконец поднять ее свистком, находясь за ней. Постепенно собака должна быть приучена подходить на очень слабый свисток. Для достижения этого можно усилить подергивание поводком. После приблизительно 20 упражнений можно идти еще дальше и, давая свисток, самому одновременно отпрыгивать назад. После 20 упражнений собака должна по свистку вскакивать и в несколько прыжков приближаться к хозяину. Если собака подходит быстро, то можно ослабить пользование парфорсным ошейником и, наконец, совершенно прекратить, прибегая к

нему только в крайнем случае.

18-ое упражнение *«Down!»– при приближении по свистку.*

Собака делает «down»; дрессировщик прячет хлыст под сюртук на спине. В то время, когда собака приближается по свистку, на полдороге приказывают: «down!» и поднимают руку кверху. Спустя некоторое время можно ее подозвать. Если собака по команде «down!» не прекратила движение вперед и не легла на землю, то необходимо ее сначала тихо, но постепенно сильнее ударять хлыстом. Это упражнение очень утомляет собаку, которая все время находится между парфорсом и

хлыстом. Но оно лучшее из известных мне исправительных упражнений для упрямых или испорченных собак.

19-ое упражнение *«Down!»* – *«Вперед!» – Собака ползет.*

Собака делает «down». Дрессировщик берет в левую руку веревку в 30 см от ошейника собаки; правою рукою кладет хлыст на переднюю часть тела, так что легкими ударами собаку можно сдерживать в лежачем положении. Теперь протяжно произносится: «вперед!» и одновременно делается шаг назад, причем легким подергиванием за веревку заставляют

собаку следовать за собою. Конечно, собака захочет сейчас же встать. Но приказывают «down!» и наносят собаке легкий удар. Затем снова командуют: «вперед!» и чередуют с «down!» до тех пор, пока собака, наконец поймет, что по команду «вперед!» она должна ползти.

От 30 до 40 повторений достаточно, чтобы выучить собаку проползать по всему помещению взад и вперед. Мы пользуемся этим упражнением на практике в трех случаях: 1) чтобы успокоить собаку в то время, когда она идет по следу за птицей; 2) чтобы помешать ей без толку бросаться на подстреленную

дичь и мять ее; 3) как наказание в связи с упражнением 18-м, так как этим упражнением собака может быть настолько утомлена, что она боится его больше, чем хлыста и парфорса.

20-ое упражнение *«Down!» – «Вперед!» – Собака удаляется ползком от дрессировщика.*

Мы прикрепляем к парфорсу полевой ремень и протягиваем его через железное кольцо, прикрепленное к полу или внизу у стены на расстоянии 12 шагов от стены. Собака делает «down» головой по направлению к кольцу; ремень натягивают при помощи

пальца и держат его в левой руке, в то время как правая рука держит хлыст. Одной ногой дрессировщик переступает через собаку в области ее головы, так что последняя находится между его ногами. Теперь командуют: «вперед!» и тянут прерывисто за ремень; так как собака знает из предшествующего упражнения, что это такое значит, то она и поползет к кольцу по направлению тянущего ее ремня. Дрессировщик сначала следует за собакой , все время произнося: «вперед!» до самого кольца, здесь он хвалит собаку, выпускает конец ремня из руки, берет собаку с

возгласом «здесь!» вблизи от парфорса и отводит ее для повторения упражнения на старое место. Постепенно он предоставляет собаке ползти одной, оставаясь вдали от нее. Затем постепенно совершенно прекращается пользование ремнем и собаке дается только толчок, когда она не повинуется команде «вперед!» Потом освобождают собаку от ремня совершенно и заставляют ее ползать по помещению, в то время как дрессировщик остается на месте. 50–70 повторений в течение трех недель совершенно достаточно для обучения.

21-ое упражнение *«Down!»* – *«Вперед!» – По свистку назад.*

К парфорсу прикрепляют более длинную дрессировальную веревку. Собака по приказу ползет вперед: как только веревка близка к натяжению, производят легкий

свисток и подергиванием заставляют собаку приблизиться. Советуем всегда повторить перед этим упражнением – упражнения 17 и 18; 20 повторений необходимы.

Третий повторительный курс на воле

Как только собака научилась хватать, кроме соломенной поноски также кошачье чучело и аппарат для поноски, помещенные на достаточно большое расстояние от нее, как только она знает, чего от нее хотят,

мы начинаем повторение этого упражнения на свободе. Мы приступаем к делу точно по предписанию упражнений 11, 12 и 13. Необходимо теперь заставить хватать предметы, которые держат теперь почти у самой земли, как можно ниже. Ни в каком случае, однако, дрессировщик не должен полагать, что собака будет брать предметы, положенные на землю. Даже если бы собака это и сделала, то это была бы ошибка, которая впоследствии сказалась бы. Собака не должна абсолютно ничего делать самостоятельно. Это основное правило охотничьей дрессировки ни

в каком случае не должно быть нарушаемо при важных упражнениях в поноске.

16 упражнение – «down!» на расстоянии – мы начнем на полевом шнуре, сперва на 5, 10, наконец, от 20 до 30 шагов расстояния. Собака должна по команде «down!» с поднятием руки упасть с быстротой молнии и остаться лежать неподвижно. Хлыст опять прячется под сюртук и им пользуются, как только собака становится небрежной. Постепенно можно прекращать возглас «down!» и приучать собаку немедленно ложиться только при поднятии руки.

Это упражнение нужно ей вдолбить основательно; команда «down!» должна сделаться для собаки настоящим пугалом.

Одновременно мы приучаем собаку появляться по тихому свистку и чередуем это упражнение с 19, 20 и 21. Все время мы упражняем собаку на шнуре, чтобы не допустить даже и мысли, что она может не повиноваться.

А. Приучение к выстрелу.

Если собака еще не знакома с выстрелом, то пришло время ее к нему приучать. Прежде всего нужно удостовериться, склонна ли собака к выстрелобоязни. Для этого мы

заряжаем 10 патронов, но, конечно, без дроби. На то место, где производится дрессировка, берем помощника, который располагается с ружьем в 200 шагах от нас. Собака сидит в 10 шагах от дрессировщика. По знаку помощник дает выстрел в противоположную сторону. При этом необходимо наблюдать, очень ли испугалась собака. Если при втором и третьем выстреле собака все-таки еще выказывает страх, то помощник должен удалиться настолько, чтобы собака могла слышать выстрел без боязни. Необходимо подойти к ней, погладить и похвалить ее и походить с ней вместе при продолжающихся

выстрелах. Если есть случай посетить стрельбище, то можно отправиться туда с собакой во время стрельбы и, не дойдя шагов на 300, необходимо поласкать собаку, поговорить с ней приветливо и постараться подойти с ней настолько близко к стрелкам, пока она не выкажет страха; приближаться нужно очень медленно, чтобы она могла привыкнуть к звуку выстрелов.

Если же нет стрельбища поблизости, то боязливую собаку нужно приучить следующим образом. Пусть помощник в поле выпустит от 15 до 20 холостых зарядов, находясь шагах в 200–300 от

собаки, в то же время собаку нужно, лаская и уговаривая, подвести к нему шагов на 100. На следующий день нужно передать собаку помощнику, и пусть он скроется с ней с поля зрения. Дрессировщик же, отправившись на дрессировальное место, должен начать там стрелять. Помощник пусть приближается теперь с собакой на поводке под ветром к дрессировщику, который все время не перестает стрелять. Собака чует и очень быстро узнает своего хозяина и стремится, конечно, к нему. Дрессировщик манит к себе собаку, не переставая изредка стрелять. Только когда собака не

выказывает ни малейшего страха, хотя бы выстрел был произведен в самой близи от нее, мы начинаем ей разъяснять, что выстрел есть приказ принять положение «down».

Помощник становится на расстоянии 50 шагов. Собака сидит в пяти шагах впереди дрессировщика, у которого хлыст спрятан под сюртуком на спине. Как только, по незаметному для собаки знаку, производится выстрел, руку нужно поднять кверху и громко крикнуть «down!» Если собака не исполнит тотчас же приказания, то нужно прибегнуть к хлысту. Постепенно можно увеличивать расстояние от

собаки до 25–30 шагов. Если окажется после 15–20 повторений, что собака поняла значение выстрела, то можно постепенно прекратить возглас и поднятие руки и обратить внимание на то, чтобы собака на каждый выстрел, раздающийся шагах в 200 от нее, немедленно делала «down». На прогулке с собакой можно уже, не задумываясь, застрелить в присутствии собаки ту или другую хищную птицу. Как только выстрел дан, нужно заставить собаку сделать «down» и каким-нибудь образом закрепить шнурок. Затем можно принести дичь и спрятать ее;

молодая собака не должна иметь с нею никакого дела, в особенности не нужно давать ей птицу в пасть или проделывать какие-либо другие поноски. Собака должна, не поднимая головы, лежать на месте; другого значения для нее выстрел пока еще не имеет, что при этом убита птица – это не ее дело. Если при этом присутствует старая собака, то пусть и та сделает «down» и ни в каком случае не аппортирует. В противном случае в молодую собаку было бы заложено первое зерно порока горячности при выстреле.

Б. Подготовительные упражнения для систематической

натаски.

Если собака достаточно развита, чтобы постепенно быть отученной от погони за зайцами, то мы и начинаем теперь первые упражнения.

Если собаке необходимо уяснить, что зайцев она не должна травить, то мы соединяем эту дрессировку с обучением правильному поиску. Хороший поиск принадлежит вообще к прирожденным качествам; но можно и самый лучший поиск сделать превосходным при помощи соответствующего обучения.

Мы берем собаку на тесьму, после того как ей надет парфорс и, если собака обладает особенно

горячим, диким темпераментом, то конец тесьмы мы прикрепляем к кольцу ремня, надетого через плечо. Для упражнений мы выбираем такое место в поле, где его пересекает направление ветра поперек. Конечно, предполагается, что там имеются куропатки и что они достаточно скрыты, чтобы не быть вынужденными постоянно бегать. Поэтому мы выбираем для первых упражнений такое место, где длинные и узкие плодоносные поля чередуются с обыкновенными лугами. По команде «ищи!» мы даем собаке тесьму, так чтобы она могла подойти вплоть до прикрытия. Так

как она уже достаточно хорошо изучила поле, то она старательно полезет в прикрытие, где, как она знает по опыту, можно встретить дичь. Немедленно надо громко крикнуть «вон!» и вытянуть ее за тесьму на голое поле. Собаку нужно побуждать словами «ищи там!» с особенным ударением на последнем слове, искать вдоль прикрытия на некотором расстоянии от него. Как только она сделает движение, чтобы забежать за прикрытие, нужно с угрозой крикнуть: «вон!» и наказать ее, дернув за тесьму. Со словами «ищи там!» нужно, указывая ей место рукой, побудить искать вдоль

прикрытия снова. Главное дело заключается в том, чтобы вскоре добраться до сидящих куропаток, если же куропатки, вследствие погоды, выказывают наклонность подниматься и бегать, то упражнение необходимо прекратить. Как только заметишь, что собака тянет, нужно протяжно произнести: «смирно!» и слегка потянуть за тесьму, но не действовать парфорсом. Если она подчиняется возгласу «смирно!» и затягиванию тесьмы и остановится, то нужно ее поласкать со словами «хорошо» и заставить сделать стойку две, три минуты. Затем дрессировщик со словами «смирно!»

и, грозя пальцем, должен попробовать обойти собаку и приблизиться к дичи. Наверно собака бросится вперед, чтобы схватить добычу. Немедленно нужно крикнуть громко «down!», схватить спрятанный хлыст и нанести ей сильный удар. Если собака бросится за поднявшейся дичью или выбежавшим зайцем, то нужно еще раз крикнуть «down!», но предоставить ей бежать. Она задержится на полном ходу привязанной к кольцу ремня тесьмой и причинит себе сильную боль парфорсом. При последующих повторениях дрессировщик должен

следить за этим моментом: наказание, которое собака сама себе причиняет тем, что сделает два, три шага быстро назад, усилит еще более боль от парфорса. То место, где собака сделала стойку, нужно заметить клочком бумаги. Затем командуйте «down!» и сурово обратитесь к собаке со словами: «Это что такое! Фу, стыдись!» или, если это касается зайца, «Фу, заяц!» Затем должно приблизиться к собаке на расстоянии 5-ти шагов, схватить левой рукой тесьму, правой хлыст и по команде: «вперед!» в то время, как она будет ползти и делать попытки вставать, не щадить хлыста

и дергать за тесьму. Ее нужно заставить проползти шагов 60–70 до того места, где она сделала стойку или впервые наследила дичь и здесь, сурово крикнув «down!», ударить ее сильно хлыстом. Собака должна лежать в том месте, где она сделала стойку, так чтобы она и сейчас могла чувствовать запах бежавшей дичи. Не переставая все время произносить «down!» нужно удаляться от собаки, окружая ее 10–12 раз и, отойдя уже на значительное расстояние, свистнуть ее к себе.

Мы снова ведем собаку вдоль прикрытий, поправляя ее все время возгласами «вон!» и «ищи там!» В

конце поля мы идем против ветра, переходим на следующее поле и проискиваем его в противоположном направлении. Если собака останавливается, то мы оставляем ее до пяти минут выдержать стойку, обходим ее и выгоняем дичь на поле. В момент, когда куропатка, фазан или заяц поднимаются, необходимо громко крикнуть «down!», положить тесьму на землю, и, окружая собаку 10–12 раз, удалиться от нее и затем уже тихонько подсвистнуть к себе, обращая внимание на то, чтобы она быстро подбежала.

Если собака уже тверда в стойке, то можно ее уже отозвать от дичи, не

выгоняя за нее. Должно удаляться от собаки задом, насколько это позволяет тесьма, свистнуть и потянуть за тесьму к себе. Через некоторое время нужно побудить ее искать в направлении дичи и позволить ей при команде «смирно!» приблизиться до прикрытия. Вспугнув дичь, приказать: «down!» и затем поступать по предписанию.

Через две недели собака будет понимать, что она не смеет гоняться за дичью, а должна дать о ней знать стойкой, а в этом заключается весь смысл подготовительного упражнения.

22-ое упражнение *«Не тронь!»*

– кусок мяса.

Нужно взять кусочек сырого мяса (хлеб обыкновенно не действует на собаку) величиною в мизинец в дрессировальный зал. Собака сидит. Тесьму держат коротко в левой руке; правой рукой держат кусок мяса и проводят им возле носа собаки. Конечно, собака очень заинтересовывается лакомством, спрятанным в руке. Как только она дотрагивается до руки – произносят «не тронь!» и дают ей щелчок в нос. После нескольких повторений мясо кладут на ладонь, но приготовляют палец для щелчка, чтобы ударить собаку по носу со словами «не

тронь», как только она захочет схватить мясо. Наконец, держат мясо перед самым носом, произнося «не тронь!» и щелкая ее по носу в случае надобности. Бросают затем мясо на пол, произнося «не тронь!», и дергают ее при помощи ошейника, если собака делает движение схватить мясо.

Бросают мясо на шесть, восемь шагов от собаки, командуют: «down – вперед!» и затем опять «down!», как только собака приблизится к мясу. При предупредительных возгласах «не тронь!» собаку нужно окружить и, став сзади, свистнуть. Упражнение необходимо повторить 20 раз. Под

конец собаку не нужно наказывать, но, оставя ее лежать возле мяса, сурово крикнуть «не тронь!» и удалиться из комнаты. Продолжительность отсутствия можно постепенно увеличить до получаса. Если же собака, за отсутствие дрессировщика, съест мясо, беда невелика: мясо ей не повредит. Повторение преступления мы предупреждаем следующими мерами: сурово обращаемся к собаке: «это что такое?!» и несколько раз резко дергаем за тесьму; затем командуют «down!» и приносят второй кусок мяса. Его кладут на пол и проделывают в течение четверти

часа урок для наказания из упражнений 20 и 21, заставляя собаку беспрерывно подползать к мясу и отзывая ее свистком и подергиваньем за веревку обратно.

Через некоторое время собака настолько утомляется, что, визжа, едва может проделать это упражнение. Возле куска ее оставляют в положении «down» на четверть часа. Я ручаюсь, что она не так-то скоро захочет попробовать мяса. Чем холоднее спокойствие дрессировщика, тем больше впечатления производит наказание на собаку, которая отлично понимает, за что ее наказывают. Никогда этим

куском мяса нельзя кормить собаку.

Постепенно можно прекратить команду «не тронь!» а приучить собаку повиноваться только по сигналу «ест!»

23-ое упражнение *«Down!»* – *«Apporte»* – *Лежащая собака поднимает с полу.*

Командуют: «down!» и кладут соломенную поноску на расстоянии 30 см от морды собаки. Правая рука схватывает поноску и приближает ее немного к морде собаки, произносится: «аппорт!» и заставляют собаку при помощи тесьмы двинуться вперед, чтобы схватить поноску. Когда она ее хватает, то говорят: «сюда!» и делают несколько кругов. Надо менять предметы и повторить упражнение до 20 раз, причем собаку заставляют подползать к предмету,

расположенному на расстоянии 1 м. При вставании собака не должна бросать предмет, в противном случае ее наказывают надавливанием на щеки при обратном введении предмета в рот.

Когда это упражнение усвоено, то кладут соломенную поноску на пол придерживая ее слегка рукой. Если собака ее берет, то далее ей можно указать пальцем только направление. Затем прекращают упражнения с соломенной поноской, а берут чучело кошки, которое потому труднее для собаки, что его неудобно схватить и во время упражнений к нему прилипает грязь.

Если собака знает, что она должна делать, то надо энергично заставить ее все исполнить точно.

Это подготовительное упражнение имеет большое значение и должно быть проделано со всеми аппаратами от 40 до 50 раз. Поднятие в положении «down» – естественный переход к свободному поднятию.

24-ое упражнение *«Аппорт!» – Собака поднимает соломенную поноску.*

В предшествующем уроке мы установили понятие о поднимании с пола. Теперь мы кладем соломенную носку перед сидящей собакой и при

возгласе: «аппорт!» хватаем рукой за конец поноски. Так как собака уже часто хватала последний при сходных условиях, то она и теперь это сделает. Постепенно уже не дотрагиваются до поноски, а только указывают на нее рукой. Должно подойти к собаке, похвалить ее, несколько с нею походить и взять у нее поноску по предписанию. После 20 упражнений бросим поноску на расстоянии шести шагов на пол. Собака должна при этом смирно сидеть. Через некоторое время командуют: «аппорт!», провожают собаку до поноски и заставляют ее поднять. Понемногу можно

проверять на более коротком расстоянии и, наконец, совершенно прекратить, так что собака идет и берет одна. Если собака не повинуется, то необходимо вернуться, пользуясь парфорсом, к упражнению 23-му и оканчивать упражнение только тогда, когда собака его выполнить. Необходимо сделать от 30–40 повторений в продолжении пяти дней.

25-ое упражнение *«Аппорт!»* – *Собака поднимает аппарат для поноски.*

Точно по предписаниям предшествующего упражнения обращаются и с аппортом для

поноски, который собака, вследствие его тяжести и жесткости, берет неохотно. Можно сначала пододвигать к собаке аппарат рукой и незаметно прекратить эту помощь. Так как собака уже знает, что она должна делать, то ее можно заставить действовать слегка и, постепенно усиливая парфорс, заставить ее поднять предмет.

Еще больше трудностей сопряжено с поднятием кошачьего чучела, которое собака может схватить только с трудом. И здесь ей нужно сперва придти на помощь и постепенно перейти к принуждению и наказанию. Особенно нужно

обращать внимание, чтобы собака брала чучело посередине, там где полотняная полоса, а не конец. Если собака взяла чучело таким образом, то пусть она с ним походит и сама убедиться, что так носить его менее удобно, пусть она с ним посидит, и только тогда можно вложить ей чучело правильно в пасть.

На первый раз не нужно торопить собаку и можно удовольствоваться меньшими требованиями; в быстром поднимании и поворачиваниях мы будем упражняться впоследствии. Но нельзя позволять собаке долго возиться с чучелом: ее нужно

приучать при помощи парфорса брать предметы сразу. Покамест только нельзя требовать, чтобы собака быстро подбегала к предмету и быстро возвращалась.

При всех упражнениях с поноской мы всегда возвращаемся, если собака не слушается, к упражнению 23-му, т.е. заставляем ее, действуя парфорсом, брать предмет, причем командуем: «аппорт!» Не следует слишком резко обрывать эти упражнения, напротив, требования должны быть повышаемы очень постепенно и заканчивать урок следует только, когда собака послушна. Необходимо проделать от

60 до 70 упражнений. Во время этого упражнения мы постепенно повышаем весь аппарат, вдвигая металлические кружки так, чтобы вес увеличивался каждые два, три дня на 200 граммов, так что собака, не зная этого, через четыре или пять недель свободно может поднять четырехкилограммовый аппарат и носить его в течение пяти минут.

Металлические кружки надеваются на концах, а деревянные ближе к средней линии.

26-ое упражнение *«Down!»* – *«Вперед!» – «Апорт!»*

Собака совершает поноску ползком.

Кладут соломенную поноску на пол и заставляют собаку в шести шагах от нее сделать «down». Затем становятся позади и берут в левую руку длинную тесьму, а в правую хлыст. Командуют: «вперед!» и заставляют собаку ползти к поноске; как только она к ней приблизится, командуют: «аппорт!» и вдвигают ей поноску в пасть. Затем зовут: «сюда!» и заботятся о том, чтобы собака, вставая, не бросила бы поноску, и ласкают ее, если она сделает все хорошо. Таким же образом заставляют поднимать чучело кошки. Наконец, совершенно перестают ей помогать.

Если собака постигла урок, то становятся сзади нее, заставляют ее ползти к брошенному предмету и, командуя: «аппорт!» подтягивают ее на привязи к себе. 30 упражнений вполне достаточно.

27-ое упражнение *«Аппорт!» – собака делает поноску с застреленной куропаткой или голубем.*

Придя в дрессировальный зал, собаке приказывают сесть: «садись!» и всовывают ей, командуя: «аппорт!», птицу в пасть таким образом, чтобы живот птицы был обращен вперед, а сложенные крылья к пасти. Собака будет стараться

всевозможными способами освободиться от незнакомого ей предмета. Нужно энергично командовать: «аппорт!» и не дать ей выбросить птицу из пасти. Через некоторое время командуют: «пусти!» и прохаживаются с собакой. Держание птицы повторяют до тех пор, пока собака не будет выказывать ни малейшего сопротивления. Затем заставляют собаку взять птицу из рук по указаниям 12 и 13-го упражнений, наконец с пола, как это указывают упражнения 23, 24, 25 и 26. Нужно постоянно менять аппараты, а куропатку или голубя заставить поднимать на всевозможные лады раз

пятнадцать.

28-ое упражнение *«Апорт!»* – *кролика.*

Посередине туловища, там, где собака должна браться, обшивают кролика крепкой полотняной тесьмой в 12 см ширины; собака всегда будет браться в этом месте, потому что прикосновение к волосам ей противно. Ей нужно всунуть, как и раньше, кролика в пасть так, чтобы живот его был обращен вперед, а лапы торчали прямо. Вообще дрессировщик должен себе заметить, что собака только тогда с легкостью может нести животное, когда она берет его за хребет; эту выгоду собаке

нужно обязательно выяснить.

Когда собака хорошо научится делать поноску, то перевязку срезают. Нужно серьезно заставить собаку держать поноску, а в случае надобности следует вернуться к 12-му и 13-му упражнениям. Кролика нужно класть то на живот, то на спину, если собака схватит за живот, то это предотвращают командой: «фу, брось!» и заставляют взять за хребет. После нескольких упражнений собака поймет всю выгоду хватки за хребет. 20-ти повторений достаточно.

29-ое упражнение *«Апорт!»* – *ворону.*

Ворона доставляет собаке трудность не только вследствие своего противного запаха, но и вследствие величины и длины крыльев. Нужно приступать к делу не спеша и не волноваться, если собака упрямствует или совсем не повинуется. Постоянно нужно действовать по предписанию от 8-го до 13-го упражнений, и затем уже переходить к 23, 25 и 26 упражнению. Главное внимание должно быть обращено на то, чтобы собака широкою пастью брала ворону за крылья со стороны спины. При первых упражнениях я советую для этой цели связывать крылья, ноги

и хвост. До 30 повторений необходимы.

30-ое упражнение «Аппорт!» – *сарыча или ястреба.*

Дрессировщик должен поступить по указаниям предыдущих упражнений, не связывая крыльев. Когда собака хорошо делает поноску, то ее следующим образом отучают брать птиц (и в особенности хищных) со стороны живота: нужно силою вытянуть ноги ястреба до самой груди, надломить их и привязать тонкою бечевкою таким образом, чтобы птица, лежа на спине, имела вид окрыленного хищника, когда он готовится

отражать нападение собаки. Собака, конечно, желая схватить, уколется о когти птицы и отступит. Нужно на ее глазах, перевернув птицу, командовать: «аппорт!» И всунуть ей в пасть птицу животом вперед. После нескольких упражнений собака поймет, что противник страшен только с белой стороны, со стороны живота, а с темной, со спины его можно безопасно схватить. Понемногу она сама начнет пробовать поворачивать птицу, чем и достигается цель упражнений. От 40 до 50-ти повторений необходимы.

31-ое упражнение *«Аппорт!» – ускоренным темпом.*

Следует положить соломенную поноску в середину зала. По команду: «аппорт!» подходят медленно с собакой на привязи к аппарату, но не останавливаются у него, а идут дальше, повторяя

команду: «аппорт!» Собака, привычная к медленной поноске, не успеет поднять ее и последует за дрессировщиком ни с чем. Надо немедленно обернуться и закричать: «Это что такое?!» и сильно дернуть за парфорс. Немедленно нужно повторить это упражнение, грозно командуя: «аппорт!», но также и облегчить собаке работу, освобождая немного привязь и давая этим время взять поноску. Если собака приучилась быстро поднимать, то можно еще ускорить быстроту хода и, наконец, проделывать все это бегом, так чтобы собаке оставалась только одна секунда времени для поднятия.

Это же самое упражнение необходимо проделать и со всеми другими аппаратами, а также и с дичью. Старайтесь посылать собаку одну и заставлять ее проделывать все упражнение рысью. Вообще теперь все движения стоит делать очень оживленно, а тоном самой команды побуждать к быстроте. Для окончательной отделки дрессировки хорошо проделать эти упражнения на свободе.

32-ое упражнение *Поноска тяжелых предметов.*

До сих пор собака поднимала предметы, не находящиеся ни в каком соответствии с ее силой. Но

охотничья собака должна быть в состоянии с лисицей в пасти часто пробегать больше пространства, перепрыгивая через рвы и канавы. Если бы мы без предварительных упражнений предъявили собаке требование делать поноску с предметом килограммов в 5 то, конечно, та была бы не в состоянии и доставила бы тем дрессировщику только напрасные труды. Но собаку должно приучить к предметам гораздо более тяжелым. Собаки, которые весят меньше 25 килограммов, должны быть в состоянии нести до 5, 5 кг; те, которые весят 25–30 кг, должны

нести до 8 кг, конечно, на практике эти цифры могут изменяться.

Надеванием металлических кругов мы совершенно незаметно для собаки увеличиваем вес поноски до желательной величины. Дальнейшее увеличение веса заменой деревянных кругов металлическими возможно только тогда, когда собака поднимает аппарат хорошо и может его носить по крайней мере в течение 10-ти минут. Чтобы облегчить собаке хватание, тонко отточенное место обертывают соответственной ширины полотном, пока оно не достигнет толщины 8–9 см; поверх полотна привязывают полоску

кошачьей или лисьей шерсти. Постоянно следует упражнять собаку в быстром схватывании и поднимании, пока она не будет хватать его на бегу. Наконец можно увеличить продолжительность ношения тяжести в 5–7 кг до четверти часа.

Если собака делает поноску вполне уверенно, то следует перейти к упражнениям с лисьим чучелом. Это мы приспособляем следующим образом. К деревянному валику длиною в 15 см и толщиною в 8 см привязывают по концам полотняные мешки, набитые соломой, после того как они настолько наполнены

костями весом 5–7 кг, которые равномерно распределены по обоим концам. Мешки должны быть настолько крепко наполнены, чтобы, положенные в чучело, заполняли его. Середину деревяшки обертывают полотном шириною в ладонь. Собака не будет брать за те места, где лежат жесткие, хрустящие кости, а привыкнет очень скоро к мягкой середине. Так как собака уже приучена к тяжестям, то поднятие и поноска чучела не представляет никаких трудностей. В случае колебания собаки можно постепенно применить предписания предшествующих упражнений. Но

одного никогда нельзя упускать из виду, это – знает ли собака, что она должна, соответствует ли требование ее силе и приобрела ли она систематическими упражнениями необходимую ловкость. Если бы мы, например, заставили собаку, приученную носить четырехкилограммовое чучело зайца, таскать почти восьмикилограммовое чучело лисицы, то всякое наказание, всякое принуждение было бы бессмысленной жестокостью.

33-ое упражнение *«Гоп!»* – *прыжок.*

Сколачивают из двух досок длиною в 2 м, соединенных

поперечными связями, изгородь в 0, 5 м вышиною. Ее укрепляют у стены таким образом, чтобы собака не могла ее обойти; если остается не загороженное место, его можно завалить ящиками, досками и т.п. предметами. Дрессировщик делает с собакой несколько кругов и затем перелезает через изгородь, понуждая собаку сделать то же самое командой: «гоп!» и возвращая к себе командой «гоп-сюда!» Собака очень скоро находит в этом упражнении большое удовольствие. Ее заставляют сесть перед изгородью с соломенной поноской в пасти; дрессировщик перелезает через изгородь и

побуждает собаку командой «гоп!» сделать то же самое. Затем следуют упражнения с кошачьим чучелом и, наконец, с тяжелым лисьим. Лисье чучело может выпасть у собаки из пасти во время ее прыжка. Наказывать собаку за это не следует, лучше продолжать упражнение до тех пор, пока оно удастся; тогда собаку хвалят и заканчивают упражнения на этот день.

После того как собака достигла некоторой уверенности в прыжках с лисьим чучелом, повышают изгородь до 80 см. С кошачьим чучелом собака может прыгать раза три-четыре в день, с тяжелым лисьим – один раз,

иначе она рискует испортить себе передние лапы.

34-ое упражнение «Аппорт!» – *кошку, хорька и куницу.*

Большинство собак с отвращением относится к поноске кошки, в особенности если она воняет падалью. Поэтому кошка и является особенно дорогим материалом для обучения собак к поноске, и нужно пользоваться каждым случаем и приучить собаку к ней. Начинают с предписаний 8-го и 9-го упражнений и проделывают все уроки, пока собака не будет с легкостью, держа кошку в пасти, перепрыгивать изгородь. Если она

уронит кошку, то с возгласом: «что это такое?» ее заставляют немедленно поднять чучело. Главным же образом обращают внимание на то, чтобы она держала кошку и вообще всякую дичь за хребет; так же нужно следить, чтобы поноска делалась очень быстро. То же самое относится к поноске хорька, который вследствие своего очень сильного запаха чрезвычайно противен собаке.

35-ое упражнение *«Апорт!»* – *лисицу.*

Поноска тяжелой лисицы является венцом всего дела. Если собака на основании предыдущих

уроков хорошо делает поноску, дрессировщик может считать ее за действительно знающую свое дело.

Достают умерщвленную лисицу и перевязывают ее посередине тела полотняным бинтом шириною в 15 см. Собаку заставляют сначала делать поноску с тяжелым аппаратом и лисьим чучелом, а затем совершенно для нее незаметно заменяют последнее действительной лисицей.

Собаку должно принудить к повиновению действием парфорса при соблюдении правил, указанных в 25-ом упражнении.

Большое внимание обращают на

поноску на быстром ходу, на поноску с преодолением препятствия. Под конец собака должна носить лисицу в течение четверти часа. На следующий день удаляют бинт и проделывают все упражнения снова.

Упражнения должно проделывать в течение многих дней, пока лисица не протухнет, тогда достают следующий экземпляр.

Не следует забывать также заставлять собаку вынимать лисицу на свободе из кустов и прыгать через широкие канавы.

36-ое упражнение *«Апорт!»* – *яйцо.*

Берут круто сваренное яйцо,

чтобы заставлять собаку делать попеременно поноску то с лисой, то с яйцом, то с тяжелым лисьим чучелом. Упражнение это не заключает в себе никаких особенных трудностей, оно имеет то значение, что собака научается то сильно, то очень нежно брать поноску, смотря по надобности. Кроме того, это упражнение дает собаке некоторую острастку и препятствует в будущей деятельности лакомиться птичьими яичками.

37-ое упражнение *«Апорт!» – птицы величиною с перепела.*

Если нельзя достать перепела, который, благодаря своей

чрезвычайной нежности, очень подходит для этих упражнений, то пользуются только что застреленным бекасом, скворцом, куликом, но ни в каком случае не жаворонком.

Главная цель упражнения заключается в том, чтобы не допустить собаку жевать поноску. Сначала дают собаке руку в пасть, а затем следят, чтобы она держала птицу очень слабо передними зубами. Как только она вздумает жевать, ее грозно останавливают криком: «это что такое?!» и командуют: «пусти!» и снова сильно сдавливая челюсти, всовывают птицу в пасть.

38-ое упражнение *«Аппорт!» – живого голубя.*

Это важное упражнение объясняет собаке, что пернатую дичь она должна приносить живой и ни под каким видом не душить. Достают домашнего голубя и, подрезав ему крылья, связывают их мягким шнуром. Сперва собаке дают несколько раз руку в рот, а затем с грозной командой : «аппорт!» всовывают ей голубя, заставляют его носить и брать из рук. После нескольких упражнений кладут голубя на пол и заставляют собаку проделывать поноску всевозможными способами: бегом,

ползком и прыгая через изгородь, посылают ее взять дичь и по свистку возвращают обратно. Наконец, пускают голубя свободно бегать по саду и посылают собаку его сыскать и принести.

39-ое упражнение *«Апорт!»* – *гуся.*

При этом упражнении пользуются убитым домашним гусем наибольшей величины. В упражнении замечают ту трудность, что собаке еще не приходилось делать поноску с предметом такой величины. Следят по обыкновению за тем, чтобы собака взяла птицу со стороны спины, а не у живота.

Поноска на быстром ходу необходима.

40-ое упражнение *«Апорт!» – связки ключей и т.п.*

Охотничьей собаке часто приходится отыскивать и подавать своему господину затерянные им предметы, как-то ключи, ножи, кошелек, бумажник и т.п.

Мы начинаем наши упражнения связкой ключей, которые собака поднимает очень неохотно. Их дают ей в рот и затем сейчас же переходят к подниманию с пола; затем делают поноску с охотничьим ножом, кошельком, бумажником, портсигаром и т.п. вещами. Эти

предметы прячут также на дворе (но не на следу) и заставляют собаку их отыскивать.

Четвертый повторительный курс на воле

На свободе следует проделать все упражнения в том же порядке, как только собака в дрессировальном зале выкажет достаточную опытность. В общем на свободе можно начать упражнения через 8 и 10 дней после начала их в

дрессировальном зале.

Собаку заставляют делать поноску всевозможных аппаратов то на лугу, то на вспаханном поле, то ползком, то бегом. Вскоре следует перейти к 31-ому упражнению и приучить собаку поднимать все быстрой хваткой. Предметы, а в особенности дичь бросают шагов на 20 на луг, в момент падения командуют: «down!» и задерживают собаку в течении полуминуты смирно. Затем энергично произносят: «аппорт!» и быстро пробегают с собакой на привязи справа от предмета, так что ей для поднимания остается не больше

одной секунды.

Без всякого сомнения теперь можно, держа собаку на привязи, убивать при ней разного рода дичь и заставлять ее делать поноску.

Повторение упражнений без привязи.

Надеваем собаке парфорс и идем с ней без привязи в дрессировальный зал. Здесь командуют: «down!», обходят собаку несколько раз кругом, отступают десять шагов в сторону и подзывают ее к себе. При этом упражнении, а также и при всех остальных обращают внимание на то, чтобы собака работала быстро и энергично, как на привязи. Если

собака работала вяло, то ее сейчас же берут на длинную привязь и проделывают 31-ое упражнение в течение четверти часа, т.е. заставляют собаку для изнурения очень быстро делать поноску. Она очень скоро поймет, что это наказание за ее небрежность.

Продолжают все упражнения со всевозможными аппаратами на быстром ходу.

Главным образом упражняют собаку делать поноску ползком и часто приостанавливают движение собаки командой : «down!» Теперь поднимают собаку по свистку в то время, как та ползет. Заканчивают

упражнение прыганьем с лисьим чучелом через изгородь.

Необходимо в течение восьми дней ежедневно упражнять собаку, чтобы приучить ее так же успешно работать на свободе, как и на привязи. После этого проделывают все те же упражнения на дворе, при этом собака будет то забегать вперед, то отставать, отклоняться на знакомый запах. Это необходимо ей запрещать резкими возгласами, а в случае неповиновения ее снова берут на длинную привязь. Если она и тут не будет повиноваться, то наказывают ее энергично парфорсом и усиленно проделывают 18-ое

упражнение в виде наказания.

Собака должна быть приучена без привязи идти по пятам за охотником и, что бы там ни было, без приказания не оставлять своего поста. Во время хода можно вдруг остановиться и командовать: «down!», через некоторый промежуток времени продолжают шествие. Это упражнение имеет цель приучить собаку ложиться, как только охотник остановится, привычка, которая имеет большое значение на охоте при подкрадывании к дичи. От 40 до 50 повторений достаточно, чтобы приучить собаку ложиться без

команды. Если она не останется лежать, то предварительно спрятанным хлыстом наносят ей сильный удар. Отходят сначала на 50, потому на 100 и, наконец, на 300 шагов, дают выстрел и, возвратившись к собаке, хвалят и ласкают ее. Необходимо во время упражнений объяснить ей, что только по команде: «сюда!», она должна встать из своего «down!» Постепенно можно приучить собаку следовать по свистку; но должно делать между выстрелом и свистком продолжительный промежуток, так как выстрел не должен быть сигналом для приближения.

Без привязи должно проделать все упражнения в поноске со всеми аппаратами и зверями.

Если обнаружатся недостатки, то их надо исправлять, взяв собаку на привязь. Главное внимание должно быть обращено на быстрое схватывание, поворот и быстрое возвращение к охотнику. Тяжелое лисье чучело бросают за канаву с крутыми скатами, возвращаются к собаке, лежащей в положении «down», и посылают ее по команде: «аппорт!» за лисицей.

Это упражнение следует применять и к изгородям в 1 м вышиной и проделывать его до тех

пор, пока собака не будет брать препятствие свободно.

Упражнение в ползании должно проделывать по предшествующим предписаниям и до тех пор, пока собака охотно не проползет по направлению к предмету шагов 20 и по команде: «аппорт!» быстро возвратится с ним.

«Down» должен по знаку проделываться на значительном расстоянии до тех пор, пока собака с поднятием руки не будет мгновенно ложиться на землю. Никогда не следует давать то или другое приказание в то время, как собака делает поноску. В ней нужно

поддерживать сознание, что как только она подняла поноску, она должна быстро наикратчайшим путем отнести ее своему господину.

Чтобы приучить собаку делать поноску как можно быстрее, мы предлагаем подготовительное упражнение к последующей потерянной поноске на следу охотника.

По дороге бросают на землю соломенную поноску, отходят с собакой шагов 30, заставляют ее сесть и произносят громко и протяжно: «потерял!» Повторяя команду, возвращаются с собакой к соломенной поноске и заставляют ее

поднять по команде: «аппорт!» Как только собака возьмет быстро, идут дальше, представляя собаке нести поноску в зубах шагов 20 или 30, затем быстро поворачиваются, как будто только теперь замечается возвращение, и со словами: «садись! – пусти, собачка!», ласкают, хвалят ее и по команде: «садись! – пусти!» берут у нее поноску.

Постепенно увеличивают расстояние до 50, 100, 200 и 400 шагов, но всегда проделывают это упражнение по дороге на охоту . После соломенной поноски проделывают то же со всеми аппаратами. Важно, чтобы после

команды: «потерял!» охотник не останавливался, а продолжал быстро идти вперед. После 60 или 70 упражнений собака галопом будет возвращаться с тяжелым лисьим чучелом.

Подготовительные упражнения для ходьбы в воде

Аппортирование из воды и продолжительное плавание для собак, предрасположенных к тому и любящих воду, не представляет

никаких трудностей. Но так как мы не всегда располагаем подобными собаками , и водяная ходьба дело вообще опасное, то необходимо и здесь установить определенные правила.

Застреленную птицу величиною с голубя должно бросить в стоячую воду глубиною от 40 до 50 см. Взять короткую тесьму как при прогулках и, произнеся: «аппорт!», войти с собакой в воду и заставить ее взять птицу. После десяти упражнений тесьму можно освободить от парфорса и, оставаясь на берегу, кинуть птицу в воду, послав собаку с криком «аппорт!» за нею. Если она

не пойдет, то следует немедленно привязать тесьму и повторить предшествующее упражнение. При этом необходимо соблюдать три правила: 1) вода должна быть теплая; 2) глубина должна позволить дрессировщику войти в воду, чтобы в случае надобности заставить собаку сделать поноску, так как в начале мы требуем от собаки только вынужденного действия; 3) никогда дрессировщик не должен заставлять молодую собаку вынимать из воды какие-нибудь брошенные туда палки. Если нет под рукой дичи, то можно пользоваться приборами для поноски. Если молодая собака часто

аппортирует сучья, куски дерева и т.п. предметы, то впоследствии охотнику придется к немалому своему неудовольствию убедиться, что когда придется собаке вынимать подстреленную утку из камыша, то при трудных условиях собака после продолжительных поисков вернется к нему с куском дерева или пуком травы.

Следует делать поноску с голубями, утками, водяными курочками, воронами и т.д. в мелкой воде до тех пор, пока собака без тесьмы свободно вынимает их из воды. Никогда нельзя позволять собаке, подойдя к берегу, класть

птицу, отряхиваться и затем уже доканчивать поноску. Это действие повело бы при подстреленных утках к довольно печальному результату, а именно утка не стала бы дожидаться, пока собака будет упираться, а преспокойно уйдет в воду. Если замечается этот недостаток у собаки, охотнику необходимо, до того пока собака вновь подняла дичь, привязать ее на тесьму и дернуть несколько раз за парфорс, произнося «это что такое?!» Затем всунуть ей птицу в пасть, при сильном давлении на щеки, и удалиться шагов на 40–50 от берега. Здесь нужно заставить собаку несколько раз проделать поноску, и,

взяв ее на длинную тесьму, снова направиться к воде. Как только она затем выйдет из воды, нужно грозно крикнуть «аппорт!» и таким образом предупредить бросание дичи.

Чтобы заставить молодую собаку плавать и приучить ее к глубокой

воде, нужно летом найти где-либо подходящее местечко глубиною в 1 м, взять тесьму в руку и отправиться с собакой самому в воду. Она последует, не задумываясь; когда же потеряет почву под ногами, то поплывет за вами. Избегайте насилия при этом, чтобы не вызвать у собаки водобоязнь. Необходимо ласково беседовать с ней при этом и заставить аппортировать птиц или соломенную поноску.

Очень часто я приучал молодых собак к воде, перевезя их на другой берег реки со старой собакой, и оставлял их там, а сам возвращался на противоположный берег и

подзывал к себе свистком старую собаку. Обыкновенно молодые собаки следуют за старой.

Когда собака научилась плавать в течение продолжительного времени, она с удовольствием будет делать поноску из мелкой воды. Теперь можно бросить птицу в мелкую воду, заросшую тростником, и приказать «аппорт!» Если собака слушается, то можно перейти на глубокую воду и заставить делать поноску там. Но не надо покамест ставить слишком трудные требования: для них собака не имеет еще достаточно опыта.

Если собака наткнется при этом упражнении на водяную курочку или

утку, то пусть она их преследует, должно даже послать и старую собаку, если таковая присутствует. Любая дрессировка и команда не имеют никакого значения, если во время суровой водяной работы собаку не воодушевляет страсть.

Чтобы освоить собаку еще более с водой, мы ее обучаем нырять, что очень важно при поноске уток и подстреленных рыб.

Для этого нужно приготовить деревянный валек 25 см длины и 6 см толщины, но концами в накрест пробуравленные отверстия вставляются цепочки 12 см длины, так что валек не может прикоснуться

к земле. На конце валька набиваются свинцовые кольца, так чтобы он тонул в воде, не будучи очень тяжелым. Можно валек посередине, где собака его берет, сделать немного тоньше.

С этим новым аппаратом, который оставляют совершенно белым, проделывают по правилам поноску. Затем направляются к чистой воде и бросают туда валек, так чтобы он был чуть прикрыт водой. Затем командуют как ни в чем не бывало «аппорт!» Собака (без тесьмы) преспокойно принесет валек. Тогда бросают его на более глубокое место и посылают сидячую

собаку за ним. Она, конечно, заупрямится окунуть голову, тогда ее ласково побуждают «аппорт, дружочек!» и хвалят, когда она быстрым движением вынимает его из воды. Это упражнение следует повторить до 40 раз в течение 10 дней.

Затем можно быстро перейти на глубокое место, но необходимы выбрать прозрачную и медленно текущую воду с каменистым дном, чтобы вода не мутилась. Некоторые собаки решительно отказываются на глубоких местах, где они уже не могут стоять, идти в воду. Конечно, дрессировщик не в состоянии

заставить собаку это сделать; поэтому и приходится удовлетвориться тем, что собака делает добровольно, а поноску вынимать палкой с крючком на конце из воды на более мелкое место.

Принудительная дрессировка призыва на мертвую дичь

1. В дрессировальном зале.

Для принудительной дрессировки собаки с призывом на мертвую дичь предоставляется

дрессировщику выбрать один из двух путей в зависимости от наклонностей собаки.

Если собака одарена хорошими способностями, т.е. обладает прирожденной способностью к призыву и выдающейся интеллигентностью, соединенной с покорностью, то дрессировщик не нуждается ни в каком другом принудительном средстве, кроме кожаной шлейки. Собака очень быстро схватывает суть дела и продолжительно лает, как только увидит оленью шкуру. Подобные собаки по природе привязываются на цепь возле конуры, а после

трехмесячного упражнения они могут лаять в продолжение четверти часа без перерыва; они также быстро научаются отыскивать оленя на дворе в саду и дают голос.

К сожалению не все собаки так податливы и покорны, что можно довольствоваться кожаной цепью как средством принуждения. Чтобы заставить этих толстоголовых молодцов продолжительно и быстро говорить, мы пользуемся коралловым парфорсом. Но я особенно обращаю внимание дрессировщика на то, чтобы пользоваться этим принуждением только в том случае, если окончательно установлено, что

цепь не действует. Плеткой совершенно запрещается пользоваться. Нельзя также при последующих упражнениях сурово обращаться с собакой.

Когда мы приступили к обучению в лае, мы сняли собаке коралловый парфорс и заменили его кожаной цепью. В начале 32-го упражнения (тяжелая поноска) мы ей уже не снимаем коралловый парфорс, а подводим собаку на длинной тесьме с возгласом «ищи, ранено!» к оленьей шкуре и прикрепляем ее меткой на кожаной цепи.

Тесьма кораллового парфорса

лежит на земле. После того, как мы встали за щит из досок, мы вызываем собаку командой: «дай голос!» и маханьем куска мяса к лаю. Если бы собака молчала, то ее нужно побудить словами: «дай голос!» И если, несмотря на это, она не издаст ни одного звука, то нужно подергиванием за тесьму заставить ее минут десять беспрерывно лаять.

2. Упражнения в лесу.

Оленью шкуру мы переносим в мелколесье или лес и прикрепляем ее шагах в 20 от опушки при помощи двух деревянных крючьев таким образом, чтобы собака не могла ее поднять. В это время собака должна

лежать у патронташа в положении «down». Ей нужно надеть парфорс и прикрепить к нему длинную тесьму, затем командовать: «ищи, ранено!» и понуждают ее идти по следу оленя. Если собака ни за что не захочет идти, то нужно взять тесьму на расстоянии 1 м от привязи и привести собаку к оленю, повторяя беспрестанно: «ищи, ранено!» Как только будет видна шкура, командуют: «дай голос!» и скрываются за первый ближайший куст. Обыкновенно собака, будучи на свободе, в силу еще непривычных для нее условий высказывает мало рвения к лаю.

Ее следует тогда побудить к лаю тихим возгласом: «дай голос!» и легким пользованием парфорса и удовлетвориться для начала малым. Она долгое время будет молча сидеть возле оленя, затем начнет выть и неохотно решится наконец лаять, пока не привыкнет к звуку собственного голоса на свободе. Ее должно после учебного урока поласкать, дать ей кусок мяса и отнести оленя.

Если после нескольких упражнений собака сама дает в течение продолжительного времени голос, то можно постепенно довести продолжительность лая до 15 минут.

Если же собака упорно молчит, то это служит указанием, что домашние уроки еще недостаточно проработаны.

Если собака дает голос по оленю на расстоянии 20 шагов от опушки, то нужно немедленно увеличить это расстояние до 30 и, наконец, 40 шагов. Затем следует отнести оленью шкуру, волоча ее по земле, еще дальше в лес и так до 200 шагов и каждый раз собака должна ее отыскивать и давать голос; если бы она вздумала замолчать, то нужно подкрасться и, дернув за тесьму, заставить собаку продолжительно лаять.

Большое значение имеет умение приучить собаку давать голос и ночью. Когда приступают к этим упражнениям, то собаку днем не кормят и производят их сначала в сумерки, а затем постепенно приучают собаку отправлять свою обязанность и ночью.

Я советую не слишком часто прибегать и к парфорсу, желая заставить собаку лаять, лучше время от времени пользоваться обыкновенным принудительным средством, сажанием собаки на цепь. Вообще способных собак мы дрессируем этим способом. Оленью шкуру оттаскивают под дерево и

посылают собаку со словами: «ищи, ранено!», если она молчит, то идут туда и прикрепляют к прочному суку кожаную цепь таким образом, чтобы ее конец был свободен, едва касаясь ошейника собаки. Теперь удаляясь и крича: «дай голос! дай голос!» можно таким образом оставить сидеть собаку, смотря по надобности от четверти часа до двух часов. Собака достаточно умна, чтобы понять, что повторение таких неприятных принудительных мер можно предупредить лаем при первой встрече с оленем.

Собака наконец доходит до того, что начинает лаять каждый раз

снова, как только слышит какой-либо шум, подозревая, что это подкрадывается дрессировщик, чтобы дернуть за тесьму парфорса. Теперь можно приступить к делу иначе, а именно удаляясь от собаки и, как только та замолчит, команду: «дай голос!» и, описав дугу, подходят с другой стороны. На расстоянии приблизительно 150–200 шагов от собаки дают выстрел и кричат: «дай голос! дай голос!» После 20 повторений собака поймет, что выстрел является сигналом для повторения лая на оленя. Желательно не пользоваться для упражнений вскрытой дичью, но это не всегда

можно соблюсти. Чтобы предохранить собаку от опасности порока попробовать мяса, мы все окровавленные места натираем перцем. Никогда потом собака не попробует таким образом приготовленную дичь. Куски кладем так, чтобы раненые места были обращены к земле.

Дрессировка собаки, указывающей на мертвую дичь

Собак, которые не обладают качествами для призыва на мертвую дичь, предназначаем для показа мертвой дичи. Собака, которая должна указать, где находится битая дичь, найденная ею по кровавому

следу, возвращается от дичи к охотнику на его свисток или зов потом сама и всякими способами – визгом, кричанием, разными знаками показывает ему, что она нашла дичь.

Следовательно, указание битой дичи является противоположностью призыву на мертвую дичь. При призыве на мертвую дичь собака должна часто целыми часами оставаться у убитой дичи; ни свисток, ни зов, ни выстрел – ничто не должно отвлекать ее; она даже, напротив, должна принимать эти сигналы как условие для ответа на них лаем. Собака, указывающая битую дичь, должна по первому

знаку, а в дальнейшей практике и сама, покинуть найденную добычу и донести о ней своему хозяину. Из этого видно, что методы этих разных дрессировок исключают друг друга, а потому и должны быть строго разграничены.

Дрессировку на указание лаем мертвого животного можно начать только после того, как собака научится безукоризненно делать поноску по правилам 32-го упражнения.

И в этом случае оленье чучело является необходимым. Привязывают к коралловому парфорсу длинную бечеву и приказывают собаке в зале

сесть. Оленье чучело кладут в десяти шагах от нее, отходят назад и, взяв привязь, громко произносят, указывая правой рукой: «ищи, ранен!» Собака бросится вперед и так как она не знает команды, то захочет сделать поноску. Это ей не следует позволять; ее подводят, повторяя: «ищи, ранен!», к оленю и командуют: «down!» Затем возвращаться на прежнее место, осторожно натягивают привязь, свистят и зовут: «сюда!», подтаскивая ее к себе за тесьму, не давая сделать поноску. Собаку сажают, хвалят: «так, хорошо!» и относят чучело.

Теперь бросают кошачье чучело в другом направлении, громко и внятно произносят: «аппорт!» и хвалят и ласкают собаку после того, как она сделала поноску.

Командой «ищи, ранен!» ее снова посылают к оленьему чучелу, командуют там: «down!» и снова подзывают к себе. Эти два упражнения нужно попеременно повторить 30–40 раз, пока собака поймет разницу между командой: «ищи, ранен» и «аппорт», чучелом оленя и кошки. С этих пор собаку оставляют лежать дольше у чучела, а его помещают на более далекое расстояние от себя. Собаку

подзывают к себе, заставляют ее сесть и командуют: «ищи, ранен!» Она, конечно, не понимает новую команду и будет сидеть. Тогда, указывая собаке на чучело, подводят ее к нему, беспрестанно говоря: «где чучело?!» Оленя убирают, хвалят и ласкают собаку и дают ей кусок мяса. То, что чучело берут и уносят, является для собаки всегда знаком, что она верно указала. Если упражнение нужно повторить, собаку отводят на старое место, где она должна сделать «down», в то время как дрессировщик кладет где-нибудь оленя. Затем снова заставляют собаку командой: «ищи, ранен!»

искать оленя, командуют: «down!» Как только она к нему подойдет, оставляют ее лежать возле чучела минуты две.

Затем подсвистывают к себе и снова посылают искать возгласом: «ищи, ранен! где чучело?!» Нужно от 40 до 60 упражнений, пока собака поймет в чем дело. Оленя прячут, бросают в соседние комнаты и т.п. и следят за тем, чтобы собака и без особенного приказа, как только найдет его, ложилась бы рядом, пока не раздастся свисток.

Если есть поблизости сад, то по возможности скорее следует начать упражнения на свободе. Для них

особенно удобна молодая поросль, поверх которой можно следить за собакой . При этих упражнениях никогда нельзя бить собаку, если бы она по команде: «ищи, ранен!» не хотела идти, то берут ее на привязь и, командуя: «ищи, ранен!», легкими толчками ведут вперед. Чтобы избавиться от таких неприятных проводов, она скоро пойдет одна. Если собака верно укажет, то ее должно похвалить и поласкать, дать ей приготовленный кусок мяса и прекратить упражнение. Собаку, указывающую место, где лежит убитое животное следует удерживать от желания бросаться вперед частым

«down».

Если удастся застрелить оленя в присутствии молодой собаки, то заставляют помощника оттянуть тушу шагов на 50–60 в кусты и отводят собаку на горячий еще след. Собака охотно пойдет и, найдя животное, попробует его душить. Это можно допустить; но как только она захочет его тащить, то нужно ее остановить возгласом: «это что такое?!» и командой: «down!» Затем идут обратно, подсвистывают собаку и заставляют ее вновь указать животное.

Натаска собаки в первом поле

Приучить собаку понимать смысл дичи является искусством натаски.

1. Общие основные положения.

Многие дрессировщики, умеющие хорошо обучить собаку комнатной дрессировке, в то же время не способны правильно поставить собаку для охоты. Под натаской я здесь разумею не только работу собаки на куропаток, но развитие охотничьей собаки для

разносторонней деятельности в поле, в лесу и на воде.

Беря на себя задачу выработать для охоты молодую собаку, «натаскать» ее, охотник должен считать своим основным положением, что охота есть только средство, т.е. дело второстепенное. А цель, т.е. главное дело, заключается в правильной натаске собаки.

Многие охотники держатся странного убеждения, что по окончании мучительного периода парфорсной дрессировки наконец наступил момент пожинать плоды тяжелой работы в форме неограниченных удовольствий охоты

. Они пресыщены «сухою работой» и думают наконец «полакомиться чем-либо хорошеньким на покое».

Следовательно, ясно само собой, что так называемые «стрелки», которые не могут видеть дичь без того, чтобы в нее не палить, совсем не годятся для натаски. Кто сам не дрессирован, тот не в состоянии дрессировать и собаку.

Дальнейшее условие для развития собаки – это соответствующее место, населенное в достаточной степени дичью. При отсутствии возможности охотиться лучшая собака в руках знающего свое дело дрессировщика никогда не будет

обладать надлежащей опытностью. Только постоянные упражнения создают знающего свое дело мастера, только тем, что собака является неразлучным спутником своего господина в течении целого года, при самых разнообразных условиях охоты, достигается ею та уверенность, опытность и разносторонность, охватывающиеся одним общим термином «охотничья собака».

При натаске в лесу охотник не должен тешить себя иллюзиями, что его собака, на развитие которой он положил столько терпения и труда, будет так же послушна, как при

дрессировке в закрытом помещении или при упражнениях на свободе.

Страстность собаки унесет ее, она сломает оковы дисциплины, собака будет делать ошибки и тем чаще и скорее, и дальше уклоняться с узкого пути добродетели, чем большею страстью, увлечением она обладает, тем больше ее способности соответствуют требованиям, которые предъявляем к охотничьей собаке.

Уже очень многое достигнуто, если руководитель будет считать этот ход развития естественным, будет полагать, что попытка на дичь есть прямое продолжение парфорсной дрессировки, в которой только

чучела животных заменены живыми существами. Наоборот, собака вступает в совершенно новый для нее мир, впечатления которого, при совместном воздействии смертоносного оружия, влияют на нее совершенно по-другому, чем невинные забавы в дрессировальном зале.

Натаска имеет тот смысл, что направляет неотъемлемую страсть собаки по правильному пути, чтобы извлечь из нее пользу для охоты. Поэтому ни под каким видом нельзя подавлять страстность собаки, на что склонно большинство руководителей, находясь в беспрестанной боязни,

что собака может исправиться и выродиться.

Прежде чем ставить молодой собаке требование подчинить свою страсть целям охотника, она должна сперва понять цель и настроение охотника, а этому пониманию не научишь, если за каждую ошибку обжигать ее дробью или мочалить плетку о ее спину, и, наоборот, этого можно достичь бесстрастной, разумной натаской в течение долгого времени, при увеличивающемся понимании, растущей опытности.

Наказывать молодую собаку, конечно, нужно, если она не будет повиноваться; а главное же

заключается в форме и степени наказания, причем необходимо считаться с индивидуальностью собаки. Обращать на это внимание при натаске гораздо вернее, чем во время комнатной дрессировки.

Так как весенние щенята имеют различные преимущества, то относительно последовательности времени обучения я могу сказать, что годовалая собака, прошедшая в течение месяцев февраля – мая дрессировку par force, в июле уже созреет для натаски.

Введением в натаске охотничьей собаки является ищейная охота в поле и прежде всего на куропаток,

которые достаточно приспособлены, чтобы сделать собаку годной для охоты и приготовить ее к дальнейшим более серьезным задачам.

Охота на куропаток имеет еще тем большее значение, что развивает в собаке необходимые для стойки качества; охотничья собака должна хорошо делать стойку, несмотря на то, что впоследствии она будет приучена к различным другим родам охоты. Водяную охоту можно начинать до начала полевой, приучая собаку делать поноску из воды и искать по болотам. Водяная работа настолько отличается от всех других,

что здесь приходится устанавливать совершенно иные основные правила, чем при других родах охоты. Доказательством отсутствия всякой практической опытности было бы, если бы мы не начали приучать собаку к воде на том только основании, чтобы спасти принцип, что молодую собаку прежде всего надо поучить искать и делать стойку. Я приучал всех своих молодых собак без исключения ко всякой работе, прежде чем была убита при них хоть одна куропатка.

Другого взгляда я держусь относительно поноски на кровавом следу и вообще работы по кровавому

следу. Прежде чем собака научится пользоваться носом, отыскивая следы на земле, она должна научиться определять присутствие дичи по ветру. Иначе может случиться, что собака будет плохо искать и путаться по следам пернатой дичи.

Очень важно, чтобы молодую собаку натаскивали постоянно одну. Никогда, особенно в течение первых месяцев, не следует брать ее на охоту в обществе других собак, а тем более ходить с ней на охоту в обществе других охотников, где она может встретиться с самыми невозможными собаками . Старая

пословица, что «дурные примеры портят хорошие нравы» – вполне применима и для собак.

2. Ищейная охота в поле.

Натаской в поле на куропаток мы преследуем две цели. Прежде всего собака должна быть обучена правильно делать стойку: одновременно же мы приготовляем ее к другим позднейшим задачам, приучая слушаться тихих приказаний в присутствии дичи и развивая в ней понятие о цели охоты вообще. Для этого охота на куропаток является наиболее приспособленной.

Для введения в полевую охоту мы не дожидаемся времени для

охоты на куропаток, а начинаем натаску на молодые стада куропаток с конца июля до начала августа, как только это позволит окончание полевых работ. У кого имеются для охоты большие луга, может начать еще раньше.

Привязь мы прикрепляем к коралловому парфорсу и оставляем ее волочиться за собакой. Длину привязи мы соизмеряем с темпераментом и силой собаки от 10 до 20 м. Если охотник не может пользоваться большими лугами, которые должно предпочесть всякому другому месту для натаски молодой собаки, то следует выбирать

пространства, не слишком прикрытые растительностью.

Обратившись лицом против ветра, посылают собаку командой: «ищи там!» искать вправо или влево от себя. Она начнет искать оживленнее, как только привыкнет к тащащейся сзади нее привязи. Мягкие собаки требуют большего труда; я советую в таком случае снять парфорс и прикрепить привязь просто к ошейнику, пока собака к ней не привыкнет.

Если собака слишком боязлива, то ей предоставляют искать без привязи, и только если собака не повинуется или делает ошибки, ей

снова надевают привязь. Как только собака вздумает бежать прямо против ветра, ее отзывают назад и по команде: «ищи там!» указывают рукой направление, пересекающее ветер. Собака должна научиться пробегать поле вправо и влево от охотника на 200–400 шагов, тщательно его исследуя, и пробегать мимо охотника вперед его на расстоянии от 50 до 80 шагов. Многие охотники тем препятствуют самостоятельному развития собаки, что вместо того, чтобы дать ей как следует выбегаться, они, из боязни, что собака выйдет из-под их влияния, ежеминутно подзывают ее к себе и

поправляют каждый ее прыжок.

Я советую каждому охотнику дать своей молодой собаке спокойно выбегаться и только тогда ее поправлять, если она впадает в ошибки и, например, бежит на ветер, когда должна его пересекать. Необходимо укреплять собаку в такого рода искании птиц, что сам охотник идет ломаной линией. При продолжительном повторении работа собаки чрезвычайно исправляется. В общем собаки в отношении работоспособности очень разнообразны, – в то время, как одни с самого начала обнаруживают способности к перекрестной работе,

других при всех стараниях нельзя поднять выше посредственности.

Изредка заставляют собаку поднятием руки делать «down». Если она мгновенно не повинуется, то продолжают с ней тот же урок, держа ее на привязи, причем не забывают пользоваться и хлыстом. Собака должна наконец ложиться на расстоянии 300 шагов и, не поднимая головы, спокойно лежать, пока ее не поднимут тихим свистком.

Нужно приучать собаку считать тихий свист условием для возвращения к хозяину, а громкий, резкий – как приказание повернуться или взять другое направление. Дают

резкий свисток и указывают собаке направление рукой, по которому она должна следовать.

Через несколько минут дают тихий свисток и манят собаку к себе рукой. Вообще собаку следует приучить обращать внимание на знаки, делаемые рукой, и часто оборачиваться и смотреть на охотника. Последнее мы достигаем по предшествующему указанию очень простым способом, а именно тем, что мы изредка здесь и там прячемся. В местах, где много дичи, собака очень скоро найдет куропаток. Нельзя предполагать, что собака с первого раза будет хорошо

делать стойку; более вероятно, что она подойдет слишком близко, вспугнет стадо и бросится за ним. Как только охотник заметит это, он должен крикнуть ей в предостережение: «смотри!» и подойти к собаке не спеша, чтобы не рассердить ее. Если же собака вспугнет стадо, то следует подойти к ней без волнения, схватить за привязь и сурово к ней обратиться: «фу – стыдись!» и отвести, дергая за привязь под ветром на первоначальное место... Здесь командуют: «down – вперед!», берут левой рукой привязь метрах в двух от ошейника, правой хлыст и

заставляют собаку проползти до того места, где она вспугнула куропаток. Если она вздумает встать, то ее вынуждают к этому коралловым парфорсом. Ее оставляют лежать так, чтобы она чуяла дичь, и обходят ее несколько раз вокруг, грозно произнося: «смотри!» Затем становятся на конец привязи, зовут собаку и сильно дергают за тесьму. Когда собака подойдет, то командуют: «down – вперед!» и заставляют ее проползти шагов 50.

Если собака еще несколько раз вспугнет дичь, то это исправительное упражнение, которого собаки боятся, вновь

усиливают. Собаку заставляют два, три, четыре и еще большее число раз ползти к месту, где находились куропатки, и еще ускоряют упражнение тем, что на обратном пути прерывают ползание командой: «down!», затем свистят и держат за привязь; если собака недостаточно быстро подходит, приближение останавливают снова командой: «down!» и т.д.

Всякое битье и бессмысленное дерганее за коралловый парфорс совершенно бесцельны, а потому их следует избегать.

Собака наконец берется за ум и делает стойку. Осторожно

подкрадываются тогда к собаке и хвалят ее словами: «так, хорошо, собачка!» Затем берут привязь крепко в руки и, окружив собаку несколько раз так, чтобы куропатки были в середине, вспугивают их после того, как собака в течение двух или трех минут хорошо проделала стойку. Как только стадо взлетит, громко командуют: «down!» и поднимают руку кверху. Но в данном случае собаку не наказывают, хотя бы она была и невнимательна. Становятся сзади собаки, подсвистывают ее и хвалят за хорошую стойку. Ни под каким видом не допускают, чтобы собака шла на

то место, где лежала куропатка, и там бы бродила. Ее отводят на привязи шагов на сто и там снова заставляют искать.

Как только собака снова сделает стойку, куропаток не вспугивают, а, наступив на привязь, тихо подсвистывают к себе собаку и подтягивают ее при возгласах: «так, хорошо!» к себе, чтобы похвалить. Затем командуют: «ищи опять! – смотри!» и снова осторожно пускают ее делать стойку. Теперь вспугивают стадо по вышеизложенным указаниям. Отзывая часто собаку в то время как она делает стойку, не только чрезвычайно укрепляют ее в

ней, но и приготовляют одновременно к будущей деятельности – подзывать охотника к найденной дичи, которая имеет много общего с указанием лаем убитого животного и очень легко изучается интеллигентной собакой.

Здесь я желал бы предупредить дрессировщиков не подводить молодых собак часто к фазанам. Фазан обладает таким сильным запахом и такою привлекательностью для собаки, что она, при частых встречах с ним теряет тонкость чутья на куропатках. Куропатки и перепела – наиболее подходящая для обучения молодой

собаки дичь.

При частой натаске по этому методу в местах, изобилующих куропатками , собака, имеющая даже мало наклонностей к стойке, выкажет втрое большую твердость на пернатую дичь.

Охотники старой школы имели привычку заставлять собаку, делающую стойку, врываться в стадо и поднимать дичь; это совершенно извращенное понимание дела и вообще бессмысленно. В новейшее время этот обычай совершенно оставлен и вот по каким причинам: собака, натасканная таким образом, никогда не будет хорошо делать

стойку.

Во время этой натаски на пернатую дичь часто является возможность отучить собаку, воспитанную по этому методу, от травли здоровых зайцев и, наоборот, приучат ее делать по ним стойку. Мы выработали из молодой собаки систематически хорошую гончую на зайца тем, что предоставляли ей полную свободу проявлять свои прирожденные качества, чтобы потом, при более важных задачах, например, при преследовании подстреленной дичи, могли этим воспользоваться. Теперь, пока собака еще не знает значения кровавого

следа и вообще разницу между здоровой и подстреленной дичью, дело касается того, чтобы объяснить ей вообще, что без приказания или команды охотника она не смеет преследовать никакой дичи.

Если молодая собака привыкла подчиняться воле дрессировщика, когда от нее требовали активного отношения к дурно пахнущим хищникам, то она, конечно, будет слушаться, когда от нее потребуют пассивного отношения к зайцу, т.е. когда от нее будут требовать умения преодолевать своим страсти.

Методу воспитания, предложенному мною, делали упрек,

что он приучает собаку к «ошибкам», от которых ее впоследствии часто и тщетно приходится отучать. Практический охотник и дрессировщик, внимательно следившие за содержанием этой книги, согласятся со мной, что этот взгляд совершенно ложен.

Травля зайца – «ошибка» в очень ограниченном смысле, насколько это касается здорового зайца; продолжительная же травля подстреленного зайца и вообще четвероногой дичи, – одно из драгоценнейших качеств охотничьей собаки. Задача охотника заключается в том, чтобы объяснить собаке

разницу между здоровой и подстреленною дичью; но так как это возможно только впоследствии, при продолжении натаски, то покамест мы ограничиваемся невозможностью для нее пойти за дичью без приказания. Мы не побуждали ее преследовать зайцев ни словом, ни знаком, а просто не видали, как она это делала. Теперь лишь мы замечаем, что она травит зайцев; мы запрещаем ей это командой: «down! – фу, заяц!» и наказываем за непослушание.

Как только собака бросится вслед зайцу, мы должны крикнуть: «down – заяц!», но ни в каком случае

не прибегать к продолжительному зову или свисту, к чему склонно большинство дрессировщиков в убеждении, что можно этим удержать собаку, тогда как достигается лишь тупость слуха. Собаку нельзя ввести в заблуждение ни свистом, ни зовом: она будет травить зайца, следуя своей старой страсти. Дрессировщик должен ожидать ее возвращения на старом месте, тотчас же завладеть концом шнурка, крикнуть: «down!», дать легкий свисток, наказать собаку несколькими подергиваниями за парфорс, угрожающе крикнуть: «down!» и одновременно выпустить

из-под пиджака спрятанный там кожаный хлыст. В дальнейшем наказании нет надобности. Во время травли мы уже заметили лежку зайца и отметили ее место палкой. Тогда мы и заставляем собаку, принуждая ее парфорсом и хлыстом, ползти приблизительно сорок шагов. Когда она будет под ветром в расстоянии одного метра от лежки, снова следует «down!» Беспрерывно повторяя «береги», мы обходим от восьми до десяти раз, наступаем на конец шнурка и свистом отзываем собаку.

Заранее мы уже разыскали зайца на лежке или поручили это сделать опытному помощнику. Туда мы ведем

собаку под ветром и заставляем ее подвигаться осторожно к зайцу, залегшему в траве или в картофельной ботве. Шага за три от лежки мы придерживаем собаку за шнурок и угрожающе говорим: «береги». Когда мы убедимся, осторожно отпуская шнурок, что собака не рвется вперед, но причуяла и понимает, что нужно, то начинаем, непрерывно повторяя «береги», двигаться по дуге в сторону. Шнурок укреплен в кольце шлейки, хлыст спрятан под пиджаком. Отойдя на восемь-десять шагов от собаки, делают остановку и, повторяя «береги», грозят ей полу

приподнятой рукою. В этом положении стойки оставляют ее минут до пяти. Затем, крикнут «береги», выгоняют зайца. Если при этом собака выкажет хотя слабое намерение броситься за зайцем, тотчас следует громовой «down!» и удар изо всех сил кожаным хлыстом. Если же, несмотря на это, собака бросится вслед за зайцем, то ей предоставляют спокойно бежать и только, когда шнурок будет уже на конце, надо несколько раз потянуть в противоположном направлении так, чтобы собака со всего маха напоролась на шипы парфорса. Тогда ее отзывают свистом назад,

приказывают «down» и заставляют, пользуясь парфорсом, подползти к себе.

Как только собака научилась выдерживать стойку и вместо того, чтобы бросаться вслед за зайцем, делает «down», ее, разумеется, нужно самым ласковым манером похвалить: похлопать по спине и т.д.

Может случиться также, что собака поймает полувзрослого зайчонка и со знаками полного удовлетворения принесет его к вам. Если она поймала его в отдалении от охотника, то инцидент принимает немаловажное значение для дрессировщика. Если вздумает он

наказать собаку, то рискует тем, что, несмотря ни на что, собака в следующий раз задушит зайца, но его не принесет, а оставит лежать где задушила, или, хуже, обращаясь в типичного «могильщика», закопает.

Поэтому нельзя наказывать собаку; строгим тоном, когда она подошла, ей нужно сказать: «сядь, брось», отобрать у нее зайца и взять ее на поводок, не говоря ей больше ни одного слова. Чтобы показать ей свое неудовольствие, с поводка ее не спускают и строжайше наказывают за малейшее намерение преступить правило натаски.

Если собака поймает зайчонка

вблизи дрессировщика, то следует поступить иначе. Собаку берут на поводок и в виде начала наказания отпускают ей несколько ударов по задней части тела. Затем берут парфорсный шнурок в руки и, держа хлыст в правой руке, заставляют ползком сделать от шести до восьми кругов около зайца в 5–10 шагах расстояния от него, все время пуская в ход парфорс и подавляя сильными ударами хлыста всякую попытку встать. Теперь заставляют провинившееся животное подползти на один метр к его жертве, бросают собаке громовое «down – береги!» и отпускают ей сильный удар. Затем

отпускают на десять шагов, сильно берут за шнурок, зовут громко: «сюда» и одновременно сильно дергают за парфорс. Этот урок-наказание нужно повторять до тех пор, пока собака не будет совершенно изнеможенна (6–8 разу.

На следующее утро собаку следует взять в помещение для дрессировки и повторить только что описанные приемы в виду лежащего на полу зайчонка. То же самое надо повторить в течение 3–4 дней. Тогда собака всю свою жизнь будет испытывать трепет перед молодыми зайчатами.

Вообще должно заметить, что

интеллигентная собака в местностях, богатых зайцами, становится понемногу все более и более равнодушной к здоровым зайцам. А если интеллигентных к тому же отзывать от зайца и заставлять проделывать вышеописанное наказание-урок, то двух-трех недель достаточно, чтобы добиться от них того, что они бросятся на несколько шагов за зайцем, а то и спокойно пропустят его. Если дрессировщику приходится иметь дело с такой одержимой стремлением травли собакой, то ему остается держаться (особенно во время первого поля) вышеописанных правил. Очень часто

такая собака исправляется совершенно неожиданно, когда она ознакомится со значением кровавого следа и, благодаря травле большого числа раненых зайцев, ее страсть примет определенное направление.

Если собака выкажет известную стойкость в этом отношении, ее надо спустить со шнурка, но тотчас же пускать его в ход вместе с парфорсом, если она выкажет склонность преступить правила.

3. Охота за птицей.

В прежнее время охотник обыкновенно бил птицу из-под тех же самых собак, которые работали с ним круглый год на всякой охоте:

этим достигалось не только установление правильных норм для натаски собаки, но и интерес, и понимание важности развития разносторонних ее способностей. Били меньше дичи, но больше занимались дрессировкой и натаской собак, пригодных к разносторонней охоте.

На эту точку зрения необходимо подняться и современному охотнику, который собирается ввести молодую подружейную собаку в охотничью практику и прежде всего сделать годной к охоте на птицу. Собаку берут в поле (предварительно не дают ничего, кроме молочного супа),

надевают парфорс и приступают к работе. Собака не должна подозревать, что сегодня день какой-то особенный. Но большинство охотников в день открытия сезона столь взволнованы и нервны, что собаки с тонко развитой чуткостью испытывают от этого большой ущерб. Очень часто день открытия сезона, благодаря этому взаимодействию, обращается в день злобы и разочарования.

Раньше всего рекомендуем отыскать уединенное местечко, где бы ничто не могло помешать спокойной работе собаки. Молодую собаку нужно натаскивать

совершенно в одиночку. Нельзя с ней вместе брать более опытной собаки, ни охотиться вблизи кого-нибудь, чьи выстрелы могут отвлечь ее внимание. Вздумается собаке в честь дня открытия сезона потравить зайца, дрессировщику необходимо сохранять спокойствие и поступить с вернувшейся собакой, как выше сказано, – т.е. проучить ее хладнокровно. Окончив наказание, ее берут на четверть часа на поводок. Собаку, наказанную за какой бы то ни было проступок, нельзя допускать к дальнейшей работе: она должна понять, что совершила проступок.

Молодая собака скоро заметит,

что ей вечно грозит проклятый поводок, раз она провинится, и она начинает считать его, после нескольких повторений, настоящим наказанием. Проводник должен, если собака вздумает скулить или выть, прекратить это подергиванием парфорса или ударом кожаного хлыста.

Если у охотника в распоряжении есть луга, то можно рекомендовать с них и начать натаску, и уже только потому, что птица в утренние и вечерние часы уходит с полей на примыкающие луга. Собаке предоставляют свободу поиска и только следят за тем, чтобы она

искала навстречу ветру, но все время челноком. Чрезмерно частый зов и свист имеют тот недостаток, что при них собака никогда не достигнет самостоятельности в поиске. Многие охотники имеют привычку прерывать работу собаки, часто поднимая руку с обычным «down!» Как ни полезно это упражнение, примененное к месту, являющееся в известной мере заменой поводка, но оно вредно влияет на развитие поиска. Такие собаки в конце концов перестают обращать внимание на дичь, забывают пользоваться чутьем, а только следят за своим хозяином не отрываясь, всегда готовые лечь на

землю по малейшему знаку. Внимание собаки должно быть устремлено на дичь, вся ее духовная деятельность сконцентрирована в носу, и лишь время от времени она должна обратить внимание на дрессировщика.

Предположим, что охотник – строгий последователь закона и в сентябре не охотится на зайцев. За ним то преимущество, что его молодая собака, не смущаемая посторонними задачами, в короткое время схватит стойку.

Как только собака сделала стойку, надо к ней приближаться спокойным шагом, но не сзади ее, а

по дуге сбоку, и попытаться, обходя дичь кругом, подойти на 50–60 шагов против собаки, так, чтобы дичь была между собакой и охотником. Сколько-нибудь опытный охотник не нуждается в объяснении выгод этого способа. Для начинающих могу заметить, что за этим способом подхода к дичи есть три преимущества: 1) собака лучше выдерживает стойку лицом к охотнику, тогда как, слыша сзади себя шум, она может проявить склонность к преждевременному выскакиванию; 2) птица, находясь между собакой и охотником, чувствует себя окруженной, – ей менее

предоставлена свобода бежать и она спокойнее выносит близость собаки; 3) часто предоставляется случай разбить выводок и тем дать возможность собаке работать по отдельным птицам. Когда охотник станет против собаки, он бросает ей «береги» и предоставляет известное время делать стойку. Затем надо взвести курки и подойти, повторяя «береги», к собаке. Если выводок снимется с места, все внимание надо обратить не на птицу, а на собаку. Если она вздумает броситься вслед, нельзя ни под каким видом стрелять, так как это может повести не только к повторению в подобном же случае

того же проступка, но и к иным гораздо более серьезным последствиям: собака, бросившись за выводком и увидав падающую от выстрела птицу, может на нее броситься, грубо ее схватить без всякого приказа и начать ее мять, или еще хуже – она бросается за подстреленной птицей, ловит дичь, и уже тогда собаку будет трудно отучить от привычки бросаться вслед за поднявшимся выводком.

Если собака лицом к лицу со снявшимся выводком послушалась окрика «down», выцеливают одну птицу из выводка и убивают ее. При выстреле следует угрожающее

«down» и собаку оставляют лежать, делая вокруг нее несколько кругов. Затем «вперед» и заставляют ее приближаться ползком к месту, где лежит дичь; как только собака почует дичь, командуют «down» и снова заставляют лечь. Затем «аппорт», следят затем, чтобы собака быстро подняла птицу, приказывают сесть и со словом «пусти» берут от собаки дичь. Затем ее ласкают и удаляются с арены, не позволяя собаке бросаться по следам разбитого выводка. Если замечены места, где запали отдельные птицы, нужно немедленно разыскать этих птиц. Этому правилу должен был бы следовать каждый

охотник уже потому, что и подстреленная птица обыкновенно отделяется от выводка.

Для того, чтобы скорее приучить собаку к твердой стойке, многие охотники, как только заметят, что она почуяла, требуют «down». Это – большая ошибка, которая ведет к тому, что собака привыкает падать на землю всякий раз, как ей придется делать стойку на птицу. В поле, засеянном картофелем, репой и т.д., собаку очень трудно заметить, почему рекомендуется не приучать ее к этому и быть осторожнее с командой «down». Чтобы приучить ее к осторожной стойке, довольно

«береги».

В дальнейшую ошибку впадают многие охотники, находя, что никогда нелишне повторить упражнение в аппортировании, заставляя аппортировать всякую убитую птицу. Чтобы убить в собаке даже малейшую наклонность к горячности после выстрела, я рекомендую время от времени самому подбирать убитую дичь, а собаку оставлять лежать в положении «down». Этим маневром особенно ясно дадим понять собаке, что выстрел для нее не имеет никакого значения и лишь команда «аппорт» дает ей позволение приступить к

аппортированию.

Само собой понятно, что мы при первой возможности пошлем свою молодую собаку на поиск подстреленной птицы. Вопрос только в том, как мы это делаем!

Кому хоть раз приходилось видеть, каким способом обыкновенно думают побудить собаку к поиску подстреленной дичи; кто наблюдал, как дрессировщик с криком «аппорт» гонится галопом за удирающей птицей и тем побуждает и без того горячую собаку бесполезно бросаться туда и сюда, – тот, конечно, не удивляется дурной репутации, которую заслужили

подранки в охотничьих кругах.

Мы же, если заметим, что упавшая птица начинает удирать, не натравим на нее собаки, но скажем «down», предоставив дичи спокойно скрыться, потому что поспешное действие может отнять все шансы успеха у последующего поиска. Тот, кто собирается искать подбитую птицу, прежде всего должен знать ее привычки. Очень редко подстреленная птица пробежит больше 50–60 шагов в прямом направлении. Затем она делает поворот и бежит в другом направлении, пока найдет достаточное прикрытие, где и

залегает. Часто мне приходилось наблюдать, что молодые птицы выказывают стремление возвращаться по большим дугам к месту, где первоначально залегал выводок. В полях подстреленные птицы бросаются вдаль, причем бегут постоянно бороздой, но в некотором расстоянии делают поворот, в то время горячая собака в жару преследования пробегает этот поворот и бежит до конца борозды, а на краю поля начинает в недоумении бросаться из стороны в сторону. Таков обыкновенный результат поиска по следу. Старые птицы часто ведут себя с поражающей

рассудительностью, и частыми поворотами вводят в заблуждение даже высокодрессированных собак.

Все дело в том, что мы, прежде чем поставить молодую собаку на след, отводим ее подальше от места, где залегал выводок, так как молодые собаки охотно задерживаются на следах выводка. Отводят собаку шагов на 30, в направлении, где, как замечено, зашла птица, и побуждают словами: «аппорт, ищи» вступить на след. Если собака причует, ее надо похвалить, если она бросится по следу, умеряют ее пыл словами «тише, тише», а если это не подействует, говорят: «down», потом

опять возбуждают ее работу по-прежнему: «аппорт, ищи». Когда собака доходит до места, где птица переменила направление, она делается неуверенной. Надо предоставить собаке полную свободу руководиться своим чутьем и никогда не поддаваться искушению указать ей определенное направление. Собака почти никогда не ошибается; остается только следовать ей, умеряя ее ревность, но остерегаясь строгого обращения, которое может ее сконфузить или лишить уверенности. Если собака потеряет след, надо вернуться к тому месту, где она еще работала уверенно, почему

рекомендуется время от времени бросать по следу кусочки бумаги, обозначая во всяком случае начало следа особо заметным куском ее. Когда собака, наконец, придет к месту, где залегла птица, то почти нет сомнения, она схватит дичь; если же она сделает стойку, то я посоветовал бы постараться ее увидать и взять рукой. В тот момент, когда птицу берут, собаке говорят «down», птицу бросают перед собакой, после маленького промежутка времени приказывают аппортировать дичь и ласкают собаку. Если собака поймает еще бьющуюся птицу, ей угрожающе

бросают «down» и отнимают дичь, строго по правилам, очень осторожно, дабы показать, что здесь важно соблюдение применяемых в парфорсной дрессировке правил.

Однако не всегда поиск раненой дичи проходит так гладко и просто. В жаркую погоду даже и очень опытные собаки отказываются от поиска по сухой, сожженной почве, немало подранков уходит от охотника. Уже из этого только соображения нужно было бы отказаться от охоты в полуденный жар, когда лучшее чутье низводится к нулю. Столь же много трудностей представляет поиски подранков в

мокрой траве, пажити или картофельной ботве, когда нос собаки весь наполняется водой.

Если все усилия оказываются бесплодными, то последним выходом является предоставление собаке полной свободы поиска и тщательный осмотр места, где, как предполагают, залегла птица. Если под руками есть более взрослая собака, то ее нужно тоже пустить в работу, так как ее опыт значительно облегчит поиск подранка.

Если собака после аппортирования подстреленной и пойманной птицы попадет на выводок, то немедленно покажет

склонность идти по следу нижним чутьем; если птица будет одна, собака захочет ее поймать или выгнать. Дрессировщик должен сохранять, встречаясь с понятным недоразумением собаки, полное спокойствие и исправлять недостатки, как выше указано. Многие впадают в ошибку, думая, что раз собака выказывает недостатки в этом, ее не надо приучать к аппортированию подстреленной дичи. Это дает возможность собаке слишком поздно узнать разницу между здоровой и раненой птицей. Наоборот, сколь возможно часто нужно заставлять собак искать

подранков: после 10–12 уроков они сумеют отличить след подранка от следа здоровой птицы, так как на следе первых всегда есть заметный отличительный запах.

Нужно обратить особое внимание на отрывание собаки со стойки, так как в нем, в его манере лежат задатки двух более серьезных задач. Собака, которую натаскивали по описанному выше образцу, всегда слушается зова или свиста, когда она в стойке.

Как только мы заметим, что собака потянула (чутьем) по борозде поля за дичью – это будет очень часто случаться в октябре и ноябре –

мы отзываем собаку свистом, ведем ее по дуге шагов за 100, за 150 туда, где подозреваем местонахождение птицы, и предоставляем ей снова искать. Птица обыкновенно ложится, раз ее не преследует собака; если же преследователь появляется с другой стороны поля, извне его, то они выдерживают преследование очень хорошо. Само собой разумеется, что в этом скрадывании птиц на кругах имеет очень большое значение направление ветра. Интеллигентные собаки быстро схватывают сущность приема и спешат на свист потом даже без свиста, бросая след, по направлению к дичи, чтобы ее

захватить.

Когда собака достигнет достаточной чистоты в поиске и стойке, мы начинаем приучать ее возвращаться к охотнику от найденной дичи, – т.е. аппортировать. Этот прием в большинстве случаев принято считать верхом дрессировального искусства, тогда как в сущности он очень прост, раз только собака раньше натаскивалась строго по описанным правилам.

Как только собака станет на стойку, охотнику нужно спрятаться; интеллигентные собаки, которые вообще часто оглядываются на

хозяина во время стойки, сейчас же бросят дичь, чтобы разыскать хозяина. Но если собака в течение пяти минут стойки не бросит, скрывшийся хозяин должен отозвать ее свистком. Когда собака после этого подойдет к хозяину, ее нужно приласкать и заставить отвести себя к дичи. Если собака снова станет на стойку, то охотник должен постараться убить как можно больше дичи, вознаграждая собаку исключительным успехом охоты и тем еще более возбуждая ее ревность к поиску. Понемногу надо увеличивать промежуток времени для отзывания все больше, до 10

минут, а после 10–15 упражнений вовсе не отзывать. После некоторого времени собака будет сама собой уходить со стойки, и тогда пресловутый аппорт вполне в ее власти.

Мне остается только обратить внимание читателя на то, что внешние обстоятельства, при которых работает собака, имеют именно при поиске в открытом поле большое значение. Что горячее, сухое время дня сильно влияет на качество чутья, – я уже говорил. Притом совет не производить во время жары охоты важен также и в отношении влияния на здоровье. Как ни справедливо

мнение о необходимости закалить подружейную собаку, чтобы она могла проявить одинаковую работу как во время жары, так и во время холода, было бы все же чрезвычайно странно подвергать такому испытанию молодую собаку, еще не вполне развившуюся.

В заключение необходимо упомянуть об одном любопытном обстоятельстве.

При переводе собаки в новое для нее место замечается сильное влияние почвы (ее свойств) на качество чутья. Например: собака из местности с жирной черноземной почвой переводится в песчаное

место, или наоборот; тут бывает нужно часто несколько дней предварительной натаски, пока она привыкнет пользоваться чутьем с прежней уверенностью.

Работа в лесу

1. Собака на страже ягдташа.

В начале октября, когда уже собака приучена к охоте по перу после многих недель натаски и умеет пользоваться верхним чутьем, – мы начинаем работу в лесу.

На собаку надевают

дрессировальный ошейник и на нем укрепляют ремень. Первым делом является задача приучить собаку к ходьбе на поводке в лесу. Впечатление от новой обстановки, пахучие следы коз, фазанов и т.п. заставят собаку, дрессированную даже по нашей системе, при первом выходе в лес покинуть указанное правилами место, у левой ноги охотника, и заворачивать то направо, то налево. Лучше всего для первого опыта строевой лес с просветами.

По нем надо идти спокойно вперед. Собака же как только она покинет указанное ей место у левой ноги и удерет в сторону, тотчас

запутается за ствол дерева и почувствует действие парфорса. Тогда охотник останавливается, дергает за ремень со словами: «Это еще что такое?» и возвращает собаку на место. Во время продолжения пути следует намеренно проходить близко к стволам деревьев, побуждая собаку бегать по сторонам также тем, что идем около тропинки, по траве. Не следует останавливаться даже тогда, когда собака запутается о дерево, – нужно ей предоставить самой найти обратный путь сзади охотника. Затем нужно идти густолесьем и продолжать упражнения, пока собака не

привыкнет ходить на парфорсе в лесу, как в поле.

Затем делают остановку в густом лесу, кладут ягдташ на землю, вынимают ремень и укрепляют его вокруг какого-нибудь дерева.

После этого говорят «down», кладут ягдташ перед собакой и удаляются, повторяя грозным тоном «down» с поднятой кверху рукой, но только не против ветра. Это упражнение не представит особых трудностей, так как то же самое мы проделывали в конце каждого урока комнатной дрессировки, и собака, следовательно, знает, что от нее требуется.

Затем уходят шагов на 100 от собаки и сперва ждут в течение пяти минут. Если собака начнет визжать и выть, то вынимают из кармана заранее заготовленную рогатку, осторожно подкрадываются с другой стороны, скрываясь за деревьями, и пускают снаряд в заднюю часть.

Одновременно с этим кричат «down» и опять уходят, выжидая известное время, что будет делать собака. Если собаку по этому методу наказывать несколько раз тогда, когда она этого не ожидает, – она вылечена навсегда. Способ мой – лучший из всех: самые страшные визгуны, на которых вообще не

действуют никакие резоны, которые после ухода дрессировщика прыгают, как сумасшедшие, на поводке, – после нескольких неожиданных выстрелов из рогатки сидят скромно у ягдташа не подавая голоса.

Если по прошествии нескольких дней собака лежит тихо в течение часа у ягдташа, то нужно взять с собой другую, более взрослую собаку. Собаку привязывают, как сказано, на ремень и уходят под ветром с другой собакой шагов на 100. Тут привязывают взятую с собой собаку и под прикрытием листвы возвращаются к первой, держа рогатку наготове.

Молодая собака страшно возбуждена тем, что хозяин ее ушел в сопровождении другой собаки, она ревнует, полна зависти и дает своим справедливым чувствам полную свободу. Тут ей за визг и вой попадает выстрел в чувствительное место и раздается громкое «down».

Всякий раз, как собака, лежа без шума у ягдташа, спокойно будет ожидать возвращения охотника, ее нужно приласкать.

После 12–15 повторений мы затрудняем задачу тем, что в отдалении 100 шагов производим выстрел. Если собака останется неподвижной (после 8–10

повторений), то мы приказываем помощнику приблизиться шагов на 200 выстрелить, свистнуть, крикнуть «аппорт», броситься быстро сквозь лес с тем же криком и звать собаку с собою.

Дрессировщик в это время стоит на страже, «угощает» собаку, если она встанет, несколькими камешками в зад и посылает ей громовое «down».

Если собака устоит и перед этим испытанием, то нужно приказать помощнику с другой собакой, с криками «аппорт» и выстрелами, пробежать близко от молодой собаки, как будто дело идет о преследовании

дичи. Необходимо приучить молодую собаку лежать спокойно у ягдташа в ожидании господина, как бы долго ни продолжалось его отсутствие и что бы кругом ни происходило. Но при этих упражнениях важно вводить лишь знакомые собакам личности, так как впоследствии ее будут учить, что чужому нужно показывать зубы и всячески защищать доверенное ей имущество, а смешивание этих упражнений в одно может лишь смутить собаку.

Раз собака научилась противостоять всем помехам и искушениям в момент, когда она, привязанная на ремень, лежит на

страже ягдташа, то начинается ряд тех же упражнений, но на свободе, без привязи. К парфорсу привязывают вначале короткий дрессировальный шнурок, кладут ягдташ на землю и приказывают «down». Но теперь уже охотник прячется не вблизи собаки, а ждет шагах в 50–60, под ветром, как будет вести себя собака. Если она оставит ягдташ, это будет не преступление, а проступок, за который нужно наказать не бессмысленным битьем, но хладнокровно, по описанному способу из опыта комнатной дрессировки.

Свистом подзывают собаку,

берут ее за дрессировочный шнурок и делают ей выговор: «Это что такое? down». Требуемое падение на живот ускоряет хороший удар кожаным хлыстом. Затем командуют «вперед» и пускают в ход парфорс; собака должна проползти шагов 200 по дуге к ягдташу, подбодряемая в лежачем положении ударами хлыста. Со скрежетом зубов доберется собака до ягдташа,, с твердым намерением впредь не вызывать подобного наказания.

После этого утомленной собаке предоставляют быть на страже ягдташа от 1 до 2 часов. Хозяин держится от нее поблизости и,

окончив урок, ласкает.

После двух-трех повторений можно без всякого опасения оставлять собаку, не привязывая, на страже около ягдташа. Оставляемые предметы надо менять: то ружье, то палку, то ремень, потом дичь, а затем и более мелкие вещи. Оставление перед собакой предмета, а также дичи должно быть ей порукой в том, что господин ее вернется на это место, все равно – через десять минут или через несколько часов. Она должна знать, что у оставленного ей залога она обязана ждать во что бы то ни стало. Нужно пользоваться поэтому всяким

случаем повторить урок с охраной ягдташа.

2. Работа по горячему следу.

Значение подружейной собаки основано главным образом на способности преследовать возможно скорым аллюром подстреленную красную дичь по горячему следу, не отрываясь ни на минуту, затем настигнуть ее хотя бы в очень отдаленном от первоначального пункта месте, задушить и принести к охотнику. Собаки, способные быстро и уверенно работать даже по остывшему следу, неоценимы для практика-охотника: лишь с такими собаками он может рассчитывать на

желательные результаты.

Едва ли какое-либо достоинство охотничьей собаки столь рельефно дает себя знать, как именно названная способность. Разумеется, у разных собак различные манеры проявлять это качество.

Отличительными признаками собаки, одаренной хорошими задатками, являются: твердое умение держаться горячего следа (причем по следу идет галопом) очень ясно выраженная наклонность избегать скрещивающихся с горячим следом раненой дичи следов и, наконец, радостное стремление как можно скорее принести настигнутую

задушенную дичь своему хозяину.

Критическому взгляду знатока представляется галерея типов охотничьих собак этого рода, но все же в массе материала можно резко разграничить категории, под которые с большими или меньшими ограничениями можно подвести собак этого рода.

Среди тяжелых «пеших» собак встречаются очень часто прославленные ищейки, которые с редкой уверенностью и спокойствием ищут дичь, раз они напали на ее след. За ними установилась завидная в этом смысле репутация, так как они умеют

принести из самой густой чащи тяжело раненую или уже мертвую дичь. Увы, дело, однако, принимает неблагоприятный оборот для таких собак, если заяц не покончит своего существования шагов через 200 в чаще или не ляжет тяжело раненый, но слегка контуженный; с перебитой, положим, передней лапой бросится безостановочно наутек. Тут уж пешая собака его не настигнет совсем; здесь ведь нужна неутомимая, долгая, энергичная травля, чтобы поймать его. Отсюда вывод: из числа подружейных собак таких пеших вычеркнуть. Они чаще упускают, чем аппортируют.

Другую крайность представляют собаки, которые долго и энергично идут по следу, когда случайно нападут на след раненой дичи, но в конце концов результаты их травли неудовлетворительны и даже плохи, так как они едва способны на 100 шагов держаться следа и часто теряют дичь, введенные в заблуждение поворотом следа в сторону, в чащу. Подобные собаки на полевой охоте часто заслуживают репутации несравненных ищеек, но стоит им попасть в лес, как искусство преследовать на 100 шагов зайца исчезает словно туман под лучами солнца.

На подобной же почве взращиваются и другие типы хорошо знакомых «ищеек». Это – собаки, для которых теплый след фазана в тысячу раз приятнее запаха красной дичи. Такие экземпляры среди охоты по следу красной дичи вдруг поднимают чутье кверху и делают безукоризненную стойку над самкой фазана. Красивое, если хотите, эффектное зрелище для... художника, фотографа, но настоящему охотнику в такой момент может прийти мысль разрядить свое ружье в голову проклятой собаке.

Из всего вышесказанного видно, что хорошая ищейка должна обладать

следующими качествами: а) природным уменьем держаться следа; б) быстротою и продолжительностью бега; в) охотно аппортировать, причем она должна пройти основательный курс парфорсной дрессировки.

Наличность всех этих качеств составляет необходимое условие, но их все-таки недостаточно для образования настоящей ищейки. Существеннее всего – это развивать и правильно направлять эти качества путем систематической дрессировки и натаски.

Если бы мы вздумали предоставить это только натаске на

практике (как это было принято прежде), то, конечно, со временем, лишь через несколько лет добились бы толка. Упражнение, что ни говори, играет главную роль, и даже в местностях, очень богатых дичью, не может быть столько случаев для упражнения, сколько нам даст искусственный след.

3. Искусственный кровавый след.

В общем для дрессировки молодых собак по искусственному следу я считаю нужным установить следующие положения:

1. Никогда не следует употреблять для аппортирования

испортившуюся дичь.

2. Всякую хищную дичь (диких кошек, хорьков, лисиц) нужно употреблять для этой цели попеременно с зайцами, белками и т.д.

3. Ремень для привязывания собаки годен только для первоначальных упражнений, – его нужно как можно скорее оставить.

4. Все упражнения необходимо производить при невыгодном ветре.

5. Пока собака уверенно не будет распоряжаться нижним чутьем, нужно производить упражнения только в. лесу, а не в поле.

6. К работе нельзя приступать,

раз собака утомлена; вначале нужно избегать и жаркой погоды.

7. Искусственный след (его производство) поручается какому-нибудь постороннему лицу; сам же дрессировщик не должен до него касаться.

8. Только при первых шести-восьми упражнениях дичь кладется прямо на землю в конце следа, при всех последующих она осторожно где-нибудь прячется. Такой маневр служит надежным соседством приучить собаку к употреблению чутья и к сообразительности.

9. Первоначальные упражнения следует производить по возможности

в парке или вообще местности, бедной дичью, дабы собака работала без всякой помехи. Понемногу можно переходить в места более богатые дичью и, наконец, упражняться в фазаньих сажалках.

10. Нужно избегать всячески битья и других болезненных наказаний собак во время работы по искусственному следу.

Основание к этим предположениям будет выяснено в дальнейшем тексте.

Прежде всего нужно запастись дельным помощником, на обязанности которого должно лежать «производство» следа. Самому

дрессировщику не следует брать на себя этой обязанности и вот, главным образом, почему: собака будет считать за признак следа не кровь по следу, а самый след своего хозяина.

Применение резиновой обуви, деревянных туфель, ходуль и т.д., совершенно бесцельно, так как запах того, что производит кровавый след, остается и на траве и на кустарнике; резина же чувствуется даже с саженных ходуль. Чутье собаки нельзя обмануть; я уверен, что оно – самый верный инстинкт, не поддающийся никаким искусственным ухищрениям.

Собака должна

сконцентрировать всю свою внимательность на запахе крови, которая и является ее руководительницею. Чтобы добиться положительных результатов, я приглашал в качестве помощников совершенно незнакомых лиц, часто их меняя, и старался устроить так, чтобы собака не видала помощника.

Для работы по искусственному кровавому следу на первых порах выбирают места бедные дичью, совсем старый лес или молодняк без густой травы; частые насаждения с растительностью, терновником и проч. не годятся для начала этих упражнений. В заранее

облюбованное место посылают помощника; собаку привязывают поблизости, – однако так, чтобы она не видала, что вокруг нее происходит; затем отправляются на поиски зайца и убивают его, по возможности, в голову.

Дрессировщик берется за одну, помощник за другую переднюю лапу зайца; затем вонзают охотничий нож как раз в середину передней части груди и поворачивают нож таким образом, чтобы легкие были прорезаны в нескольких направлениях. Пока помощник будет держать зайца за передние лапы (дабы не терять даром крови),

дрессировщик привязывает к задним лапам шнурок приблизительно в один метр длиной. Шнурок укрепляется на палке. Помощнику делают следующие распоряжения: палку нужно держать в сторону так, чтобы кровь стекала рядом со следами человека. Идти нужно параллельно ветру в прямом направлении, считая шаги, приблизительно на 100 шагов. Через каждый двадцать шагов зайца нужно ставить на голову, чтобы кровь распределялась равномерно. Если упражнение производилось в молодняке, то лучше всего заранее отметить дерево, куда должен

пройти в конце концов след. Там, где положат зайца на землю, т.е. на конце следа, нужно укрепить большой клочок бумаги на низком заметном сучке дерева. То же самое делается и в начале следа. Пусть не думают, что эти значки не имеют известной практической цели: они очень важны, потому что только этим путем устраняется возможность неприятного явления, когда собака, заслуживающая своей работой только похвалы, вдруг собьется на теплый след фазана или зайца.

Кровь стекает очень равномерно из приготовленного таким образом зайца, и вся работа по

искусственному следу сильно упрощается. Несколько слов еще о помощнике: когда он придет на конец следа, т.е. пройдет 100 шагов, нужно развязать задние лапы зайца и, не трогая его руками, предоставить ему упасть на спину, касаясь следа, на открытом месте. Затем лучше всего помощнику уйти.

В начале занятий предоставляются крови загустеть на воздухе самое большее четверть часа, потому что сперва ведь вся трудность в том заключается, чтобы представить задачу в возможно более легком виде. Затем снимают с собаки парфорс и надевают кожаный

ошейник; поводок укрепляют не в белом, а в желтом кольце, так чтобы он не мог душить или, в лучшем случае, препятствовать свободному дыханию. Снимают с себя все охотничьи принадлежности и ведут к началу следа; шнурок берут в левую руку, а правой рукой перевертывают его так, чтобы рука отстояла от ошейника; командуют: «аппорт, вперед» и медленно идут за собакой, когда она нападает на след. Когда она пойдет по следу, ее нужно похвалить. Но только вздумает она травить со всей страстью, раздается: «тише» и ни в каком случае не переходят на более скорый аллюр. Никогда не

рекомендуется дергать за шнурок, как при дрессировке: ведь теперь он служит для того, чтобы в случае нужды удержать собаку, нежно отозвать ее, руководить ею, но не за тем, чтобы наказывать. Одним необдуманным жестом можно погубить все так, что собака никогда не пойдет по следу с доверением. Умеренность, терпение и выдержанность – вот что нужно.

Когда собака удачно проследовала по следу приблизительно за двадцать шагов до зайца, что на первых порах не всегда достигается легко, то ее берут осторожно за ошейник и

отстегивают ремень. Ни в коем случае не допускают, чтобы собака бросалась на дичь; раз она обнаружит подобное намерение, как ей командуют: «тише» и в случае надобности: «down – вперед – аппорт вперед».

Когда собака возьмет зайца, то ей говорят: «так – аппорт – вперед» и возвращаются обратно к месту, где охотничьи принадлежности. Собака должна следовать галопом. Здесь в начале следа у нее берут зайца.

Многие охотники, вероятно, удивятся, что я, требуя от уже дрессированной собаки с поиском, чтобы она преследовала дичь по

кровавому следу возможно быстрым аллюром, в то же время считаю необходимым, чтобы молодая собака при дрессировке проявляла медленный осмотрительный поиск. Вы спросите, каковы мотивы моего требования? А вот какие. Всякое молодое животное, учась бегать, делает попытку к этому не галопом, а шагом, значит и собака должна сперва научиться медленно идти по следу, чтобы не уклоняться в сторону. В собаке, дрессированной по моей системе, так развивается стремление преследовать дичь галопом, что вначале его нужно сдерживать, дабы беглость поиска не перешла в

легкомысленность.

Смотря по способностям собаки, потребуется от шести до восьми упражнений, прежде чем можно будет продолжать дальнейшую дрессировку. Все упражнения необходимо производить при невыгодном ветре, т.е. иными словами тот, кто производит след, должен идти по направлению ветра, чтобы собака при работе имела ветер в спину и могла держаться следа, руководясь лишь нижним чутьем, и всякий раз теряла след при попытке воспользоваться верхним.

Если собака обнаружит уверенность, след устраивают не

прямой, а зигзагами и поворотами, предварительно предупредив помощника, что в местах, где есть уклонение от прямой линии нужно укрепить на сучках деревьев кусочки бумажки. Если собака удалится от кровавого следа, то ее отзывают восклицанием: «это еще что»; правильно она работает – ее ласкают и направляют с помощью поводка. Понемногу увеличивают расстояние, на котором отстегивают поводок и предоставляют собаке свободный поиск, пока, наконец, дойдет до работы по кровавому следу протяжением в сто пятьдесят шагов без поводка: собака должна галопом

принести зайца к охотнику.

Если до сих пор кровь оставляли на воздухе четверть часа, то теперь понемногу начинают приучать собаку к холодному кровавому следу. Между моментом, когда устраивают искусственный след, и началом поиска дают пройти получасу, трем четвертям и, наконец, целому часу. Если собака удовлетворительно разрешит и эту задачу, то след удлиняют до двухсот, трехсот, четырехсот и, наконец, пятисот шагов, заставляя собаку проходить его разнообразными зигзагами и поворотами, густыми насаждениями и открытыми полями. Когда след

достиг такого протяжения, зайца нужно ставить на голову только время от времени. Вообще зайца нужно тащить по земле, чтобы кровь не слишком впитывалась в почву.

Можно попытаться делать следы и значительно длиннее пятисот шагов. Что касается моих взглядов на этот счет, то я придерживаюсь мнения, что если собака работает уверенно на предельном расстоянии, едва ли для нее будет наибольшей трудностью осуществить свою задачу и на большем. Можно также время от времени проделать опыт, – испытать способности собаки в отношении старых, несколько часов тому назад

сделанных, следов, хотя бы протяжением до двухсот-трехсот шагов. Я подчеркиваю слово – опыт, так как легче ведь, господа, сказать, пожелать, чем исполнить на деле. Весь вопрос в том, что птица (я не говорю о хищниках), стоит значительно ниже красной дичи не только в количественном отношении, но и по интенсивности своего запаха. Я лично всегда испытывал особенное удовольствие, когда мои собаки ухитрялись разыскать зайца по следу, имевшему «часовую давность» и не представляющему легкого материала для чутья. Если же собака сумеет утилизировать свои способности в

этом смысле через три или четыре часа, то я готов смотреть на нее как на единственный экземпляр, если хотите, просто феномен.

Путь, где должна пойти натаска, за день до упражнения обозначьте развешенными клочками бумаги, которые надеваются на сучки. Натаску ведите по лучистой линии, с многочисленными извилинами и зигзагами, протащите ее через ров и пр. Чтобы сбивать в целях тренировки собаку с толку, запутывать ее работу, протащите натаску шагов 200–300 по узкой дорожке или по тропинке и затем ведите кровавый след в густой лес,

держась на ветер. Необходимо также приучить собаку ходить по такой натаске, где местами совсем нет крови, как это бывает и на практике при выстрелах по бегающей дичи. Поэтому прикажите помощнику в известных местах поднимать зайца за передние ноги кверху и тащить по земле задней частью тела. Шагов через 50 или 60 снова начинайте кровавый след и, пройдя немного, бросьте зайца в густую заросль.

Разумеется, здесь многое зависит от того, настолько богата дичью местность, в которой вам приходится дрессировать собаку. Если в ней дичи мало, дело не

представляет никаких затруднений; в противном же случае, когда собаке постоянно попадаются горячие и давнишние следы дичи, ей поневоле приходится предпринимать массу бесполезных, ошибочных поисков. Чтобы успешно бороться против склонности собаки выходить из узких рамок своих обязанностей, в местностях, богатых дичью, необходимо начинать всю работу, что называется «с азов», т.е. вернуться опять к натаске длиною от 100 шагов и идти вперед, постепенно повышая требования.

Как одно из лучших упражнений, стоит проделать следующее:

начинайте натаску шагов за 50 от неглубокого ручья и, как всегда, идите против ветра. Помощник, между тем, пусть перейдет вброд ручей и продолжает натаску на другом берегу. Первое время, пока собака не освоится со своей задачей, путь натаски на другом берегу не должен идти далеко. Собака по кровавому следу дойдет до воды – и здесь след необъяснимым для нее образом вдруг обрывается. Так как она не может найти зайца, не получая с той стороны ветра, она начинает обыскивать свой берег и скоро ни с чем возвращается к хозяину. Теперь со словами:

«принеси, потеряна!» ведите собаку на кровавый след и, ободряя, заставляйте плыть через ручей; опять крикните ей: «принеси, потеряна!» и требуйте от нее, чтобы она продолжала искать. Скоро она найдет кровь – и пойдет по следу дальше. Повторив упражнение раза два, три вы достигнете того, что собака не станет больше сбиваться в воде, но не раздумывая поплывет на противоположный берег и там будет продолжать преследование. Повторять это упражнение надо при всяком удобном случае. Теперь не пожалейте труда подвести натаску к более широкому водоему и, обойдя

его, продолжите ее от противоположного места дальше.

Однако не следует смешивать работу по настоящему кровавому следу с кровавой натаской, как никогда не смешивает собака, раз ей уже показан истинный путь. На следу по раненой дичи у собаки просыпается страсть, пробуждаются охотничьи инстинкты; в ней оживает врожденная ненависть к хищнику; как неистовый Роланд летит она по кровавому следу кошки или лисицы, не обращая внимания на сотни козьих, заячьих и фазаньих следов; полная ненависти, не отрывая нос от земли, собака вся занята одной

мыслью – нагнать хищника и излить на него свое бешенство.

Ни один дрессировщик, знакомый с практикой охотничьего дела, не станет ожидать, что эти же инстинкты проснутся в собаке и в том случае, когда она идет по натаске, для которой служила нередко уже не свежая лисица, кошка, хорек или куница. Без сомнения, она принесет всякого хищника, так как это без конца вбивали ей парфорсной дрессировкой . Но совсем другое дело сознательно пройти все извилины натаски, которая тянется на 500 и даже на 1000 шагов. Тут уж

не может быть и речи о парфорсной дрессировке; она здесь так же беспомощна, как и при других работах собаки, которые она должна исполнять вдали от непосредственного влияния хозяина, предоставленная самой себе.

Кто имеет в своем распоряжении огороженный большой сад, парк и пр., тот первые упражнения должен начинать здесь, так как в замкнутом пространстве собака гораздо охотнее подчиняется приказаниям, и в то же время лучше понимает свою работу, чем на свободе.

Протащите кошку или лисицу по траве или по дерну, сначала шагов на

50–60, и затем заставьте собаку принести ее. Пользуясь опять той же кошкой, увеличьте натаску до 80 и до 100 шагов, а потом до 200. В закрытом пространстве собаку всегда можно заставить строго идти по следу и аккуратно делать приноску. В случае необходимости надо прибегнуть к помощи ремня. Если собака правильно работает в саду, при первом удобном случае утройте натаску по хищнику в лесу. Натаску по хищнику делают длиною шагов от 50 до 200 и, чтобы устроить ее, пользуются всяким удобным случаем.

Однако, раз собака не

отличается особенным усердием, избегайте давать ей такие натаски по хищнику, которые для нее слишком сложны. Если собака, идя по натаске, собьется со следа, что случается слишком часто – пусть дрессировщик не поддается легкомысленному отчаянию. Надо помнить, что при посредстве кораллов вполне возможно заставить собаку поднять лежащую перед ней лисицу или зайца; но в то же время совершенно невозможно одним внешним воздействием принудить ее к тому, чтобы она на протяжении нескольких сот шагов прошла все закоулки и извилины натаски. Если

собака пришла ни с чем, прикажите ей лечь и строгим тоном скажите: «что это? фу – стыдись!» Затем, скомандовав ей: «ищи, потеряна! – тише, тише!» идите вместе с нею. Пройдя некоторое расстояние, вы можете командой «down!» прервать движение вперед и затем идти дальше.

Если собака порядочно работает по приноске в лесу, начинайте упражнения в поле. Сначала выбирайте для упражнений неровные местности, где собака не может привыкнуть озираться во все стороны, и затем мало-помалу переходите на открытые поля или

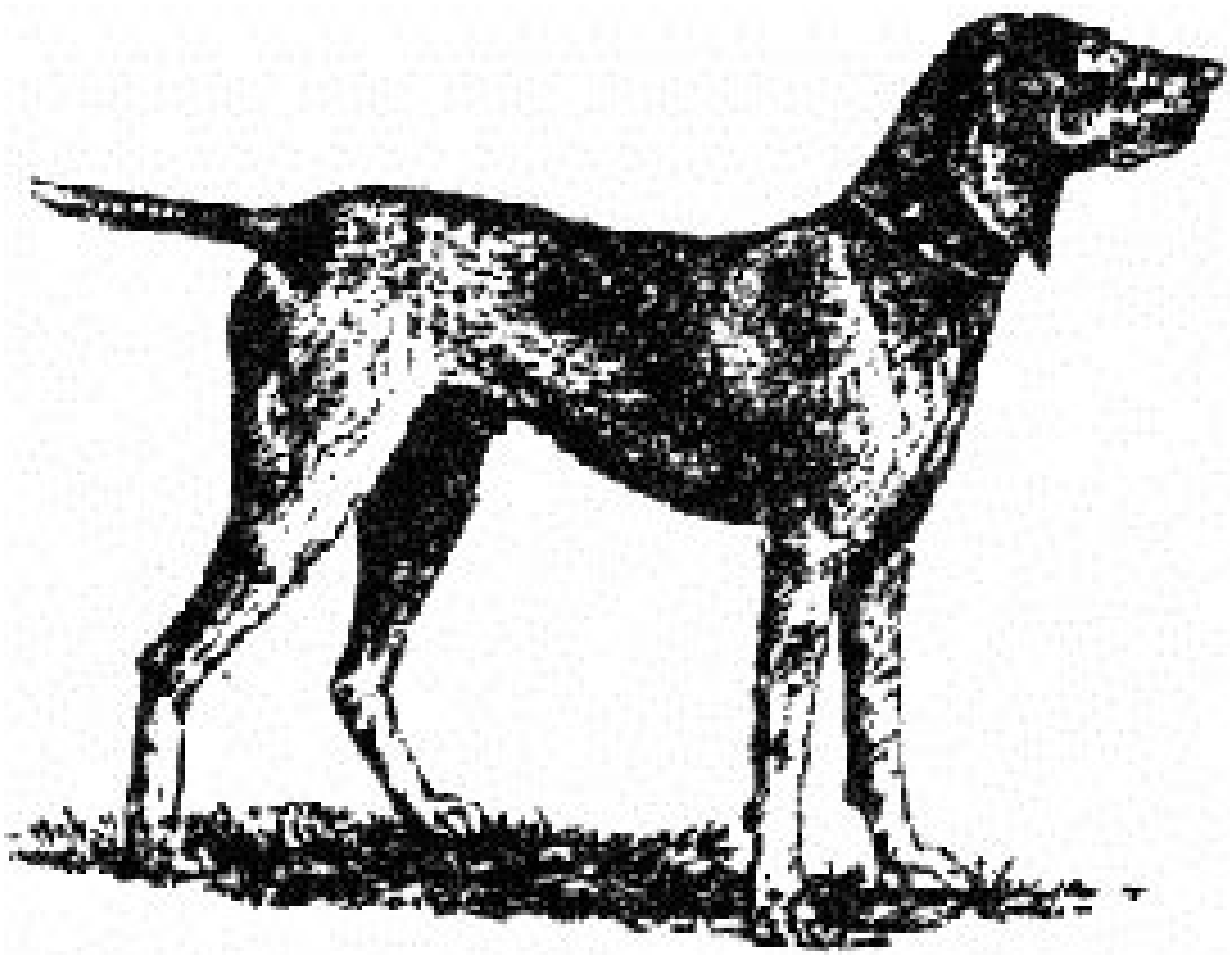
ровные луга.

Натаски в поле устраивают таким образом, чтобы они сначала шли шагов на 200 по вспаханному полю, затем свертывали вправо или влево и проходили по борозде; в конце путь натаски должен давать крюк, чтобы подойти к какому-нибудь прикрытию, например к рощице, картофельному полю и проч. Когда собака работает хорошо и уже близка к практической цели дрессировки, пусть даже ляжет на землю. Возвращаясь назад собака не должна искать своего хозяина глазами, чтобы бежать к нему прямой дорогой; напротив, она

должна до самого начала натаски идти по его следам. Когда собака проделает несколько таких упражнений, охотник делает 100–200 шагов дальше и прячется. От собаки требуется, чтобы она выучилась с дичью в зубах идти по следу хозяина, что на поле для нее гораздо труднее, чем в лесу.

С наступлением зимы не упускайте случаев устраивать натаски по мерзлой пашне; это такое упражнение, при котором от носа собаки приходится требовать очень многого, так как на замерзшей почве действие крови на чутье сохраняется только короткое время. Подобным же

образом в ближайшее лето не мешает потренировать собаку в натаске по зайцу или кролику при сильной жаре и на самом солнцепеке.



Немецкая легавая

4. Приноска потерянной дичи по настоящему кровавому следу.

Посредством искусственного кровавого следа мы приучили собаку к работе носом по земле и дали уяснить ей значение крови. Теперь она хорошо затвердила основные принципы, что кровавый след всегда ведет к дичи и что сознательный поиск по крови всегда обещает верный успех. Этим уже обеспечены наиболее существенные условия успешного поиска по раненой дичи.

Собаки, верно работающие на приноске, редки потому, что очень мало охотников берет на себя труд упражнять своих собак по кровавой натаске; наконец, из небольшого числа собак, хорошо работающих на

приноске, благодаря неумелому обращению, очень многие портятся снова.

Если мы имеем в виду добиться, чтобы молодая собака освоилась с кровавым следом и привыкла травить подстреленную дичь – нам гораздо более, чем при натаске приходится считаться с известным правилом, от соблюдения которого зависит весь успех: сохранение собакой спокойствия и хладнокровия.

Поэтому, начиная практику с молодой собакой, мы подходим к делу так. Непосредственно после работы по заячьей натаске, берем

собаку на сворку и идем с ней на новое хорошо знакомое место, но во всяком случае не на ровное поле, где собака может увлекаться гоном по «зрячему». Патроны берите с дробью и шагов на 25 или на 30 бейте взад по выскочившему зайцу; попасть старайтесь так, чтобы заяц мог пробежать еще шагов 100 или 150. Если есть основание предположить, что заряд попал «несогласно с предписанием», лучше ударьте по зайцу второй раз: это необходимо для того, чтобы не поставить собаку в опасность с первого раза сделать неудачную травлю.

Непосредственно после

выстрела скомандуйте собаке: «down!» и если заряд попал в зайца как нужно, смотрите, куда он побежит. Через несколько минут возьмите собаку на ремень и скажите спокойным тоном: «принеси потерянного!» и медленно ведите ее по кровавому следу. Собака набросится на след с жадностью, но вы ни в коем случае не позволяйте ей рваться вперед, напротив, постоянно умеряйте ее торопливость словами: «эй, тише!» Пройдя шагов 20 или 30, спустите ее со сворки и скомандуйте: «down!», а затем: «принеси потерянного!» и предоставьте теперь ее самой себе. Она усердно с

глубоким поиском побежит по следу и скоро будет около зайца. Когда собака вернется с зайцем, похвалите ее, прикажите сесть и затем, крикнув ей: «брось!» возьмите у нее зайца.

После нескольких упражнений с тяжелораненными зайцами увеличьте паузу от выстрела до начала поиска настолько, чтобы впоследствии пускать собаку на след только через полчаса после выстрела.

Теперь отпускайте зайца дальше, шагов на 40 и старайтесь отбить ему зад дробью. После выстрела командуете собаке: «down!», ждете несколько времени и затем, сказав собаке: «принеси, потеряно!» ведете

ее на то место, где был ранен заяц. Само собой понятно, что не надо разгорячать собаку частыми окликами, так как она и без того с жадностью бросится по следу. Слишком большое возбуждение самого охотника и частые оклики могут заставить собаку только растеряться, приучат ее к бесцельной суетне и вообще так или иначе испортят ее. Поэтому старайтесь сдерживать собственную торопливость, чтобы она не перешла у вас в полное отсутствие самообладания; покрикивая на собаку: «тише!», проведите ее по следу шагов на 20 или на 30 и

давайте ей полную свободу только в том случае, когда вы уверены, что она держит след. Соблюдение этих правил при начале работы имеет решающее значение в смысле дальнейшего развития собаки.

Если собака соскочит со следа и, потеряв его, придет назад без зайца, строгим тоном скажите ей: «фу! – стыдись!» Затем возьмите ее на ремень и начинайте поиск снова. Само собой понятно, охотник употребит все усилия, чтобы овладеть подстреленным зайцем.

Наконец, нет никакого препятствия считаться со старым, золотым правилом охотников

относительно благородной дичи – дать ей время разболеться; в ограниченных пределах оно применимо также и к зайцу; после выстрела надо обождать, по крайней мере минут 5–10 и затем уже начинать поиск.

Но, разумеется, шансы окажутся существенно различными, если придется иметь дело с подстреленной лисицей, которая обыкновенно чертовски мало выказывает желания прятаться и старается юркнуть в первую попавшую нору; а приноска лисицы из норы совсем уже не дело неопытной собаки.

Травля раненого зайца докажет охотнику на практике, настолько правильна рекомендованная мною метода подготовки собаки. Кто хоть раз видел, насколько собака, дрессированная только по зайцу, непригодна для травли другой дичи и сколько она упускает зайцев, самым постыдным образом прекращая преследование через несколько сот шагов – тот пошлет к черту всех этих «чистых зайчатников».

Как и прежде, я здесь решительно высказываюсь против ищейной охоты на зайца; но в то же время я настоятельно рекомендую всякому охотнику в течение октября

и ноября не упускать ни одного случая травли по раненому зайцу и основательно упражнять собаку натаской с зайцем и с плотоядными.

Поэтому, руководствуясь вышеприведенными соображениями, пускайте собаку травить каждого подстреленного зайца. Чем чаще собака будет травить раненую дичь, тем больше приобретет она опытности и тем скорее поймет различие между кровавым и здоровым следом, между раненой и здоровой дичью. Если случаи приноски встречаются часто, в течение немногих недель собака достигнет того, что совсем

перестанет обращать внимание на здоровую бегущую дичь.

Однако пусть охотник всегда избегает известной большой ошибки – водить на охоту молодую собаку вместе с другими собаками. Молодая собака не только усвоит себе все пороки товарищей, но, благодаря зависти, которую возбуждает в ней одно присутствие посторонней собаки, привыкнет к веселой беготне по кровавому следу.

Охота по водяной дичи

1. Летом и осенью.

Собака, которая радует охотника на водяной охоте и приносит ему пользу, должна иметь особую склонность к мокрой стихии – она должна ее любить, а не бояться. Этот принцип я достаточно прочно установил уже в предыдущих разделах, когда давал руководство к испытанию охотничьих способностей собаки, а также к предварительным упражнениям в работе по воде. Правда принципы очень часто так хороши бывают на бумаге и замечательно легко попадают в ящики «седой теории». На практике же дело нередко

принимает совсем иной оборот.

Какой охотник с легким сердцем бросит собаку с тонким чутьем и выдающимися способностями к работе по крови – бросит только потому, что она неохотно идет в воду? С другой стороны, кто станет кормить и водить на охоту ни к чему не нужную дворняжку только за то, что она в воде чувствует себя, как настоящая гадюка? Работа по воде требует совершенно особых способностей, и поэтому мы кладем тщательный племенной подбор в основу всех требований, необходимых для того, чтобы определить пригодность собаки для

целей водяной охоты.

Мы никогда не сможем принудить собаку искать, травить или задушить хищника; подобным образом нам никогда не удастся заставить собаку пойти за подстреленной уткой через воду тростниковой заводи или вообще покинуть берег! Побудительной причиной к работе – а в особенности к работе по воде – остается собственная страсть собаки к охоте. С этой точки зрения написано все следующее здесь руководство к водяной охоте. На первом плане предполагалось показать охотнику, как сделать по возможности

полезной в воде всякую собаку, не обладающую большими склонностями к этой работе; и в то же время как правильной постановкой дела избежать опасности вконец испортить такую собаку. На водяной охоте приходится пускать собаку на поиск, заставлять ее подкрадываться к дичи, нагонять дичь на охотника и, наконец, делать стойку. При всех видах охоты собака безусловно необходима, так только в очень редких случаях охотник может достать дичь без содействия хорошего apporteur'a.

Я предполагаю, что в продолжение июня месяца молодая

собака хорошо напрактиковалась в приноске дичи из глубокой воды и до некоторой степени научилась в сопровождении старой собаки разыскивать водяную пернатую дичь. С началом водяной охоты следует переходить к практике. Правило, что молодая собака сначала должна пройти охоту по куриным, хорошо только на бумаге, да и другие теоретические правила совершенно неприменимы на практике охотничьего дела. Самое удобное время вести собаку на охоту по водяной дичи – это июль месяц, когда теплая погода и температура воды заставляют почти каждую

собаку по своей доброй воле искать прохладных водоемов. Но важнее всего то, что молодая пернатая дичь всех родов как нельзя больше подходит для работы-начинающей собаки.

Я рекомендовал бы охотникам первое время не водить молодую собаку на охоты, предпринимаемые большой компанией; гораздо лучше будет, если вы пустите ее одну со старой, опытной собакой. Как только заметите в тростниковой зарослн, не слишком густой, дабы могла пройти собака – вереницу утят, годных для охоты, немедленно начинайте работу: ищите уток, пускайте на

поиск собаку и старайтесь подогнать их на край тростниковой заросли. Я – решительный противник привычки некоторых охотников отбивать выстрелом от вереницы матку, чтобы не ушли утята. Если речь идет о том, чтобы дать собаке такую работу, которая бы возбуждала ее страсть, то я могу только посоветовать обратиться в этом случае к старому доброму правилу – стрелять старую утку, как только она поднимется и полетит через камыш. Оставшись без вожака, утята тотчас же кинутся в разные стороны, и у молодой собаки на целые часы будет такая работа, которая способна возбудить ее

страсть до самых крайних пределов. Прежде всего надо запастись достаточным количеством камешков величиною с грецкий орех; потому что в случае надобности их не всегда можно найти на месте. Камешки эти понадобятся для того, чтобы, бросая их, показать собаке то место, куда упала подстреленная утка: собака не видит сама в тростнике. После нескольких упражнений она поймет, что камни бросают затем, чтобы показать ей, куда плыть.

Само собою понятно, что на воде выстрел не может служить для собаки приказанием ложиться. На водяной охоте не следует приучать

собаку ложиться по выстрелу даже и в том случае, кода она находится на берегу. Командовать собаке «принеси!» рекомендуется тотчас же как только упала дичь – и вот почему: во-первых, собака привыкает при звуке выстрела направлять глаза в ту сторону, куда упала птица, а это очень важно в том отношении, что облегчает приноску дичи из едва проходимых тростниковых заводей, поросших вьющимися растениями. Во-вторых, собака обнаруживает здесь гораздо большую страсть в приноске, чем в том случае, когда при помощи арапника ее заставляют ложиться и идти за дичью только

после некоторой паузы.

Шум, производимый крыльями утки, собака привыкает узнавать очень быстро и идет прямо на него; но, кроме того, шум этот приводит собаку в такое сильное возбуждение, что она шутя переносит все трудности, а зимой это особенно важно.

Как только в конце июля можно будет водить собаку в поле на куропаток, почаще меняйте водяную охоту на ищейную по куропаткам и по-прежнему стреляйте по взлетающим куропаткам холостыми зарядами. С началом охоты по куриным представляется прекрасный

случай показать собаке все глубокое различие между водяной и полевой охотой . После каждого выстрела командуйте собаке «down!» и первое время не давайте ей приносить ни одной куропатки, подбирайте их сами. При таком способе собака скоро заметит, что ей только на воде дается полная свобода. Ее склонность к водяной охоте может возрасти от этого самым неожиданным образом. В воде собака должна схватывать и приносить всякую птицу, даже и не подстреленную. Если ей случится поймать молодого утенка, тотчас же крикните ей резким тоном:

«принеси»; как только принесет, скажите ей: «сядь!» и осторожно возьмите у ней дичь, а затем пойдите на луг и заставьте собаку несколько раз приносить ее. Если поблизости есть неглубокая вода, подкиньте туда утку и повторите упражнение с приноской, цель которого – приучить собаку бережно схватывать дичь.

Всякий охотник впоследствии увидит, насколько справедлив мой принцип никогда не принуждать собаку к работе на воде, никогда не наказывать ее во время самой охоты и даже не принимать строгого тона в голосе. Здравый рассудок должен подсказать каждому, что на водяной

охоте собака действует исключительно под влиянием своей страсти; всякие наказания , прикрикивания неизбежно изгонят из нее последний остаток этой страсти. Как можно рассчитывать, что собака из боязни наказания пойдет в холодную воду, станет с величайшим трудом пробираться к утке сквозь целый лабиринт вьющихся растений? Только абсолютное невежество способно дойти до таких выводов!

Поэтому мы будем говорить здесь о таких собаках , которые не идут в воду по другим причинам. Если вы имеете основание

предполагать, что собака, не дойдя до утки, вернется с половины пути, ни в коем случае не надо приказывать ей: «принеси!» Команду «принеси!» собака привыкает понимать как выражение безусловного приказания, неисполнение которого неизбежно влечет за собою наказание.

Не обращая непосредственного внимания собаки на лежащую в тростнике утку, ободрите ее словами: «ищи, собаченька!» и заставьте работать как обыкновенную ищейку, а сами между тем, бросая камешки, старайтесь направить ее так, чтобы она, плывя по ветру, носом узнала,

где лежит утка. Если же собака все-таки отказывается работать, то заставьте ее сначала поискать где-нибудь в другом месте, дайте выстрел с целью показать собаке, что перед нею какая-то дичь, и затем опять идите к воде. Поиск всегда следует делать с подветренного берега, так как в этом случае все выгоды на стороне собаки. Вообще, стоит собаке хоть один раз найти утку – она только в очень редких случаях станет отказываться от приноски; иначе она совершенно не способна к работе на воде, и ожидать от нее нечего.

Не будет также большой беды, если вы такую собаку приучите

горячиться по выстрелу: ударив по какой-нибудь птице, бегите по берегу и все время настойчиво повторяйте: «принеси! принеси!»

Таким приемом очень часто удается достигнуть того, что, придя в сильное возбуждение, собака совсем перестает бояться воды и скоро становится вполне годной для приноски. Для хорошего охотника нет никакого труда сдерживать свою собаку на полевой охоте, а у плохого собака и без этого на воде всегда будет горячиться.

Здесь придется принять во внимание и некоторые другие случаи, по отношению к которым все

вышесказанное остается в полной силе. Иногда собака, узнав, что нечего бояться наказания, начинает отказываться от работы на воде; происходит это благодаря упрямству или же от врожденного тупоумия собаки. Бывают, напротив, и такие собаки, наказывать которых совершенно бесполезно. Но как только охотник убедился, что виною всего не боязнь воды, а простое упрямство или капризы собаки, надо прибегнуть к наказанию: если собака, вместо того, чтобы по команде охотника обыскать всю тростниковую заросль, не рвется выполнить приказ, резким тоном

отзовите ее обратно, затем наденьте на нее кораллы теснее чем обыкновенно и привяжите на ремень. Одна из самых тяжелых задач собаки на водяной охоте – это при-носка подстреленной утки, в особенности такой, которая еще может перелетать. Всякий охотник, кому много приходилось охотиться по старым водам, поросшим густым камышом и вьющейся растительностью, знает, как редко удается собаке принести летающую утку из такой воды.

Пусть охотник никогда не бьет дальше как на 40 шагов; ему очень редко придется тогда иметь дело с

такими утками , у которых раздроблены только кости крыльев. Если дробь попадет утке еще и в тело, то она очень быстро ослабевает, и тогда ей вряд ли ускользнуть от хорошей собаки. Для настоящего охотника очень важны признаки, по которым он может заключить, подбиты ли у утки только крылья или же заряд попал хорошо. Прежде всего надо обращать внимание на то, как утка держит во время падения шею. Если шея и голова опущены, относительно при-носки нечего беспокоиться: утка тогда подстрелена хорошо и нырять больше не будет. Иное дело, если утка, падая

в воздухе, машет крылом, прямо держит шею и, упав, с быстротою молнии исчезает под водой. Эти признаки дают возможность подозревать, что у ней перебито только крыло. Но раз она ныряет не тотчас же, а только, когда подойдет собака, то это значит, что дробь попала ей еще куда-нибудь и она скоро ослабеет.

При поиске подстреленной утки надо соблюдать нижеследующие правила. Если подстреленная утка упала в заводь, куда собаке не пройти сквозь непроницаемый лес тростника и вьющихся растений, не стоит бесцельно утомлять собаку,

оставьте это новичку. В крайнем случае пошлите собаку в то место, где упала утка, и если она там ничего не найдет, позовите ее свистом обратно. Утка, значит, только подбита и искать ее надо другим способом. Единственное и притом нежелательное последствие немедленных поисков – то, что они будут продолжаться очень долго. Поэтому идите дальше и возвращайтесь на это место через два-три часа или даже на следующее утро. Подстреленная утка никогда не останется на середине воды, если только ее не беспокоят. Она всегда приплывает к другому берегу и

останется там одна с своими болями в прибрежной траве или в тростнике небольшой заводи; на реках утка идет обыкновенно по течению. Подождать немного с поисками рекомендуется уже по тому одному, что утка обессиливает и вследствие опухоли разбитого крыла в значительной степени теряет способность к движению.

Если же поиск по этому способу остается без результата, между тем берег обыскан на расстоянии нескольких сот шагов, то пусть все-таки собака осторожно ищет и на обратном пути; в случае если собака нападет на утку, окриком: «береги!»

остановите и не позволяйте схватывать, а заставьте ее сделать стойку. Если собака стоит по направлению к воде, постарайтесь увидеть утку и затем бейте ее из-под собаки наповал. Поэтому надо приучать собаку делать стойку по подбитой утке, не производя бесплодных попыток схватить ее. В крайнем случае заставьте собаку обегать прибрежные окрестности шагов на сто в ширину и то же самое сделайте на другом берегу.

2. Водяная охота зимой.

В общем при работе собаки на водяной охоте по зиме надо соблюдать следующие правила:

1. У собаки должна быть плотная густая шерсть.

2. Она ни в коем случае не должна быть моложе двух лет и в продолжение осени должна закалиться на водяной работе. Изнеженные собаки, воспитанные в комнате, не для этих трудностей.

3. Больные или выздоравливающие собаки, суки во время течки, щенные или со щенятами пусть остаются дома.

4. Перед охотой собаки получают хорошую мясную еду. Никогда не следует водить их в водяную работу в разгоряченном состоянии, после травли.

5. Если собака вечером должна идти по уткам, ей необходимо как следует просохнуть; поэтому ее нельзя перед этим посылать в воду.

6. Самым же главным правилом при охоте на уток остается следующее: убитые наповал и подстреленные утки должны лежать в воде до конца охоты, и затем собака немедленно начинает их приносить. Уток с подбитыми крыльями в случае необходимости приходится искать на другой день утром, как это было указано раньше.

7. Если собака выходит из воды, не берите ее на сворку, но пусть она бегает и резвится, сколько ей угодно.

Это необходимо для того, чтобы избежать опасности простудить собаку, тем более что продолжительное бегание легче всего вызывает в ее организме нужное противодействие внешнему охлаждению.

8. Если же собака отказывается идти в воду и, дрожа от холода, продолжает стоять на берегу, оставьте все способы принуждения: холодная вода не место исправлять недостатки дрессировки.

9. Придя домой, хорошенько вытрите собаку соломой и введите ее в такое место, куда при других обстоятельствах она никогда не

должна входить – в теплую комнату. Здесь ее почетное место у ног своего хозяина. Через несколько времени дайте ей корму.

10. В свою конуру, выстланную сухой соломой, собака входит только через два часа, когда шерсть на ней вполне высохла.

Есть целые сотни грехов против этих «десяти заповедей» водной охоты зимой, и между тем каждый из них ставит собаку в опасное положение.

Если северные утки остаются зимовать у нас, охота на них производится главным образом по утрам и по вечерам, и вот здесь-то и

гибнет множество собак. Многие охотники делают непростительную ошибку – посылают собаку в воду за каждой убитой уткой и до конца охоты заставляют ее с мокрой шерстью лежать на холоде. Нет слов, нет выражений, чтобы осудить такое невежество!

Величайшая опасность для собаки – это попасть в такую заводь, которая у берега покрыта крепким льдом, посередине же имеет тонкий, обманчивый ледок. Если поблизости нет особых спасательных средств – геста с крюком, камыша и пр., беспомощная собака обыкновенно погибает, так как страх и холод

быстро отнимают у ней последние силы.

Поэтому охотник должен обладать большой осторожностью и быть очень опытным, раз он желает избегнуть тех опасностей, которые грозят его собаке.

Натаска собаки во втором поле

На языке охотника понятие – «собака вступает во второе поле» не что иное, как повторение пройденных уроков, необходимая

репетиция натаски. Так как собак большей части натаскивают весной, то и вступление их во второе поле считают началом следующей новой весны.

Само собой понятно, что и со второго поля собаку нужно натаскивать на дичь возможно тщательнее, ибо собака в продолжение нескольких месяцев не делала стойки в поле, и, наконец, дальнейшее натаскивание дает возможность еще больше развиться способностям собаки, сглаживает все шероховатости дрессировки, а равно и недостатки, которые замечались во время зимней охоты.

В особенности необходимо заставлять собаку садиться при холостых выстрелах по куропаткам. Во втором поле не следует обращать большого внимания на то, чтобы собака ложилась, исключая лишь те случаи, когда собака сильно горячится. Конечно, подобную горячность следует охлаждать. Раз этот весьма существенный недостаток удается устранить, нужно приохотить собаку садиться. Тогда подружейная собака должна обнаруживать все свои способности, а не одно лишь чутье: так она должна следить за направлением, по которому падает застреленная птица,

и загнать в то место, где она скрылась.

Опытный охотник заставит работать собаку по кровавому следу при первом возможном случае и отыскивать разных хищников при самых неблагоприятных условиях, например, в середине лета на выжженной почве. Собаку следует приучать к разного рода охотам , хотя бы она и предназначалась специально лишь к одной какой-либо категории охоты; такая подружейная собака будет всегда и везде полезна на любой охоте. Разносторонняя, если так можно выразиться, многообъемлющая деятельность

собаки явится для охотника предметом и его удовольствия и вполне понятной гордости. Присутствие такой собаки сделается насущной необходимостью, своего рода правилом, и охотник, который не может похвастаться «энциклопедичностью» собаки, узко специализированной, лишь «стрелок» – не больше. В этом выражении не столько иронии, сколько меткой и правдивой характеристики.

1. Натаска во время весенней охоты.

Когда лес вполне оденется свежей листвой и зелень сделает его

темнее и сочнее, тогда охотник должен переменить дробовое ружье на винтовку. К этому времени и олень, сбросив уже обветшавшую зимнюю шубу, облечется в красивую летнюю одежду. С большим наслаждением настоящий охотник предпочтет винтовку дробовому ружью.

Всякая дичь заслуживает пули – это основное положение, которого должен придерживаться каждый начинающих охотник. Натаскивать собаку на весенней охоте в особенности важно, так как здесь собака имеет дело с настоящей работой по кровавому следу.

Животное, раненое пулей, даст действительно настоящий кровавый след, в противоположность ране дробью; по этому настоящему кровавому следу нужно натаскивать собаку и притом здесь можно установить известные правила, выработать систематические упражнения. Огромное значение для благоприятных поисков – это установить признаки, по которым охотник может определить, ранено животное или нет.

Начинающий охотник должен руководствоваться следующим правилом: заметить в прямом направлении от себя какой-либо

предмет (шагах в 120–140), например, дерево, камень и т.п., словом, чтобы сразу найти то место, где находилась собака после выстрела. Если собака вслед за выстрелом остается на месте хотя одну секунду, то можно сказать, что, вероятно, это промах, и не искать. Если же дичь ранена, то это можно узнать по странному движению собаки в момент выстрела; охотники говорят: «дичь рисует» или «дает знак». Редко подстреленное животное падает на месте в момент выстрела; обыкновенно оно бросается прочь, особенно при удачном выстреле (в лопатку) и

падает в некотором расстоянии. После выстрела тотчас же нужно осмотреть то место, где стояло животное (обращать внимание на следы). Настоящие следы представляются в таком виде:

1) Упавшие от выстрела клочья шерсти нужно осмотреть по цвету и по длине. Если найдено много шерсти и она лежит кусками обыкновенной длины и притом с корнями, то это – дурная примета, указывающая, что выстрел «смазан»; исключение представляет олень, у которого нельзя найти подобных волос даже и при «смазанном» выстреле.

2) Куски кости, их форма, цвет и свойства, указывают ясно, к какой части скелета они принадлежат; такие кости можно найти на противоположной стороне выстрела, недалеко от следа.

3) Кровь на следу или рядом – самая верная примета; по цвету можно узнать о раненом месте. Светло-красная кровь указывает на поранение артерии – знак хороший.

Если цвет крови темный – и она ляжет большими каплями в некотором расстоянии друг от друга, то, значит, ранена вена.

Когда же кровь светло-красная, очень жидкая по консистенции и

видна на коротком пространстве, то, следовательно, легко поранены мышцы.

Светло-красный пенистый цвет указывает, что выстрел попал в легкое.

В данном случае животное теряет много крови и его находят упавшим шагах в 50–200 от места выстрела. При ране в лопатку животное дает знак движением вперед, как будто оно хотело упасть вперед, потом вновь выпрямляется и, опустив голову вниз, с невероятной быстротой мчится на кусты и деревья, чтобы упасть в первом неровном месте.

В этом случае животное падает под огнем выстрела, так как такая пуля разрывает важные кровеносные сосуды, производит сильное потрясение спинного мозга, убивает животное наповал.

Стрелять в шею особенно рекомендуется не только вследствие абсолютной смертельности, но равно и потому, что это не портит дичь.

Более нежная дичь обыкновенно через час настолько ослабевает от раны, что собака может ее после непродолжительной травли свалить на землю.

При таком выстреле животное делает движение задними ногами,

как бы желая ими брыкнуть; потом подстреленное животное довольно медленно убегает, забивается в чащу, где вскоре и падает.

Быстрое и решительное преследование такого животного неприменимо, потому что его можно иннервировать или затравить и оно, собрав последние силы и энергию, уходит далеко. Кровавый след при этом слишком незначителен, животное может совершенно скрыться из виду. Вот почему охотясь и на оленя, следует переждать часок, чем преждевременно пустить собаку на слабый след.

При выстреле в бедро животное

садится, снова встает и уходит медленно на небольшое расстояние. Козу собака обыкновенно кладет на месте.

Очень действительным бывает выстрел в переднюю ногу. Если такая пуля сидит слишком низко, то она обыкновенно захватывает лодыжку.

Поэтому рекомендуется направить прицел сзади передних ног, не обращая внимания на то, что пуля, засевшая в лопатку, действительнее.

Если стреляют в передние ноги, то моментально освобождают собаку и предоставляют ей покончить дело с раненым животным, так как

последнее в противном случае обратится в бегство и преследовать его чрезвычайно трудно.

Преследование животного, подстреленного рано утром и обратившегося в бегство, нужно начать до наступления жары, которая затрудняет собаке поиск по кровавому следу; в особенности необходимо придерживаться этого правила, если охотятся в еловом лесу с песчаной, бедно покрытой растительностью землей; когда же охота началась с вечера, то преследовать раненое животное нужно всегда начинать на следующий день до восхода солнца на утренней

заре.

Те наставления которые даны выше, относительно работы по настоящему кровавому следу, вполне применимы и здесь.

Работа обыкновенной собаки на облаве

1. Общие положения .

С началом сезона облавной охоты – поздней осенью – собака попадает в особое положение, по своему существу совершенно отличное от тех обстоятельств, при

которых ей приходилось до сих пор ходить на охоту. Прежде всего мы оставляем здесь принцип, которому прежде всего следовали – водить собаку на охоту одну и держать ее в стороне от различных влияний, неизбежных при охотах большим обществом.

Самая большая опасность для правильного ведения охоты на облаве – это страсть охотника «пострелять», которая обыкновенно берет верх над всеми соображениями иного характера.

Если облава идет по местности, богатой дичью, естественно, всякому охотнику хочется побить дичи как

можно больше; чем больше удается стрелку положить дичи, тем сильнее его слава.

Настоящего охотника, который отказывается от облавы, чтобы не упустить удобного случая потренировать свою собаку по кровавому следу или в поиске раненого зайца – такого охотника в лучшем случае будут считать странным фантазером и начнут преследовать добродушными насмешками, как оригинала.

Самое важное правило облавной охоты – это держать собаку на ремне; ни под каким видом нельзя вести собаку без привязи. Если она уже и

не нуждается в привязке, вы все-таки возьмите ее на ремень, не столько ради хорошего примера, сколько из уважения к товарищам по охоте.

Вполне естественно, что какой-нибудь «Тирас» кинется за первым попавшимся зайцем – злости и досаде не будет конца; стрелки, для которых «постыдно водить собак с собою на облаву», не постесняются ни в каких сильных выражениях.

На всех облавных охотах всегда надо держаться заповеди: «Собака на привязи! Спроси, можно ли ее отвязать!»

Молодую собаку никогда не пускайте на работу, пока еще

продолжается облава, или же, после окончания ее, когда вокруг вас собрались стрелки, загонщики и другие собаки. Если вы хотите пустить собаку по подстреленной дичи, сначала узнайте, кончилась ли облава, на которой дичь подбита; раз облава еще продолжается, само собой понятно: поиск раненой дичи надо оставить.

Если же нет никакого препятствия для того чтобы пустить собаку в дело, то все-таки обождите, пока охота будет далеко и все опасения, что собаке помешают, сделаются излишними.

В холодное время года перед

выходом в поле собаке всегда надо давать хорошего мясного корма. Особенно важно это для собак с короткой шерстью, которые только тогда могут работать по снегу при сильном холоде, когда в их организме происходит усиленный процесс пищеварения.

2. Обращение с собакой на лесной облаве.

На собаку надевается ременный ошейник, белой стороной внутрь. В сумку кладутся дрессировальный ошейник, ременная цепь и сыромятный ремень .

Приспособленную для травли бечевку охотник обвязывает вокруг

себя; плеть застежкой прикрепляется к карабину. Свисток кладут в футлярчик на кожаном поясе, чтобы его никогда нельзя было позабыть.

Придя на сборный пункт, собаку тотчас же надо взять на бечевку и отвязывать во время охоты только в том случае, когда собака должна идти на работу.

Во время остановок пусть собака ложится в сторонке, около сумки и ружья. Верх нелепости позволять собакам затевать возню между собою в таких случаях.

Если какая-нибудь бродяга подбежит к вам и начнет возню с вашей собакой, хлестните ее получше

арапником, хотя в сущности говоря, бить надо бы не собаку, а ее хозяина.

Если охотнику приходится стоять на определенном месте, то прежде всего он должен взять собаку на бечевку и положить ее по возможности за каким-нибудь прикрытием. Отстегните от ружья ремень, обмотайте вокруг палки, затем возьмите в руки ременную плеть и скажите собаке: «down!»

Первое время надо строго наблюдать за тем, чтобы молодая собака клала голову по правилам, между передними ногами и лежала, не шевелясь и совершенно не обращая внимания на все, что

происходит вокруг нее.

Я рекомендовал бы охотнику на первом поле проводить все эти правила со всей строгостью педантизма.

Первое послабление немедленно влечет за собой дальнейшие пороки, и в конце концов собака при виде дичи начинает вскидывать ремень и призывает к неисправимому пороку – к визжанью; и в этом случае пригодность ее для облавной охоты – вопрос довольно серьезный.

Никогда не следуйте обычаю некоторых охотников – класть собаку позади своего места; всегда ищите подходящее местечко для собаки

впереди или справа, шага за два, за четыре от себя, и положите ее за кустом или в небольшое углубление, например, в сухой ров.

Охотник, который главной своей задачей считает правильное воспитание собаки, без сомнения, всегда пропустит несколько экземпляров дичи, между тем как чистый «стрелок», стоя у своего номера, как кот у мышиной норы – не пропустит уже ни одного.

Опытный охотник, прислонившись к дубу или буку, не моргнет ни одним глазом и, подпустив дичь на выстрел, вскинет ружье и положит ее с полным

хладнокровием. Раздался выстрел – плеть уже в руке: «down!» (плеть надо затыкать за голенище).

Просто удивительно, насколько быстро это «лягушачье» хладнокровие охотника передается собаке и как сильно оно ей импонирует!

Пусть охотник избегает всяких торопливых движений (заряжая ружье, отыскивая патроны, прицеливаясь и др.) – и скоро будет в состоянии класть собаку без привязи, раз она дрессирована по моей методе.

После нескольких облав собаке не придет мысль поднимать голову

при виде дичи, при выстрелах соседних охотников или же, наконец, на шум приближающихся загонщиков.

Если смертельно раненая дичь покатится перед охотником или, очутившись за линией огня, исчезнет в чаще, никогда не следуйте известной ошибке: спускать собаку во время облавы.

Раз вам не удалось настигнуть дичь вторым выстрелом, всегда ждите конца облавы. Теперь замените сворку ружейным ремнем и ведите собаку на кровавый след, как только собака напала на след, отстегните ее и скажите: «принеси,

потеряна!» а сами оставайтесь на своем месте.

Стоит только вам пустить молодую собаку на работу раньше окончания охоты, – частые выстрелы, пробегающая дичь, крики загонщиков заставят ее растеряться настолько, что собака никогда не пойдет верно по кровавому следу; об этом не может быть и речи. Очутившись в таким положении, молодые собаки, несмотря на то, что при других обстоятельствах работают с полной уверенностью, очень часто начинают гонять на облаве без всякой цели взад и вперед; наконец, нападают на след здоровой

дичи и угоняют ее за линию облавы, к досаде всех охотников.

Большая осторожность необходима также и в том случае, когда вам приходится искать дичь, подбитую не вами лично, а другим стрелком.

Прежде всего надо принять во внимание самую личность стрелка, который указывает вам подстреленную дичь. Если это знакомый вам опытный охотник и хороший стрелок, то, разумеется, не может быть никаких сомнений относительно достоверности его показаний.

Если же, наоборот, вам

приходится иметь дело с обыкновенным охотником-пустомелей, будьте осторожней и верьте только тому, что видите собственными глазами. Очень желательно было бы тому стрелку, который указывает вам дичь, делать маленький допрос в присутствии свидетелей.

Прежде всего требуйте от стрелка, чтобы он показал вам то место в лесу, где находится подбитая им дичь. По самой картине выстрела, которая развертывается в лесу, а также по высоте и глубине последнего, опытный охотник, в связи с другими указаниями, всегда

сумеет определить приблизительно все виды на успех поисков. Когда заряд шагов на 40–50 попал хорошо, шерсть лежит маленькими клочками и таким образом легко можно заключить, что она вырвана дробинами, пробившими тело дичи. При таких выстрелах шерсть всегда бывает совершенно чистою и это дает возможность предположить, что заяц лежит мертвый на расстоянии 60–100 шагов.

Иначе обстоит дело при беглых выстрелах, когда охотник бил с очень близкого или, напротив, слишком далекого расстояния, или же, наконец, как обыкновенно и бывает –

стрелял по дичи взад. Здесь, разумеется, вы не увидите никакой шерсти; но кровь дают беглые выстрелы в большинстве случаев недурно, и по той жадности, с которою приведенная на ремне собака бросается на след, с некоторой вероятностью можно заключить, что мы имеем дело с беглым выстрелом. Больше всего затруднений для собаки представляет выстрел в передние ноги, с которым дичь, а в особенности зайцы, выдерживают далекое преследование. Если зайца не принесла быстрая, опытная собака, специально дрессированная на

приноску, он погибает поистине ужасным образом – от воспалительного омертвения ног, иногда через несколько недель.

При поиске подстреленной козы исследование выстрела по дробинам на ветвях имеет совершенно особое значение, когда вы одновременно принимаете во внимание положение стрелка при выстреле и направление выстрела. Благодаря такому исследованию очень часто удается наверняка определить, что по козе дан был промах.

В сомнительных случаях хороший охотник исследует вместе с собакой след шагов 60–70; делать это

он должен сейчас же, взяв собаку на травильный ремень.

Принимая во внимание недостаточность крови, которую дает дробовой выстрел, такие облавы, на которых козы убиваются вместе с зайцами и фазанами, по возможности следует устраивать по снежной тропе. Тогда очень легко бывает узнать; тяжело ли ранена дичь; стоит только спустя час пройти по кровавому следу до лежки раненой козы и отстегнуть собаку – дичь уже ваша; неудачные травли в этом случае бывают очень редко.

На первом поле не рекомендуется приучать молодую

собаку к ищейной работе, раз вы идете вместе с загонщиками или вышли на поиски раненой дичи на другой день после облавы.

По собственному опыту могу сказать, что многие собаки веселое рысканье и свободное преследование по горячему следу скоро начинают предпочитать сознательной работе по крови, и продуктивность их, благодаря этому, заметным образом ослабевает.

Верная приноска потерянной дичи и правильная работа по крови всегда должны считаться главными задачами обыкновенной собаки.

3. Обращение с собакой на

полевой облаве.

Работа молодой собаки на облавной охоте в открытом поле значительно одностороннее, чем на лесной облаве, и роль собаки гораздо проще; тем не менее умелое обращение с собакой при полевой облаве в некоторых отношениях труднее.

В открытом поле она не только слышит крики загонщиков и трескотню выстрелов, перед ее глазами развертывается вся картина охоты.

Масса этих впечатлений, действуя на собаку возбуждающим образом, заставляют ее выходить из

пределов дисциплины, и если вы не желаете, чтобы маленькие проступки развились потом в опасные пороки, старайтесь подавить их в самом начале.

Ни в коем случае не оставляйте собаку на первом поле без привязи. Если место никак не позволяет вам положить собаку под прикрытием впереди себя, заставьте ее на сворке лечь рядом с собой.

Всякую попытку собаки подняться останавливайте ременной плетью, мало того, первое время не надо позволять ей поднимать головы с передних лап.

Во время облавы никогда не

спускайте собаку со сворки на приноску, раз вы не получили на это особого разрешения от руководителя охоты. Неопытная собака под влиянием новых впечатлений может привыкнуть к бесцельной беготне и другим порокам, а это будет тем более досадно вам, что оно происходит на виду у всех охотников и поэтому может бросить ложный свет как на ученика, так и на учителя.

Очень часто случается, что подстреленный заяц притаится в меже где-нибудь поблизости как будто убитый наповал; но стоит собаке подойти к нему, он вскакивает

и нередко сверх всякого ожидания бежит. Собака преследует его вдоль всей линии стрелков, а это к величайшей досаде расстраивает всю охоту; поэтому пусть ее хозяин не жалуется, если ему станут высказывать правду в слишком сильных выражениях.

Дайте лучше подбитому зайцу спокойной пробежать и заметьте то место, куда он спрятался.

Собака должна найти след, не рыская во все стороны, но идя недалеко впереди охотника; попав на след, собака по команде: «ищи, потеряна!» начинает идти вперед до тех пор, пока не наткнется на

спрятавшегося зайца; здесь она преследует его, пока не поймает.

Эти упражнения особенно важны в холодную погоду по мерзлой тропе и делают собаку настолько опытной, что она скоро привыкает куда угодно идти по слабому кровавому следу, между тем как на след здоровых зайцев не обращает ни малейшего внимания. В той же степени возрастает у ней и спокойствие во время облавы, так как она знает, что ее работа начинается только после конца охоты.